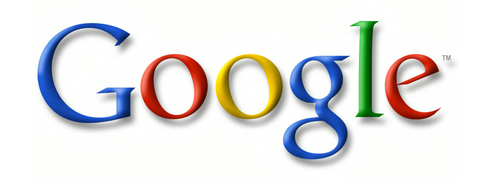

Russko-Pol'skiia otnosheniia i chestvovanie poliakami Pushkina. 1899.

STANFORD LIBRARIES
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

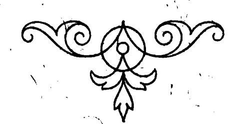

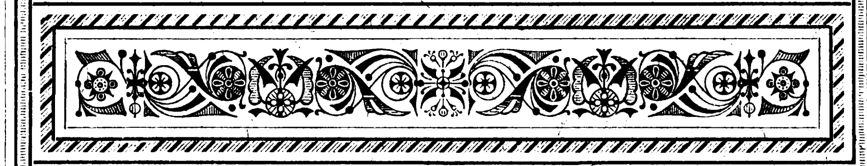
Русско-Польскія

отношенія

и

Чествованіе поляками Пушкина

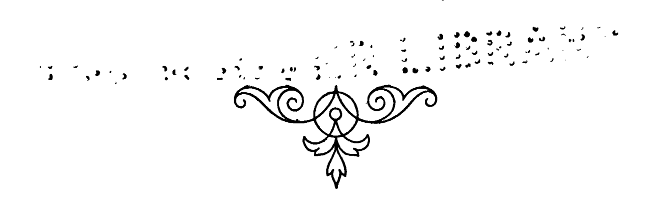

РУССКО-ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

И

ЧЕСТВОВАНІЕ ПОЛЯКАМИ

ПУШКИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 13.
1899.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 16 августа 1899 г.

Скоро минетъ два года съ того момента, когда Варшава съ безпримѣрнымъ восторгомъ привѣтствовала Государя Императора и Царскую Семью, а Государь осчастливилъ поляковъ словами: „Я вѣрю въ искренность вашихъ чувствъ". Варшава была великолѣпно убрана ко дню Царскаго пріѣзда: на пути Ихъ Величествъ выставлены были нѣсколько тріумфальныхъ арокъ, украшенныхъ цвѣтами; передъ всѣми костелами на пути вышло духовенство въ облаченіи; Царскіе экипажи слѣдовали среди шпалеръ, образованныхъ представителями польскаго общества, которымъ было предоставлено и охраненіе порядка. Затѣмъ Государь изволилъ принять польскій комитетъ, который поднесъ Его Величеству фондъ въ милліонъ рублей, собранный поляками для увѣковѣченія дня перваго пріѣзда Монарха въ Варшаву основаніемъ какого-либо учрежденія, по Высочайшему благоусмотрѣнію. Наконецъ, не только всѣ польскія газеты, издающіяся въ предѣлахъ русскаго государства, но и нѣкоторыя изъ выходящихъ за границею привѣтствовали прибытіе Государя Императора въ Варшаву выраженіями такихъ чувствъ, которыя обозначали положительный поворотъ въ отношеніи поляковъ къ русской власти и Россіи.

Моментъ былъ знаменателенъ по новизнѣ явленія, по

очевидному увлеченію стотысячной толпы, по чувствамъ выраженнымъ выдающимися представителями и органами польскаго общества, и, въ особенности, по милостивому заявленію Государя о признанной Имъ искренности этихъ чувствъ.

Все это и въ русскомъ обществѣ не могло не вызвать значительнаго впечатлѣнія. Представлялось вполнѣ естественнымъ, что затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ описаній и спеціальныхъ статей, появлявшихся какъ въ русской, такъ и въ польской печати, предпринятъ былъ, такъ сказать, пересмотръ русско-польскихъ отношеній, неоднократно высказывалась мысль о необходимости сближенія двухъ славянскихъ народовъ и о возможности установить нормальныя, окончательныя условія быта польскаго населенія въ русскомъ государствѣ на началахъ политическаго единства, полной гражданской равноправности и неприкосновенности религіозныхъ и національныхъ особенностей польскаго населенія.

Найти удовлетворительную формулу и установить согласно съ ней цѣльную, окончательную систему—дѣло, конечно, не легкое. Въ теченіе слишкомъ полутора года эта задача разрѣшена быть не могла, уже по самой ея сложности, а сверхъ того, надо имѣть въ виду, что ни предубѣжденія, ни долговременныя привычки не могли устраниться сразу и должны были, неизбѣжно, представлять нѣкоторую помѣху для дѣятелей, одушевленныхъ самыми лучшими намѣреніями, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Невозможно было и ожидать, чтобы, какъ въ польской, такъ и въ русской печати проявилось полное единодушіе, чтобы отъ предубѣжденій и заподозрѣваній сразу отказались даже такіе органы, которые сдѣлали себѣ изъ нихъ спеціальность. Конечно, не слѣдуетъ удивляться, что присяжные глашатаи и сѣятели розни не преобразились въ ревнителей сближенія и нельзя не признать, что ихъ усилія поддерживать раздраженіе до нѣкоторой степени все-таки тормазили и замедляли дальнѣйшее улучшеніе отношеній.

Съ другой стороны, среди польскаго общества нашлись люди, которые искренно увлекались въ торжественные августовскіе дни въ Варшавѣ въ 1897 году.

Указать на отдѣльныя „обратныя теченія“ необходимо для соблюденія полной правдивости, а кромѣ того еще и съ цѣлью напомнить всѣмъ тѣмъ, кому дорога идея лучшаго взаимнаго ознакомленія и сближенія между обществами польскимъ и русскимъ, что они не должны ограничиваться добрыми пожеланіями, но дѣятельно помогать сближенію, стараясь пользоваться всѣми благопріятными для этого случаями и знакомя обѣ стороны съ каждымъ усиліемъ или вѣскимъ заявленіемъ, исходящими изъ русскаго и польскаго обществъ. Только при помощи такихъ стараній можно будетъ надѣяться превозмочь со временемъ помѣхи и не дать заглохнуть добрымъ начинаніемъ. Такова именно цѣль настоящей брошюры.

Какъ уже замѣчено выше, осуществленіе нѣкоторыхъ фактическихъ улучшеній, хотя бы въ видѣ пересмотра тѣхъ или другихъ исключительныхъ мѣръ, сложно и трудно само по себѣ, даже независимо отъ упомянутыхъ единичныхъ помѣхъ. Извѣстный варшавскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. Наблюдатель, знатокъ мѣстныхъ административныхъ условій, отдавая справедливость умѣреннымъ желаніямъ такъ называемыхъ сторонниковъ примиренія въ польскомъ обществѣ, высказывалъ въ сентябрѣ 1897 г. слѣдующія замѣчанія, съ которыми поучительно справиться и въ настоящее время, по прошествіи безъ малаго двухъ лѣтъ. „Признаніе національной, этнографической и культурной самобытности (котораго ожидаетъ польское общество) налагаетъ на правительство обязанность остерегаться всего того, что можно признать покушеніемъ на ея существованіе. Сколько ума и проницательности нужно для безошибочнаго опредѣленія условій, при которыхъ народность должна не только существовать, но и развиваться! Для правильнаго развитія литературы народа необходимо внимательное отно-

нія за послѣдніе 1½—2 года, въ которыхъ могъ выразиться большій или меньшій успѣхъ въ дѣлѣ польско-русскаго сближенія, то мы должны были упомянуть и о новѣйшей фазѣ вопроса о разграниченіи областей языковъ государственнаго и мѣстнаго.

Можно находить логичнымъ, что по мѣрѣ расширенія круга интервенціи государственной въ дѣлахъ общественныхъ и промышленныхъ, расширяется и та сфера, въ которой является обязательнымъ государственный языкъ, передъ которымъ отступаетъ языкъ мѣстный. Но кромѣ логики абстрактной, въ безусловномъ примѣненіи какого-либо правила, существуетъ еще логика постепенности въ явленіяхъ, есть логика жизни. И вотъ, трудность разграниченія сферы языковъ засвидѣтельствовалась еще тѣмъ, что эти двѣ логики оказались въ нѣкоторой коллизіи. Акціонерныя общества въ Царствѣ, члены ихъ правленій и служащіе въ нихъ, банкиры и промышленники, купцы и ремесленники впали въ нѣкоторое недоразумѣніе, усматривая въ требованіи, чтобы во вновь учреждаемыхъ предпріятіяхъ журналы засѣданій и счетоводство велись на русскомъ языкѣ, а чтобы по прошествіи десяти лѣтъ это сдѣлалось обязательно и для предпріятій, существовавшихъ раньше и хотя бы уже продолжительное время—новое стремленіе къ руссификаціи Царства. Хотя къ единичнымъ купцамъ и къ ремесленникамъ такое требованіе и не предъявляется, но они опасаются, что придетъ очередь и на нихъ. И какъ бы ни старались имъ растолковать, что это—только логическое примѣненіе правила объ обязательности государственнаго языка во всемъ, что можетъ служить предметомъ провѣрки и надзора со стороны государства, они твердятъ свое. „Какой же это залогъ для сближенія, какое улучшеніе въ виду самыхъ умѣренныхъ нашихъ ожиданій? Вѣдь наши книги и дѣлопроизводство намъ позволялось вести на родномъ языкѣ и въ самое строгое время, при кн. Паскевичѣ, гр. Бергѣ и т. д.; стало быть, это не успѣхъ, а наоборотъ, новое ограниченіе“.

Напрасно было бы, конечно, преувеличивать значеніе этого вопроса, но и мелочнымъ его, по существующимъ въ краѣ отношеніямъ, признать также нельзя и мы должны были его коснуться, чтобы представить сколько-нибудь живой очеркъ разныхъ теченій, какъ среди русскаго, такъ и польскаго обществъ.

Зато прекрасное впечатлѣніе было произведено при введеніи въ Царствѣ попечительствъ по народной трезвости тѣмъ фактомъ, что при утвержденіи мѣстныхъ попечителей или членовъ-сотрудниковъ не было отдаваемо предпочтенія русскимъ. Въ числѣ утвержденныхъ лицъ встрѣчаются и русскіе жители края, какъ то вполнѣ естественно. Но большинство, что не менѣе естественно, состоитъ изъ поляковъ, при чемъ къ сотрудничеству въ дѣлѣ народной трезвости допущены и землевладѣльцы, и фабриканты, и ксендзы. Затѣмъ, по нѣкоторымъ вѣдомствамъ были примѣры опредѣленія поляковъ на мѣстныя административныя должности, хотя перемѣна въ этомъ отношеніи пока незначительна.

Но вотъ есть успѣхъ и пріобрѣтеніе для поляковъ, котораго никто, даже и горсть непримиримыхъ, отрицать не могутъ: въ Варшавѣ воздвигнутъ памятникъ Мицкевичу и давая разрѣшеніе на постановку монумента, правительство отложило въ сторону политическіе идеалы Мицкевича и согласилось почитать въ немъ великаго польскаго поэта. Благопріятнымъ симптомомъ улучшившагося положенія могло служить и то, что открытіе памятника, которое электризовало населеніе Варшавы, не исключая и рабочаго класса, произошло безъ малѣйшаго нарушенія порядка среди многотысячной толпы.

Позволительно видѣть счастливое предзнаменованіе въ томъ, что именно празднованіе столѣтней годовщины рожденія сперва Мицкевича, а затѣмъ Пушкина, дало поводъ къ открытому и искреннему обмѣну сочувственныхъ заявленій со стороны выдающихся представителей русскаго и поль-

скаго обществъ. Мы не скрыли выше нѣкоторыхъ замедленій и недоразумѣній мало способствовавшихъ за послѣднее время развитію сближенія. Правда, иные ожидали слишкомъ многого и по необходимости должны были обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Но нельзя не отмѣтить, что и людямъ наиболѣе трезвыхъ и умѣренныхъ воззрѣній пришлось убѣдиться, что фактическое положеніе нѣсколько ослабило ихъ авторитетъ и даже довѣріе къ нимъ среди польскаго общества.

А между тѣмъ, и несмотря на не особенно благопріятныя для того обстоятельства, состоялись такіе знаменательные факты, какъ обѣдъ устроенный въ Петербургѣ Обществомъ литературнаго фонда съ Союзомъ русскихъ писателей въ честь Мицкевичевской годовщины, а затѣмъ празднованіе въ честь Пушкина въ Краковѣ, устроенное профессорами тамошняго университета, присылка въ Петербургъ для передачи Пушкинскому комитету сочувственныхъ телеграммъ сенатомъ Львовскаго университета, Познанскимъ Обществомъ любителей наукъ, редакціями нѣсколькихъ польскихъ газетъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ выходящихъ за границею, Сенкевичемъ, Прусомъ, г-жей Оржешко, Семирадскимъ, сыномъ Мицкевича Владиславомъ, Владиміромъ Гадономъ, бывшимъ секретаремъ князя Адама Чарторійскаго, и нѣсколькими представителями польской аристократіи; польскій литературный вечеръ въ честь Пушкина въ Петербургѣ съ участіемъ профессора Спасовича и доцентовъ Пташицкаго и Лося и обѣдъ для празднованія Пушкина, данный редакціею газеты „Kraj“, на которомъ присутствовали вицепрезидентъ и нѣкоторые члены русской академіи наукъ, русскіе профессоры, сановники и публицисты.

Итакъ, мы видимъ, что черезъ два года, несмотря на частныя недоразумѣнія, идея сближенія двухъ славянскихъ народовъ выразилась еще явственнѣе и опредѣленнѣе. И даже, чѣмъ меньше можно было найти именно въ настоя-

щую минуту такихъ положительныхъ фактовъ, которые бы подвигали ее впередъ, чѣмъ неожиданнѣе являлись эти взаимно сочувственныя заявленія, тѣмъ большее они имѣли значеніе. Ученыя и литературныя корпораціи обоихъ народовъ приносили дань почитанія двумъ великимъ именамъ, составляющимъ гордость этихъ народовъ, представители русскаго и польскаго обществъ обмѣнивались словами сочувствія и пожеланіями умиротворенія. Стало быть, идея сближенія развивается самостоятельно, перерастая всѣ неблагопріятныя обстоятельства, что составляетъ лучшее доказательство ея жизненности и внутренней силы. Совершенно кстати „Новое Время", по поводу польскихъ литературнаго вечера и обѣда въ честь Пушкина, ставило вопросъ: „возможно ли было нѣчто подобное всего лѣтъ пять-шесть назадъ?"

Новое и вѣское свидѣтельство въ томъ же смыслѣ представили затѣмъ пастырскія посланія и аллокуціи католическихъ епископовъ въ Царствѣ и въ Западномъ краѣ, призывающія католиковъ къ пожертвованіямъ на пользу мѣстностей Россіи пострадавшихъ отъ неурожая.

Стало быть, для улучшенія взаимныхъ отношеній и сближенія представляется благодарная почва, какъ въ польскомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ. Единичные диссонансы не могутъ служить опроверженіемъ этого, какъ и медленность фактическихъ улучшеній не опровергаетъ значенія тѣхъ улучшеній, какія уже состоялись. Но если почва эта благодарная и если сближенію положено уже начало, выразившееся доселѣ преимущественно въ области теоріи, то можно ожидать, что каждое фактическое улучшеніе въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, которыя были послѣдствіемъ 1863 года, отмѣна каждаго ограниченія, каждый шагъ къ уравненію польскихъ губерній въ управленіи и самоуправленіи съ губерніями русскими, вниманіе къ польскому языку, которымъ говорятъ до десяти милліоновъ русскихъ подданныхъ, по меньшей мѣрѣ одинаковое, какъ къ языку нѣмецкому, являю-

щемуся роднымъ только для нѣсколькихъ сотъ тысячъ русскихъ гражданъ—несомнѣнно принесли бы обильные плоды и подвинули бы дѣло сближенія съ быстротой, которая изумила бы и русскихъ, и самихъ поляковъ. Такія неожиданности являетъ все то, что одарено жизненною силой, подобно тому, какъ растительность пробивается между сложенными камнями и покрываетъ пески, если только развитіе ея не встрѣчается съ намѣренно поставленными препятствіями.

Каждое облегченіе въ исключительныхъ условіяхъ, дѣйствующихъ уже десятки лѣтъ, было бы важно не только само по себѣ, но еще болѣе тѣмъ, что оно свидѣтельствовало бы о довѣріи къ полякамъ и объ измѣненіи отношенія къ нимъ. Вотъ почему и каждый шагъ въ прежнемъ направленіи, хотя бы въ глазахъ властей онъ и не имѣлъ политическаго значенія, а истекалъ лишь изъ видовъ административнаго удобства, на поляковъ производитъ особое, для русскихъ неожиданное и даже не вполнѣ понятное впечатлѣніе. Такъ, напр., хотя бы введеніе государственнаго языка въ дѣлопроизводство и счетоводство частныхъ предпріятій. Иному, даже искренне расположенному къ полякамъ русскому человѣку можетъ показаться, что это вопросъ мелкій, что принимая слишкомъ къ сердцу такое или иное его рѣшеніе, поляки преувеличиваютъ дѣло и выказываютъ мелочную раздражительность. Но въ томъ-то и дѣло, что крупнаго ничего не происходитъ, а каждый мелкій фактъ принимается какъ признакъ того направленія, въ какомъ имѣютъ далѣе идти мѣропріятія вообще. Такимъ образомъ, иной и мелкій фактъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ населенія весьма важное значеніе, бросая свѣтъ на все ближайшее будущее.

Для того, чтобы имѣть право разсчитывать на довѣріе надо заслужить его, вотъ что, разумѣется, легко сказать по этому поводу. Но уже не такъ легко опредѣлить, какимъ же именно образомъ и въ теченіе какого времени могли бы

поляки пріобрѣсти себѣ большее право на довѣріе, чѣмъ сколько они заслуживаютъ его въ настоящее время. Если довѣріе было ими утрачено вслѣдствіе несчастнаго событія 1863 года, то истекшія съ тѣхъ поръ 35 лѣтъ полнаго спокойствія и безпрекословнаго исполненія законовъ и всѣхъ распоряженій могли бы уже возстановить довѣріе. Если языкъ заграничной польской печати при существованіи репрессивныхъ мѣръ былъ враждебенъ Россіи, то тѣмъ большее значеніе долженъ получить тотъ новѣйшій поворотъ, когда польскіе ученые и литературныя общества за границей сочувственно откликаются на русское народное чествованіе Пушкина, а сборы въ пользу неурожайныхъ мѣстностей Россіи происходятъ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Познани.

Если положительныя доказательства ясно примирительнаго поворота въ отношеніи поляковъ къ Россіи, какъ августовскія торжества 1897 года, множество заявленій не только варшавской печати, но и такихъ заграничныхъ газетъ, какъ „Czas“ и „Dziennik Pornański“, а наконецъ и новѣйшія свидѣтельства, о коихъ упомянуто выше, кому-либо казались бы еще недостаточно убѣдительными, то можно указать въ подкрѣпленіе еще на факты, удостовѣряющіе, что для поляковъ не можетъ уже быть никакого расчета враждовать съ Россіею и что пріобрѣсти искреннія ихъ сочувствія даже за границею зависитъ нынѣ исключительно отъ нея. Разгромъ Франціи Германіею и вступленіе Франціи въ союзъ съ Россіею указываютъ на то, что и полякамъ въ будущемъ можно разсчитывать только на Россію. Въ Пруссіи всѣ усилія теперь направлены прямо къ истребленію польской народности и хотя эти усилія доселѣ произвели лишь незначительные результаты даже по скупу польскихъ земель, но все-таки прибавленіе новыхъ 100 милл. марокъ къ прежнимъ 100 милл., предназначеннымъ для этой цѣли, свидѣтельствуетъ, что въ Пруссіи поляки могутъ ожидать только ухудшенія, а никакъ не улучшенія своего быта.

Впрочемъ поляки не повѣрили даже и льстивымъ нашептываніямъ прусскихъ „пресмыкающихся“ органовъ еще въ послѣднее время правленія Бисмарка. Внушенія „Силезской газеты“, что Германія могла бы возстановить Польшу для ослабленія Россіи, еслибы только поляки отреклись отъ Познани и дѣйствовали солидарно съ прибывающими въ Царство нѣмецкими поселенцами, были въ свое время отвергнуты польской печатью съ негодованіемъ, какъ новая прусская ловушка. Отсюда и перемѣна „курса“ по отношенію къ нимъ въ Пруссіи, смѣна зазывовъ борьбою. Одного только поляки не могутъ оспаривать въ отношеніи къ нимъ Пруссіи: вѣдь и тамъ, въ 1848 году, было польское возстаніе, а затѣмъ, польскіе эмигранты играли главную роль при защитѣ баррикадъ въ Дрезденѣ и въ революціонномъ движеніи въ Баденѣ. И однакоже это не послужило препятствіемъ къ распространенію на нихъ всѣхъ политическихъ правъ, наравнѣ съ нѣмцами. Нынѣ, черезъ 35 лѣтъ послѣ событій 60-хъ годовъ, не мѣшаетъ вспомнить объ этомъ, хотя бы потому, что нѣкоторыя русскія газеты часто ссылаются на борьбу прусскаго правительства съ поляками и что прусскіе примѣры у насъ вообще считаются убѣдительными.

Никакой помощи не могутъ ожидать и отъ Австріи даже мечтатели среди поляковъ, несмотря на полную равноправность поляковъ въ Австріи съ другими народностями, на данное Галиціи, какъ и прочимъ „королевствамъ и землямъ“ Габсбургской монархіи широкое самоуправленіе, наконецъ, на личное благоволеніе императора Франца-Іосифа къ полякамъ. Австрія могла пріобрѣсти (хотя и это еще не признано окончательно) Боснію и Герцеговину: но никогда она не будетъ въ состояніи оторвать что-либо отъ Пруссіи или Россіи. Это очевидно. Что поляки относятся благопріятно къ Австріи въ благодарность за данныя имъ права, это совершенно естественно, и напрасно у насъ нѣкоторыя газеты винятъ въ этомъ поляковъ. Наоборотъ, это служитъ только

примѣромъ, что поляки вовсе не непримиримы по своему характеру, что они способны вступить въ тѣсную солидарность съ государствами, къ которымъ имъ пришлось принадлежать по волѣ судьбы. И что же говорили бы тѣ же, враждебныя полякамъ газеты, если бы было иначе, еслибы поляки остались непримиримыми и въ Австріи? Разумѣется, говорили бы, что если поляки и Австріею недовольны, несмотря на все, что она дала имъ, то очевидно имъ нигдѣ не стоитъ дѣлать никакихъ уступокъ. Однако поляки въ Австріи оказываются не только довольными, но даже едва ли не самыми преданными Гагсбургской монархіи подданными, хотя, повторяемъ, Галиція имѣетъ только равныя права съ другими „королевствами и землями", входящими въ составъ Цислейтаніи.

Ни въ Австріи, гдѣ правительство смотрѣло на поляковъ подозрительно до 60-хъ годовъ, ни въ Пруссіи, гдѣ было польское возстаніе, не требовали отъ поляковъ, чтобы они сперва заслужили довѣріе къ себѣ, прежде, чѣмъ на нихъ будутъ распространены тѣ же права по самоуправленію и участію въ общемъ управленіи, какія были предоставлены всѣмъ подданнымъ (въ Пруссіи конституціею 1848, измѣненною въ 1850 г., въ Австріи дипломомъ 1860 г., патентомъ 1861 г. и наконецъ, новою конституціею 1867 года). И это представлялось естественнымъ уже по той причинѣ, что области, не имѣющія никакихъ органовъ самоуправленія и законныхъ представителей населенія, лишены и возможности заслуживать довѣріе какими-либо положительными дѣйствіями, и лояльное отношеніе съ ихъ стороны къ государству и можетъ выражаться только соблюденіемъ спокойствія и безпрекословнымъ исполненіемъ законовъ.

Нельзя поэтому и понять, почему нѣкоторыя газеты считали недостаточнымъ для возстановленія довѣрія къ населенію Царства Польскаго, во-первыхъ, факта 35-ти-лѣтняго спокойствія въ этой области, а во-вторыхъ, восторженныхъ варшавскихъ дней въ августѣ 1897 г., и послѣдовавшихъ съ

тѣхъ поръ примирительныхъ и сочувственныхъ заявленій въ польской печати, а наконецъ, хотя бы и отклика заграничныхъ польскихъ ученыхъ и литературныхъ корпорацій и наиболѣе извѣстныхъ современныхъ польскихъ писателей на Пушкинское торжество въ Петербургѣ. Вѣдь въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ ни земскихъ, ни дворянскихъ учрежденій, ни городскихъ выборныхъ управленій. Въ какой же области, при отсутствіи органовъ общественнаго самоуправленія, могла бы тамъ проявиться такая положительная дѣятельность, которая должна была бы снискать довѣріе къ нынѣшнему настроенію края? И дѣйствительно, тѣми газетами, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, предъявлялись къ полякамъ, въ видѣ условій для возстановленія довѣрія къ нимъ въ государствѣ, такія требованія, которыя отчасти представлялись неуловимыми, отчасти же были произвольны и даже смахивали прямо на отреченіе, въ нѣкоторой мѣрѣ, отъ католицизма и польскаго языка, то-есть требованія прямо неисполнимыя.

Вотъ почему нельзя не высказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что и имѣющихся уже данныхъ для сближенія и для полной равноправности поляковъ со всѣми гражданами Россіи совершенно достаточно. А такъ какъ дѣло, очевидно, идетъ къ этому и иного выхода изъ польскаго вопроса въ Россіи нынѣ нѣтъ, то и необходимо, чтобы сближеніе и полное уравненіе въ правахъ совершились въ возможно близкомъ времени. Напрасно требовать какихъ-либо новыхъ заявленій поляковъ въ этомъ смыслѣ, уже и потому, что неловко требовать отъ стороны побѣжденной частыхъ повтореній примирительныхъ чувствъ. Едва ли даже преувеличенія въ этомъ смыслѣ, еслибы они и были возможны, были бы сочувственны русскому обществу, которое не менѣе поляковъ чувствительно къ національному достоинству.

Можно прибавить, что скорѣе же то трезво-судящее большинство польскаго общества, въ которомъ за послѣдніе годы проявился столь благопріятный поворотъ въ смыслѣ

усвоенія русской государственной идеи, нуждалось бы въ ободреніи отъ государства и русскаго общества, въ поощреніи, которое можетъ быть оказываемо безъ всякаго ущерба для достоинства той стороны, которая владѣетъ силою. Поучительнымъ представляется здѣсь самый тотъ примѣръ, по поводу котораго и издается настоящая брошюра. Случайностью было, что оба великіе поэты—Пушкинъ и Мицкевичъ родились на разстояніи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, притомъ Мицкевичъ раньше Пушкина. Русскія литературныя общества взяли на себя благородный починъ, принявъ участіе въ чествованіи польскаго поэта и тѣмъ прямо вызвали еще болѣе широкое участіе представителей польской интеллигенціи въ чествованіи поэта русскаго, какъ это и удостовѣряется ссылкою на русскій починъ почти во всѣхъ польскихъ рѣчахъ и телеграммахъ. Судьба хотѣла, чтобы обоихъ великихъ поэтовъ связывали дружественныя отношенія и въ этомъ позволительно видѣть благое предзнаменованіе для окончательнаго, взаимно удовлетворительнаго устройства русско-польскихъ отношеній въ будущемъ.

Закладывая основаніе для этого будущаго, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что сооруженіе должно быть прочное и не тѣсное, а стало быть, надо устранить шаблоны и имѣть въ виду не мелочное педантство, но великую цѣль. Нѣтъ спора, поляки болѣе заинтересованы въ сближеніи и уравненіи правъ, чѣмъ русскіе, такъ какъ они не могутъ дать Россіи столько, сколько она можетъ дать имъ. Но и Россія несомнѣнно заинтересована въ устраненіи вражды и въ окончательномъ рѣшеніи этого спора. Дѣло въ томъ, что какъ ни охладѣло временно русское общество, послѣ 1878 года, къ общему вопросу славянскому, но вопросъ этотъ все-таки нѣкогда встанетъ передъ Россіей силою вещей и потребуетъ отъ нея рѣшенія. Изъ всего, что происходитъ въ Турціи видно, что „больной человѣкъ“ не выздоравливаетъ, а продолжаетъ клониться къ упадку. Наслѣдство послѣ него когда-нибудь откроется, и Россія, даже помимо воли, при-

нуждена будетъ принять участіе въ раздѣлѣ, такъ какъ иначе возгорится истребительная война между малыми христіанскими государствами Балканскаго полуострова.

Съ другой стороны, новые факты, происшедшіе въ теченіе того, почти двухлѣтняго (съ августа 1897 г. по настоящее время) періода, который нами разсматривается, показали, что и внутреннее положеніе Австріи не только не прочно, но можетъ сдѣлаться сомнительнымъ въ недалекомъ времени. Выше мы отмѣтили очевидную ошибочность высказывавшагося нѣкоторыми русскими изданіями (напр., г. В. Р. въ „Русскомъ Обозрѣніи") мнѣніе, будто поляки разсчитываютъ на Австрію, чтобы оторваться отъ Россіи. Поляки отлично понимаютъ, что Австрія не въ состояніи что-либо оторвать отъ Россіи. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія. Зато, въ послѣдніе два года сдѣлалось сомнительнымъ, возможно ли будетъ для поляковъ оказать такую помощь самой Австріи, чтобы отвратить ея разложеніе.

Необычайные успѣхи 1870 года, достигнутые нѣмцами благодаря неспособности тогдашняго французскаго правительства и благодаря поддержкѣ со стороны Россіи (о которой Россіи, всего черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось пожалѣть), внушили нѣмцамъ такое самомнѣніе и такую безпредѣльную притязательность, что въ то время, какъ въ Познани они силятся отобрать у поляковъ самую землю, въ Богеміи австрійскіе нѣмцы изъ одного уравненія чешскаго языка съ нѣмецкимъ дѣлаютъ вопросъ о существованіи Австріи. Страстность и цинизмъ, проявленные Вольфомъ и Шёнереромъ съ ихъ сподвижниками въ рейхсратѣ, вызвали сочувственныя заявленія во всѣхъ нѣмецкихъ областяхъ Австріи. Это страстное самодурство, проявляемое нѣмцами, столь сильно ими овладѣло, что они прямо угрожаютъ отпаденіемъ отъ Австріи къ Германіи, распѣваютъ „Wacht am Rhein" и „Deutschland über Alles", наконецъ, тысячами отпадаютъ отъ католицизма въ прусское протестантство, слѣдуя новому

кличу: „Los von Rom!“ который, при данныхъ обстоятельствахъ, значитъ просто los von Oestreich.

Итакъ, нѣмцамъ полное преобладаніе ихъ въ Австріи дороже самой вѣры; а между тѣмъ, такое преобладаніе невозможно въ государствѣ, которое, если можетъ имѣть будущность, то только въ федерализмѣ. Разъ эта борьба началась и повелась съ такимъ ожесточеніемъ, она уже не утихнетъ, такъ какъ нѣмцами, въ дѣйствительности, ставится вопросъ объ уничтоженіи польской національности въ Пруссіи и чешской въ Богеміи, о полной германизаціи областей со смѣшаннымъ славянско-нѣмецкимъ населеніемъ.

Эти новые признаки показываютъ, что не только Австріи невозможно будетъ принять на себя, вмѣсто Россіи, роль посредницы при ликвидаціи славянскаго вопроса на Балканахъ и за Балканами, но можетъ произойти кризисъ въ самой Австріи, при которомъ возникнетъ вопросъ, куда отойдутъ нѣмцы, а куда австрійскіе славяне.

Повторяемъ, эти вопросы могутъ возникнуть сами собою, безъ всякаго возбужденія со стороны Россіи и даже помимо ея воли, но возникнувъ, они неизбѣжно наложатъ на нее новыя обязанности. Все это слѣдуетъ имѣть въ виду и при окончательномъ урегулированіи русско-польскихъ отношеній. А съ высоты такой будущей задачи соглашенія съ другими славянскими народами, какъ безконечно мелкими представляются вопросы подобные тому, на какомъ языкѣ ведутся торговыя книги въ Варшавѣ и хотя бы протоколы акціонерныхъ правленій. Вѣдь другимъ славянскимъ народамъ придется предоставить не такія уступки; къ чему же впередъ отстранять отъ себя ихъ симпатіи излишней требовательностью для одного славянскаго языка насчетъ другого въ настоящее время?

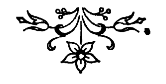
Съ своей стороны и поляки не должны спѣшить съ пессимитическими видами и разочаровываться слишкомъ легко насчетъ возможности улучшеній по поводу мелкихъ, а хотя бы и не мелкихъ, но частныхъ случаевъ. Важно то, чтобы

измѣнился духъ взаимныхъ отношеній, чтобы польская національность въ русскомъ государствѣ почувствовала доброжелательство къ себѣ со стороны власти и русскаго общества, даже прямое покровительство мирному и законному ея развитію. Необходимо одновременно, чтобы и русскому обществу и власти уяснилось, что каждый шагъ къ распространенію на Царство Польское правъ самоуправленія предоставленныхъ русскимъ губерніямъ, служилъ бы для поляковъ поводомъ и средствомъ къ тому, чтобы доказать уже на дѣлѣ полную ихъ солидарность съ государствомъ и желаніе работать какъ для своей, такъ и для его пользы и интересовъ. Все остальное, возможное для поляковъ, съ полной неприкосновенностью ихъ народности, и въ то же время согласимое съ видами государственнаго единства, истекло бы само собою изъ взаимнаго ознакомленія и согласія въ главномъ.

Въ помѣщаемомъ ниже отзывѣ Old Gentleman'a въ „Россіи" о польскомъ чествованіи Пушкина въ Петербургѣ, устроенномъ редакціею газеты „Kraj", высказано было, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „Общество обществу аукается, а отклика нѣтъ: онъ теряется гдѣ-то въ промежуточномъ пространствѣ: добрыя русскія намѣренія не доходятъ до поляковъ, польскія до русскихъ".

Вотъ этими словами и объясняется прямая цѣль изданія настоящей брошюры. Полный отчетъ о чествованіи поляками Пушкина, какъ въ Петербургѣ, такъ и за границею, съ польскими и русскими рѣчами, былъ напечатанъ въ „Краѣ". Но онъ такъ и остался бы тамъ, на польскомъ языкѣ, недоступномъ для сколько-нибудь значительнаго числа русскихъ читателей. И вотъ, желаніе, чтобы добрыя намѣренія поляковъ на этотъ разъ дошли до русскихъ, какъ добрыя намѣренія русскихъ ораторовъ и публицистовъ дошли до поляковъ въ польскомъ текстѣ „Края", и побудило насъ издать всѣ эти рѣчи и нѣкоторыя статьи въ русскомъ переводѣ или въ оригинальномъ русскомъ текстѣ.

Обзоръ свой мы закончимъ тѣми прекрасными словами, которыми заключалась превосходная рѣчь, сказанная на польскомъ обѣдѣ въ память Пушкина А. Ѳ. Кони: „Пусть же идетъ впередъ это мирное сближеніе и пусть къ двухсотлѣтней годовщинѣ рожденія Пушкина сдѣлается яснымъ, что въ великолѣпномъ пророчествѣ польскаго поэта (Мицкевича) одно лишь мѣсто было ошибочно:“ потокъ (раздѣлявшій скалы) высохъ и обѣ скалы соединились, сохранивъ за собой всѣ свойства своей природы, но будучи связаны прочнымъ цементомъ взаимнаго уваженія и золотой рудой любви къ ближнему“.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ ГАЗЕТѢ „KRAJ“.

Чествованіе памяти Пушкина поляками въ Петербургѣ не имѣло ни партійнаго, ни политическаго характера. Достаточно просмотрѣть фамиліи людей, приславшихъ на имя редакціи „Края“ телеграммы, чтобы убѣдиться, что между ними не мало было такихъ, которые не во всемъ согласны съ общей программой редакціи этого журнала. Исполняя свою задачу, редакція избрала для чествованія Пушкина не тотъ день, въ который назначено было общее торжество (26 мая), а 23-го, и предложила лишь всему польскому обществу свое посредничество для выраженія имъ почитанія памяти величайшаго русскаго поэта и для передачи этихъ выраженій въ руки тѣхъ, кто участвовалъ въ подобномъ же торжествѣ въ честь величайшаго польскаго поэта.

Всѣхъ, какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ участниковъ чествованія соединяло, думаемъ мы, общее желаніе воздать честь тому, кто составляя славу литературы, олицетворяетъ въ себѣ тѣмъ самымъ высшее духовное начало русскаго народа и, такимъ образомъ, засвидѣтельствовать свою признательность по отношенію къ русскимъ представителямъ литературы и науки, подавшимъ намъ руку въ подобномъ же случаѣ. Побужденіе это перевѣсило и тѣ аргументы, какіе можно бы извлечь изъ произведеній самого поэта. Не намъ памятовать другу Мицкевича, подтвердившаго свидѣтельство своей дружбы надъ гробомъ Пушкина, о тѣхъ строкахъ, которыми не попрекалъ его спустя шесть лѣтъ

послѣ 1831 года, самъ творецъ нашей патріотической поэзіи. Въ годовщину Мицкевича мы открыто заявляли, что несмотря на ненависть къ Россіи, которою дышали патріотическія произведенія Мицкевича, это обстоятельство не должно удерживать русское общество отъ признанія его генія. Неужели ли же воспоминаніе о немногихъ строкахъ, въ которыхъ Пушкинъ сдѣлалъ уступку патріотическому увлеченію своего народа, можетъ ослѣпить насъ и удержать насъ отъ признанія геніальности русскаго поэта.

Оговариваясь, что изъ многочисленности участія представителей польскаго общества въ нашемъ чествованіи памяти Пушкина мы не извлекаемъ какихъ-либо стремленій политическаго характера, мы должны однако особо подчеркнуть одинъ изъ эпизодовъ празднества. Одновременно съ нами выдающіеся представители польской науки, литературы и искусства въ Краковѣ организовали публичное торжество въ честь русскаго поэта, при чемъ не только въ телеграммахъ, присланныхъ на имя польскихъ устроителей петербургскаго торжества, но и въ рѣчахъ своихъ участниковъ, провозгласили мысли созвучныя той, которая вошла въ программу „Края", т. е. о духовномъ сближеніи польскаго общества, независимо отъ политическаго его положенія, съ тою частью русскаго общества, съ которой соединяетъ насъ обоюдное убѣжденіе въ необходимости взаимнаго уваженія народнаго духа и безусловнаго признанія всего того, что составляетъ отличительную сущность каждаго народа.

Юбилейный обѣдъ въ честь Пушкина.

По инціативѣ редакціи „Края“ торжество чествованія Пушкина состоялось 23 мая, за три дня до всероссійскаго празднества пушкинскаго юбилея. На обѣдѣ участвовало всего восемьдесятъ человѣкъ (въ ресторанѣ „Медвѣдь“ на Мойкѣ). Редакторъ „Края“, въ качествѣ распорядителя, предложилъ гостямъ, собравшимся ровно къ семи часамъ пополудни, избрать, по примѣру недавняго мицкевичевскаго торжества, предсѣдателемъ собранія профессора Владиміра Спасовича. По правую сторону подлѣ него занялъ мѣсто вице-президентъ академіи наукъ Л. Н. Майковъ, по другую предсѣдатель историческаго общества профессоръ М. Карѣевъ. Противъ него помѣстились: почетный членъ академіи наукъ извѣстный юристъ и ораторъ, сенаторъ А. Ф. Кони, предсѣдатель Союза русскихъ писателей П. Н. Исаковъ и заслуженный писатель П. И. Вейнбергъ, главный организаторъ празднества въ честь Мицкевича. Далѣе протянулся въ обѣ стороны двойной рядъ участниковъ обѣда, русскихъ и поляковъ. Черная линія фраковъ не нарушалась ни блескомъ орденовъ, ни вообще какою-либо офиціальностью. Имена длиннаго списка присутствовавшихъ русскихъ гостей, сверхъ поименованныхъ, говорятъ сами за себя. Къ обществу польскихъ почитателей Пушкина, изъ русскихъ, кромѣ вышепоименованныхъ, присоединились для возданія почести Пушкину: несравненный ораторъ С. А. Андреевскій, членъ военно-юридической академіи извѣстный публицистъ К. К.

Арсеньевъ, извѣстный журналистъ-писатель, нынѣ редакторъ газеты „Россія“ А. В. Амфитеатровъ, директоръ русскаго телеграфнаго агентства А. Н. Алфераки, вице-предсѣдатель педагогическаго общества, авторъ превосходнаго этюда о Бродзинскомъ К. И. Арабажинъ, предсѣдатель филологическаго общества проф. С. К. Буличъ, композиторъ, музыкальный критикъ и публицистъ М. М. Ивановъ, вице-директоръ россійскаго телеграфнаго агентства П. А. Монтеверде, извѣстный литераторъ Л. Е. Оболенскій, извѣстный публицистъ-издатель А. Т. Пантелеевъ, знаменитый ученый, авторъ „Исторіи славянскихъ литературъ“ А. Н. Пыпинъ, редакторъ „Вѣстника Европы“ М. М. Стасюлевичъ, профессоръ университета, членъ академіи и географическаго общества М. И. Свѣшниковъ, сотрудникъ редакціи „Новаго Времени“ выдающійся фельетонистъ С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), извѣстный историкъ, начальникъ инженерной академіи, генералъ-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ, редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ князь Э. Э. Ухтомскій, директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ П. Л. Ваксель, сенаторъ И. П. Закревскій и другіе.

Среди многочисленныхъ польскихъ участниковъ торжественнаго обѣда, членовъ редакціи „Края“, а также и другихъ лицъ петербургскаго польскаго общества находились и прибывшіе спеціально для участія въ празднествѣ 23 мая: выдающійся публицистъ, соредакторъ „Слова“ д-ръ Ант. Донимірскій изъ Варшавы, Чеславъ Янковскій изъ Виленской губерніи и делегатъ Краковской академіи наукъ д-ръ Феликсъ Копера, командированный въ Россію для ученыхъ археологическихъ изслѣдованій.

Редакторъ „Края“ въ краткихъ словахъ пояснилъ цѣль и значеніе юбилейнаго банкета и отношеніе къ нему редакціи этого журнала, которая приняла на себя лишь задачу посредника между своими соотечественниками и чествующимъ память Пушкина обществомъ русскихъ писателей и ученыхъ.

„Редакція „Края“, сказалъ г. Пильцъ, исполняетъ при

этомъ лишь роль распорядителя и хозяина, выпавшую на нее въ силу обстоятельствъ и условій, въ которыхъ она находится. Это есть польскій обѣдъ въ честь и память Пушкина, предложенный приглашеннымъ гостямъ отъ имени явившихся издалека и всѣхъ проникнутыхъ желаніемъ обратиться къ посредничеству „Края“ для выраженія признательности русскимъ людямъ за выраженныя ими на чествованіи Мицкевича чувства и высказанныя убѣжденія. Этотъ смыслъ нашего чествованія подтверждается тѣми телеграммами, полученными въ теченіе сегодняшняго дня, текстъ которыхъ, частью польскій, частью французскій, я считаю обязанностью прочесть собравшемуся обшеству.

„Да позволено мнѣ будетъ—сказалъ онъ далѣе—довести до свѣдѣнія присутствующихъ здѣсь, что вчера въ Краковѣ происходило торжество, посвященное чествованію великаго русскаго поэта. Во главѣ устроителей этого торжества стали профессора ягеллоновскаго университета: Моравскій, Соколовскій и Здѣховскій. Собраніе, среди котораго было болѣе двадцати профессоровъ, слушало возвышеннаго характера сообщенія и рѣчи о значеніи поэзіи Пушкина. Телеграммы, находящіяся передъ нами, не исчерпываютъ полнаго числа присланныхъ по случаю юбилейнаго торжества депешъ. Такъ, напримѣръ, краковской академіей наукъ послана телеграмма непосредственно въ пушкинскую юбилейную коммисію; Генрикъ Сенкевичъ сдѣлалъ въ память его пожертвованіе въ пользу голодающихъ, присовокупивъ къ нему письмо. Такимъ же образомъ присоединился къ чествованію и Болеславъ Прусъ“.

Слова каждой изъ телеграммъ сопровождались рукоплесканіями. Когда они стихли, Вл. Спасовичъ приступилъ къ произнесенію своей полной содержанія рѣчи (см. далѣе). Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ рѣчей, русскихъ и польскихъ, печатаемыхъ вслѣдъ за симъ, частью вполнѣ, частью въ видѣ извлеченій изъ нихъ наиболѣе выдающихся мѣстъ, или въ переводѣ. Рѣчи эти, живо заинтересовавшія общество и вы-

зывавшія шумныя одобренія, тосты и оживленныя пренія, едва могли окончиться къ полуночи. Собраніе заключилось подъ вліяніемъ произнесенныхъ рѣчей и высокаго настроенія, которое выразилось между прочимъ обильными пожеланіями и изъявленіемъ симпатій, послужившихъ поводомъ для отправки телеграммы на имя комитета, устроившаго краковское чествованіе Пушкина.

Предложеніе объ этомъ принято было единогласными выраженіями согласія и громомъ аплодисментовъ.

Юбилейныя телеграммы,

полученныя на имя редакціи „Края“, а также и адресованныя ей для передачи въ Союзъ русскихъ писателей и въ Пушкинскую коммисію, учрежденную при Императорской академіи наукъ.

(Прочитаны редакторомъ „Края“ на торжественномъ обѣдѣ 23 мая.)

Краковъ.

Кружокъ поляковъ, собравшихся сегодня отпраздновать память Пушкина, шлетъ русскимъ, доброжелательнымъ къ нашей народности, съ любовью отнесшимся къ нашему поэту и языку, сердечный привѣтъ и выраженія удивленія къ русскому поэту и брошеннымъ имъ въ міръ честнымъ мыслямъ. Примите наши пожеланія, чтобы праведныя слова и дѣянія росли подъ знаменемъ словъ, провозглашенныхъ Пушкинымъ наканунѣ его кончины: добра, справедливости и красоты.

Профессора университета и члены комитета празднованія въ честь Пушкина *Казиміръ Моравскій, Маріанъ Соколовскій, Маріанъ Здѣховскій.*

Парижъ.

Какъ полякъ и какъ сынъ Адама Мицкевича, присоединяю мое поклоненіе Пушкину къ вашему. Да послужитъ проснувшееся чувство, нѣкогда на мгновеніе соединившее

великихъ поэтовъ, предвѣстіемъ лучшей будущности для обоихъ народовъ.

Владиславъ Мицкевичъ.

Львовъ.

Чествуя память величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, вы совершаете въ то же время должное по отношенію къ тѣмъ, которые почтили память Мицкевича и пребыли вѣрными идеаламъ, соединявшимъ въ молодые годы обоихъ поэтовъ. Признательный за приглашеніе на сегодняшнее торжество, сожалѣю, что прибыть не могу. Председатель общества польскихъ журналистовъ.

Л. Заіончковскій.

Гродно.

Глубокое почитаніе шлю памяти Александра Пушкина, первостепеннаго генія, славы вашей родины, друга Мицкевича. О, еслибъ всѣ мы, слѣдуя завѣтамъ и осуществляя мечты нашихъ великихъ поэтовъ и мыслителей, могли воздвигать алтари въ святилищѣ добра и общечеловѣческаго братства.

Элиза Оржешко.

Варшава.

Да воздастся честь памяти Пушкина, вдохновенными пѣснями содѣйствовавшему развитію отечественнаго языка и славѣ своей отчизны.

А. Гловацкій (Б. Прусъ).

Варшава.

Присоединяясь, при посредствѣ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, къ вашему торжеству, обращаемся къ вамъ съ просьбой выразить комитету Пушкинскихъ празднествъ наше благоговѣніе памяти великаго русскаго поэта, друга нашего Мицкевича.

Редакція газ. „*Słowo*“.

Парижъ.

Слава князю русской поэзіи.

Людоміръ Гадонъ.

Люблинъ.

„Люблинская газета", шлетъ свои сердечнѣйшія поздравленія по поводу столѣтія Пушкина.

Болеславъ Друцъ. Здиславъ Пясецкій.

Римъ.

Присоединяясь всѣмъ сердцемъ къ отзвукамъ восторженнаго прославленія Пушкина, раздающагося нынѣ по цѣлому славянскому міру, шлю свой привѣтъ блестящему обществу, собравшемуся вокругъ великаго имени.

Генрихъ Семирадскій.

Милославъ.

По поводу столѣтія великаго Пушкина присоединяюсь къ вамъ для засвидѣтельствованія высокаго уваженія къ имени безсмертнаго поэта и генію славянскаго племени.

Іосифъ Косцельскій, членъ прусской палаты господъ.

Калишъ.

„Калишская газета" присоединяется къ прочимъ польскимъ журналамъ въ чествованіи и прославленіи великаго русскаго поэта, друга нашего Адама Мицкевича.

Радванъ.

Лондонъ.

Просимъ передать комитету наше искреннее сожалѣніе, что мы не можемъ принять личнаго участія въ юбилейномъ торжествѣ великаго писателя. Присоединяемъ наше благоговѣніе къ вашему.

Янъ и *Эдуардъ Решке.*

Варшава.

Признавая важное значеніе народной поэзіи и народной жизни, отъ всей души присоединяемся къ торжеству столѣтія памяти Пушкина.

Редакція „*Kurjera Polskiego*“.

Краковъ.

Шлемъ выраженія благоговѣнія къ памяти великаго русскаго поэта, друга безсмертнаго Мицкевича.

Редакція „*Czasu*“.

Варшава.

Усердно просимъ повторить комитету юбилея о нашемъ величайшемъ сожалѣніи, что мы не можемъ быть съ вами. Отъ всего сердца присоединяемся къ чествованію Россіею памяти великаго поэта.

Гр. Владиславъ и *Іосифъ Велёпольскіе.*

Парижъ.

Всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ вашему чествованію памяти великаго поэта.

Янъ Розенъ, художникъ.

Краковъ.

Не имѣя возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, шлемъ вамъ выраженія нашего благоговѣнія къ генію русскаго поэта въ надеждѣ, что печать, памятуя дружбу, связывавшую Пушкина съ Мицкевичемъ, поможетъ правдѣ и справедливости одержать побѣду.

Бопре, Дембицкій, Хылинскій, Томковичъ.

Стокгольмъ.

Отъ всего сердца присоединяюсь къ торжеству, собравшему представителей двухъ великихъ славянскихъ народовъ,

для чествованія памяти русскаго поэта. Было бы счастіемъ, еслибъ единомысліе выдающихся людей двухъ народовъ привело къ соглашенію на всевозможныхъ поляхъ дѣятельности.

Станиславъ Гутовскій.

Львовъ.

Присоединяемся къ празднованію столѣтней годовщины великаго поэта.

Вильгельмъ Брухнальскій, Тадеушъ Чапельскій, Брониславъ Чарникъ, Брониславъ Губриновичъ, Александръ Гиршбергъ, Эдуардъ Павловичъ.

Варшава.

Подобно всѣмъ великимъ поэтамъ, Пушкинъ, подавая руку своему народу, другую протягиваетъ всему человѣчеству; подобно всѣмъ великимъ поэтамъ, онъ представляетъ собой одно изъ звеньевъ, соединяющихъ народы и приближающихъ къ намъ всеобщій міръ и гармонію. Слава великому поэту!

Викторъ Гомулицкій.

Львовъ.

Слава великому художнику слава, передъ которымъ благоговѣетъ русскій народъ, слава другу Мицкевича. Да процвѣтетъ могущество русской литературы безконечнымъ блескомъ.

Платонъ Костецкій.

Львовъ.

Принимаемъ живѣйшее участіе въ вашемъ чествованіи великаго поэта, мастера слова, человѣка благородной души, Александра Пушкина, пробуждавшаго своей лирой высокія чувства и вызывавшаго милосердіе къ страждущимъ.

Редакція „*Przeglądu*“.

Краковъ.

Чествуемъ память великаго русскаго поэта, друга нашего великаго поэта.

Редакція *„Przeglądu Powszechnego“.*

Вроцлавъ.

Слава великому поэту! Да убѣдятся оба народа, что будущее счастіе ихъ заключается въ союзѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи.

Проф. *Яроховскій.*

Познань.

Слава памяти великаго поэта!

Стефанъ Цегельскій (членъ герм. парламента).

Варшава.

Душевно сожалѣю, что не могу быть среди васъ, когда вы будете праздновать память великаго поэта и друга Мицкевича. Да здравствуютъ общечеловѣческіе идеалы любви и справедливости, да процвѣтаютъ народныя литературы.

Людвикъ Страшевичъ.

Краковъ.

Раздѣляя ваше благоговѣніе къ великому народному поэту, присоединяюсь къ торжеству юбилея вашей литературы.

Гр. Юрій Мыцѣльскій, проф. Крак. универс.

Варшава.

Произведенія могучей мысли имѣютъ преимущество вѣчной молодости, подобно паросской статуѣ; стремленія же возвышенной души остаются живыми навсегда. Величайшій вашъ поэтъ Пушкинъ завоевалъ себѣ это двоякое безсмертіе.

Гр. Адамъ Красинскій.

Львовъ.

Честь и слава памяти безсмертнаго творца Онѣгина!

Скирмунтъ, Душинскій, Уейскій, Павликовскій.

Краковъ.

Чествуемъ геніальнаго друга нашего Адама!

Іосифъ Ростафинскій, проф. Ягеллонск. универс.

Голонугъ (Кѣлецк. губ.).

Родство душъ, стоящихъ выше преградъ свѣта, предшествуетъ будущему братству народовъ.

Стефанъ Козловскій (землевл. Кѣл. губ.).

Варшава.

Не имѣя возможности воспользоваться оказанной намъ честью приглашенія, спѣшимъ обратиться къ вашему посредничеству для передачи выраженій почитанія памяти великаго русскаго поэта.

Влад. Бродовскій, *Игн. Барановскій* б. проф. универс.

Краковъ.

Память пѣвца „добрыхъ чувствъ" празднуютъ исповѣдующіе общечеловѣческую и международную справедливость.

Бодуенъ де Куртенэ, *Потканскій*, *Развадовскій*, *Лютославскій*.

Ольштынъ.

Слава великому поэту родственнаго намъ народа!

Редакція „*Газеты Ольштынской*".

Варшава.

Чествованіе великихъ умершихъ совершается не для нихъ, а для пробужденія возвышенныхъ чувствъ въ живущихъ, чувствъ, соединяющихъ человѣчество въ одну великую, культурную семью. Слава великому пѣвцу мира и свободы!

Людоміръ Грендышинскій.

Краковъ.

Въ день столѣтней годовщины рожденія величайшаго русскаго поэта, мы преклоняемся предъ его геніемъ и благородными его стремленіями, привлекшими къ нему дружбу Мицкевича.

Іосифъ Третякъ, *Наполеонъ Цыбульскій*, профессора Ягеллонскаго университета.

Гаага.

Всѣ симпатіи мои обращены къ вашему чествованію. Сожалѣю, что обстоятельства не дозволяютъ мнѣ лично принять въ немъ участіе.

Иванъ Бліохъ.

Познань.

Столѣтіе Александра Пушкина пробуждаетъ въ насъ чувства живѣйшей симпатіи къ великому русскому поэту.

„Dziennik Poznański“.

Д-ръ Владиславъ Лэбинскій.

Заславъ.

Присоединяясь къ общеславянскому чествованію юбилея Пушкина, прошу васъ засвидѣтельствовать коммисіи о моей горячей приверженности къ великому поэту и безпристрастному человѣку.

Сигизмундъ Луба-Радиминскій, членъ Пет. истор. общ.

Изъ Волыни.

Горячія пожеланія по случаю исполнившейся столѣтней годовщины великаго поэта.

Гр. Іосифъ Дунинъ-Карвицкій.

Варшава.

Привѣтъ чествующимъ память великаго поэта.

Фр. Гурскій (предсѣдатель Сѣдлецкаго общества сельскаго хозяйства).

Львовъ.

Принимаемъ живѣйшее участіе въ вашемъ чествованіи друга Мицкевича.

Корнилій Гекъ, Францъ Крчекъ, Тадеушъ Пини Алоизій Виняржъ, Мечиславъ Вармскій.

Торунь.

Поляки жители города Коперника, умѣющіе почитать геніевъ, чествуютъ Пушкина, не только какъ величайшаго русскаго поэта, но и какъ сердечнаго друга знаменитѣйшаго изъ нашихъ народныхъ пѣвцовъ. Честь и слава Пушкину и поздравительный привѣтъ его почитателямъ!

Редакція *„Торунской газеты"*.

Минскъ (Литовскій)

Присоединяюсь къ общеславянскому празднеству и братскому собранію въ честь великаго поэта.

Леонъ Іельскій.

Сташовъ.

Не имѣя возможности принять личнаго участія въ Пушкинскомъ торжествѣ, посылаемъ вамъ изъявленіе нашего величайшаго удивленія и искреннѣйшаго преклоненія предъ

геніемъ поэта, присоединяясь къ тѣмъ, кто чествуетъ сегодня день столѣтней его годовщины.

Кн. Матвѣй Радзивилъ съ сыномъ.

Варшава.

Хвала генію величайшаго русскаго поэта, слава котораго всемірна.

Баронъ Леопольдъ Кроненбергъ.

Львовъ.

Принимаю живѣйшее участіе въ торжественномъ чествованіи Пушкина, геніальнаго русскаго поэта, въ чествованіи друга нашего Мицкевича, въ чествованіи той лиры, которая, по собственнымъ словамъ пѣвца, всегда провозглашала свободу и взывала къ чувству справедливости по отношенію къ побѣжденнымъ.

Казиміръ Скржинскій (вице-президентъ общества польскихъ журналистовъ).

Парижъ.

Хотя и не присутствую на торжествѣ, но всѣмъ сердцемъ стремлюсь къ нему. О еслибъ духъ славнаго поэта, съ его величіемъ и справедливостью, распространялся среди великаго его народа!

Станиславъ Скаржинскій (членъ комитета земскаго кред. общ. въ Царствѣ Польскомъ).

Варшава.

Честь генію поэта!

Карлъ и Станиславъ Эстрейхеры.

Львовъ.

Душевно сливаемся съ торжествомъ устраиваемымъ поляками въ Петербургѣ, въ честь величайшаго русскаго поэта, друга Мицкевича.

Львовское литерат. общество имени Мицкевича.

Варшава.

Хвала и честь художнику слова!
Повсюду, гдѣ раздается славянская рѣчь
Славяне чествуютъ родного пѣвца,
Провозглашавшаго милосердіе!
Да совершится чудо замиренія,
И заблеститъ заря новыхъ дней.
Воздадимъ честь пророческой пѣсни!

Станиславъ Гласко.

3-го іюня нов. ст., т. е. одновременно съ празднованіемъ ред. „Края“, Краковская академія наукъ адресовала, по адресу Пушкинскаго комитета въ Петербургѣ, поздравительную телеграмму. О ней было упомянуто въ числѣ прочихъ телеграммъ, полученныхъ комитетомъ, на торжественномъ засѣданіи Петербургской академіи наукъ 26 мая.

На банкетѣ русской печати 26 мая предсѣдателемъ Союза писателей прочитаны были также телеграммы, присланныя комитету русской печати, отъ „Варшавскаго Курьера“ и газеты „Вѣкъ“.

Всѣ телеграммы адресованныя на имя редактора „Края“, послѣдній имѣлъ счастіе представить и вручить высокому предсѣдателю Пушкинскаго комитета Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу.

Переводъ письма

Генрика Сенкевича

къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ кн. Э. Э. Ухтомскому, на французскомъ языкѣ.

Россія празднуетъ юбилей своего величайшаго поэта при обстоятельствахъ, чрезвычайно печальныхъ. Ваши губерніи страдаютъ отъ голода, и дѣти вашихъ крестьянъ умираютъ отъ нужды и цынги. Несчастное положеніе этихъ дѣтей опечалило меня и внушило мнѣ мысль, что лучшимъ способомъ почтить память вашего поэта, друга Мицкевича, будетъ— хотя и въ видѣ скромной лепты,—помощь этимъ невиннымъ существамъ, страждущимъ и ожидающимъ вспомоществованія. Съ этой цѣлью я обращаюсь съ просьбой напечатать слѣдующее предложеніе.

Уже нѣсколько лѣтъ различные русскіе журналы печатаютъ переводы всѣхъ моихъ произведеній, а нѣкоторые книгопродавцы выпустили ихъ уже во многихъ изданіяхъ. Очевидно, ни журналы, ни издатели не дѣлали бы этого, если бы это приносило имъ убытокъ вмѣсто прибыли, которая, какъ я полагаю, еще увеличивалась, благодаря тому обстоятельству, что я никогда не требовалъ и не получалъ гонорара. Я предлагаю поэтому, чтобы издатели, печатавшіе мои произведенія, внесли свою лепту для дѣтей, умирающихъ съ голода. Пусть каждый дастъ столько, сколько хочетъ, и сколько его чувства ему подсказываютъ! Ихъ много (этихъ издателей) и, при нѣкоторой сердечной добротѣ,—а у меня нѣтъ основанія сомнѣваться въ ея существованіи— будетъ собрана сумма, которая осушитъ не одну слезу и спасетъ не одного несчастнаго.

Не желая, однако, быть обвиненнымъ въ великодушіи на чужой счетъ, я присоединяю съ своей стороны 50 руб. съ просьбой употребить ихъ на вспомоществованіе этимъ несчастнымъ дѣтямъ.

Мнѣ хочется при этомъ рѣшительно заявить, что, дѣйствуя такимъ образомъ, я не руководствуясь политической точкой зрѣнія и не вступаю ни въ какіе компромиссы, потому что тамъ, гдѣ дѣло идетъ прежде всего о справедливости, вопросъ можетъ быть поставленъ только на эту точку зрѣнія. Я руководствуюсь исключительно желаніемъ почтить память вашего поэта, какъ ваши литераторы нашего, а также чувствами сына націи, которая цѣлые вѣка высоко несетъ знамя христіанской культуры и слѣдуетъ указанными ею путями.

Варшава, 19 (31) мая.

РѢЧИ

на польскомъ обѣдѣ 23-го мая.

Проф. В. Спасовича.

„Не безъ нѣкотораго волненія обращаюсь къ вамъ, господа наши русскіе гости, отъ имени моихъ земляковъ. Мнѣ кажется, не знаю правильно или неправильно, что въ этотъ моментъ совершается нѣчто крупное и знаменательное для настоящаго и грядущаго. Въ декабрѣ 1898 г. русскіе профессора, писатели и артисты чествовали въ С.-Петербургѣ память Мицкевича, нынѣ память Пушкина чествовалась или чествуется одновременно поляками не только въ Петербургѣ, но за предѣлами Россіи, напримѣръ, въ Краковѣ и иныхъ мѣстахъ. Никогда еще не бывало ничего тому подобнаго. Случалось, что русскій человѣкъ попадалъ въ польское общество и дружился и былъ какъ у себя дома, напримѣръ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій въ Варшавѣ въ десятыхъ годахъ или Мицкевичъ въ русскомъ обществѣ въ двадцатыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. То были рѣдкія исключенія, единичные случаи, да и въ тѣхъ случаяхъ тѣ единицы не договорились до конца, не сообщали всего что чувствовали, старались не касаться больныхъ мѣстъ и вопросовъ. Сознавалось инстинктивно, по внутреннему чутью, что родственныя по расѣ національности не могутъ соприкоснуться не сталкиваясь, не враждуя, не относясь къ себѣ

взаимно такъ: что тебѣ зло, то мнѣ добро и наоборотъ. И вдругъ, послѣ сорока лѣтъ съ 1859 погоды самой пасмурной, блеснуло на облакахъ нѣчто похожее на ту дугу на облакахъ, которую увидѣлъ Ной по выходѣ изъ ковчега, знаменіе завѣта, что не будетъ вода въ потопъ во истребленіе всякой плоти.

Вамъ извѣстно, господа, что чудесъ въ мірѣ нѣтъ ни въ радугѣ, ни въ перемѣнахъ мыслей и чествованій и у отдѣльныхъ лицъ и въ народахъ. Всякое новое явленіе умъ изслѣдуетъ въ его причинахъ, въ условіяхъ его происхожденія, наконецъ въ томъ, слѣдуетъ ли явленію содѣйствовать или противодѣйствовать, смотря по тому, добро ли оно или зло. Существовали разныя національности, которыя лучшія силы тратили на то, чтобы враждовать, которыя и къ умственнымъ вождямъ противника относились отрицательно, т. е. либо не хотѣли ихъ знать либо подвергали ихъ огульному повальному осужденію за двѣ, три подмѣченныя несимпатичныя черты, которыхъ не были въ состояніи забыть. Между тѣмъ жизнь текла, природа и то, что мы называемъ силою вещей брали свое, враждующіе знакомились и взаимно, и съ произведеніями великихъ мыслителей своихъ противниковъ и удивились, когда въ нихъ нашли многое и себѣ по душѣ, многое симпатичное. Съ тѣхъ поръ всѣ прежнія огульныя осужденія оказались неправдою, пережитками прошлаго, тѣмъ, что на языкѣ Пушкина называлось „предразсужденіями“. Обѣ націи стали въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ своихъ противниковъ одновременно смаковать.

Не хочу хватать черезъ край. Не утверждаю нисколько, чтобы въ обѣихъ національностяхъ установился когда-либо вполнѣ одинаковый взглядъ на произведенія либо Пушкина либо Мицкевича. Такая тождественность не только невозможна, но даже и совсѣмъ нежелательна. Когда изучаешь предметъ, то обходишь его кругомъ, и сзади и спереди и съ боковъ, при чемъ взгляды подъ разными углами зрѣнія согласуются и всякая національность останавливается на точкѣ

зрѣнія главной, наиболѣе къ ней подходящей, которая и есть результатъ всѣхъ предшествовавшихъ наблюденій, согласованныхъ и оцѣненныхъ по отношенію ихъ къ дѣйствительности, т. е. къ истинѣ. Такое согласованіе по отношенію къ Пушкину уже состоялось и въ одной и въ другой національности, что неопровержимо доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что мы сошлись сообща не за тѣмъ, чтобы спорить, но чтобы его помянуть добромъ и чествовать.

Не взыщите за излишнюю можетъ быть мою смѣлость. Я рѣшаюсь Вамъ представить мой полный взглядъ на Пушкина, который, можетъ быть, и разойдется съ вашимъ національнымъ взглядомъ. Истина можетъ быть только въ авантажѣ отъ того, что одинъ и тотъ же предметъ разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія".

Здѣсь проф. Спасовичъ, упомянувъ о стихотвореніяхъ „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина", высказалъ тѣ же мысли, которыя изложены подробнѣе въ помѣщаемомъ ниже текстѣ чтенія на польскомъ литературномъ вечерѣ въ честь Пушкина. Хотя стихотвореній такого рода, въ которыхъ Пушкинъ являлся какъ бы преемникомъ Державина у Пушкина вообще очень немного, но проф. Спасовичъ отмѣтилъ, что „вопреки общепринятому въ русской критикѣ мнѣнію, что Пушкинъ былъ только поэтъ, былъ всегда поэтъ и ничего болѣе, я въ немъ усматриваю весьма значительный элементъ проницающей его насквозь русской государственности того времени, который хотя и незамѣтенъ на первый взглядъ, но сильно повліялъ на его жизнь и отчасти опредѣлилъ весь ходъ, всѣ эволюціи его поэтическаго творчества.

„Пушкинъ столбовой русскій подмосковный дворянинъ изъ небогатаго помѣщичьяго семейства, сильно офранцузившагося и ведшаго знакомство съ русскими литераторами. Еще юнца, его помѣстили въ Екатерининскій элизіумъ, въ одинъ изъ флигелей Царскосельскаго дворца, въ устраиваемый питомникъ для образованія будущихъ русскихъ государствен-

ныхъ дѣятелей и заправителей. Хотя онъ сразу почувствовалъ, что онъ въ чиновники не годится, что только Фебова лира его удѣлъ, но неизгладимыми воспоминаніями онъ привязался къ Царскому Селу („Все тѣ же мы; намъ цѣлый міръ—чужбина; Отечество намъ—Царское Село“).

Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ привязался и ко двору, и къ государственной машинѣ, которая почти на глазахъ его работала, и къ государственнымъ кормчимъ и правителямъ. По выходѣ изъ лицея, онъ прямо попалъ въ теченіе прогрессивныхъ либеральныхъ и конституціонныхъ идей европейскаго Запада. Вмѣстѣ съ Чаадаевымъ онъ упивался вольнолюбивыми мечтами:

Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья,
Мы ждемъ съ томленіемъ упованья
Минуты вольности святой.

Съ задоромъ молодости онъ дѣйствовалъ противъ надвигающейся реакціи, фрондировалъ и даже посвистывалъ. Оказалось, что то были только мечты, только осенніе всходы на почвѣ, которые должна была прикрыть суровая тридцатилѣтняя зима.

Колкаго эпиграмматиста, рѣзваго „сверчка“ изъ Арзамаса постигла опала; его сослали въ 1820 г. на югъ, а потомъ въ 1824 г. въ Михайловское и продержали въ заключеніи вплоть до того момента, когда новый Монархъ проявилъ необыкновенный свой государственный умъ, простивъ Пушкину всѣ его выходки, приблизивъ его къ себѣ, приручивъ его, такъ сказать, и постановивъ, что самъ Государь будетъ на будущее цензоромъ этого перваго въ Россіи, но небезопаснаго, съ точки зрѣнія тогдашней политики—пѣвца.

Еще задолго до конца опалы, и даже раньше заточенія въ Михайловскомъ, Пушкинъ сталъ совсѣмъ инымъ, не похожимъ на прежняго, человѣкомъ, оставилъ „либеральный бредъ“, написалъ „свободы сѣятель пустыни... потерялъ я только время—благія мысли и труды“. Происшедшую въ

Пушкинѣ перемѣну объясняли обыкновенно его темпераментомъ, тѣмъ, что онъ не родился бойцомъ, не имѣлъ способности долго плыть противъ теченія, самъ вѣдь онъ очертилъ призваніе поэта въ „Ямбѣ“ такъ: „Не для корысти, не для *битвъ*—Мы рождены для вдохновенья—Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. По моему мнѣнію и это объясненіе можетъ быть принимаемо только съ оговоркою. Онъ былъ человѣкъ отважный до бѣшенства, онъ зачастую всю жизнь свою ставилъ, такъ сказать, на карту, слѣдовательно онъ былъ по характеру способенъ не подчиняться никакому внѣшнему воздѣйствію, при чемъ конечно могъ и погибнуть, какъ погибаютъ безчисленное множество людей, хорошихъ и даровитыхъ. Но онъ былъ притомъ весьма близокъ къ государственной машинѣ, по привычкѣ былъ къ ней привязанъ, какъ знакомый съ ея пружинами и колесами. Это знакомство развило въ немъ изумительную трезвость взгляда, изощрило въ немъ государственную сметку, тотъ здравый смыслъ, которымъ гордится русскій народъ и который помогалъ Пушкину вмигъ оріентироваться въ самыхъ запутанныхъ практическихъ вопросахъ и разсѣивать охлажденнымъ умомъ всякія иллюзіи. Прибавимъ къ этой характеристикѣ еще одну существенную черту—Пушкинъ былъ по натурѣ своей оптимистъ. Люди рождаются либо оптимистами, т. е. любящими жизнь, либо пессимистами, т. е. тяготящимися жизнью.

Еслибы мы рѣшились доискиваться корней его оптимизма въ располагающихъ къ нему условіяхъ его жизни, то мы бы были поставлены втупикъ. Заглянувъ въ его жизнь, ужасаешься—судьба его печальная и почти трагическая, она была для него какъ злая мачиха и обошла его при раздачѣ счастья.

И послѣ того, какъ Пушкинъ получилъ давно и страстно желанную свободу, положеніе его стало, можетъ быть, еще хуже и имѣлъ онъ полное право называть свой вѣкъ „жестокимъ“ вѣкомъ. Уѣхалъ онъ не оповѣстясь въ деревню—

бѣда. Прочелъ онъ друзьямъ по рукописи только что начерченный стихъ—бѣда. Уѣхалъ въ Эрзерумъ за русскими войсками—крайнее безпокойство. Лучшія его поэмы лежатъ въ его портфелѣ до его смерти подъ запретомъ... Поэту какъ воздухъ для дыханія необходимо ободреніе отъ читателей; но для кого же онъ будетъ писать? Русская знать смотритъ на него свысока, публика охладѣваетъ къ нему по мѣрѣ того, какъ изъ твореній его изъемлются всѣ общественные мотивы. Поэзія есть, она сіяетъ еще какъ солнце, но и какъ оно въ морозный зимній день свѣтитъ, но не грѣетъ. Онъ шелъ по тяжелому и скользкому пути и дѣлалъ свое дѣло при невозможныхъ для всякаго другого писателя условіяхъ.

Что касается нравственной стороны характера, Пушкинъ былъ всегда изумительно нѣженъ, какъ дитя простъ и безконечно вѣренъ святому братству товарищеской дружбы. Ни въ одной литературѣ я ничего не знаю болѣе трогательнаго его „лицейскихъ годовщинъ". Нравственная его чистота была, можно сказать, хрустальная или, точнѣе, голубиная. Съ друзьями декабристами онъ задолго до катастрофы разошелся въ мысляхъ, но сердцемъ онъ былъ всегда съ ними, писалъ имъ посланія „въ глубину сибирскихъ рудъ", не опасаясь за послѣдствія и внушая имъ „хранить и гордое терпѣнье, и душъ высокое стремленье". Онъ зналъ, что „будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу, что милость къ падшимъ призывалъ". Въ числѣ его главныхъ качествъ была благодарность за всякое добро. Тонкая нить признательности Императору Николаю I за оказанное ему довѣріе была въ дѣйствительности крѣпче стальныхъ проволокъ. Послѣднія его слова обращены были къ Жуковскому: „скажи Государю, что мнѣ жаль умереть—былъ бы весь его". Но эти слова, какъ и многое у Пушкина, надо брать не буквально, а иносказательно. Есть нѣчто въ человѣкѣ, надъ чѣмъ онъ самъ не властенъ, самая его природа, а въ эту природу

входило то, что и намъ наиболѣе въ немъ дорого: полная свобода духа.

Незадолго до смерти, въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте“ (5 іюля 1836 г.), это никогда не покидавшее его качество онъ выразилъ словами: „для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи, вотъ счастье! вотъ права!..“ На своемъ „жестокомъ“, какъ онъ его называлъ, вѣку онъ пронесъ, высоко держа его надъ своею головою, свѣтильникъ не политическихъ идей и даже не гражданскихъ стремленій, а только свободы поэтическаго творчества, не понизивъ ни передъ кѣмъ. Пошли потомъ другія времена, выдвинулись впередъ гражданскіе мотивы, слава Пушкина временно какъ будто померкла; стали говорить, что онъ далекъ отъ нуждъ народа, что онъ не народный поэтъ. Но онъ воскресъ уже давно, еще въ Москвѣ въ 1880 году, при взрывѣ не прерывающихся понынѣ рукоплесканій.

Онъ въ высокой степени народный русскій пѣвецъ, одаренный отъ природы поэтическимъ воззрѣніемъ на міръ. Эту поэзію жизни онъ открывалъ во всемъ, къ чему бы ни прикоснулся. То было неожиданное, небывалое откровеніе. Онъ заставилъ всѣхъ созерцать его глазами пренебрегаемую и непригдядную русскую дѣйствительность. Всѣ мы въ этомъ его послѣдователи и подражатели. Онъ жилъ въ то время, когда въ Россіи были освѣщены однѣ лишь общественныя вершины. Онъ жилъ на этихъ освѣщенныхъ вершинахъ и не опускался съ нихъ въ мракомъ покрытыя подполья, можетъ быть, и русскаго простолюдина онъ наблюдалъ только извнѣ, не проникая въ глубь его души.

Не называйте его бойцомъ, великимъ гражданиномъ, не сравнивайте съ громовержцемъ Юпитеромъ, не производите его въ герои; но, господа, нельзя отъ поэта требовать, чтобы онъ рычалъ какъ левъ, когда онъ лишь чудный, очаровательный соловей. О содержаніи поэзіи Пушкинъ имѣлъ глубокое понятіе („Пиръ во время чумы“: „есть упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю, и въ аравійскомъ ураганѣ, и въ

дуновенiи чумы“). Но самъ онъ неохотно ковырялъ въ своей душѣ, неохотно сомнѣвался, не любилъ диссонансовъ, обожалъ свѣтъ, веселье, опредѣленность очертанiй, не переносилъ тумана мистицизма, и въ этомъ отношенiи выполнялъ главную задачу искусства, состоящую въ томъ, чтобы на шероховатую поверхность страдальческаго человѣческаго быта накидывать красивое узорчатое покрывало завѣдомаго измышленiя и спасать насъ отъ тоски посредствомъ сладкой иллюзiи. По своему творчеству и настроенiю онъ былъ древнiй грекъ, такъ что поднимая въ честь его бокалъ, я невольно задаюсь мыслью, не провозгласить ли тоста за Вакха, Феба, Киприду и за прочiя олимпiйскiя божества. Вѣдь, по словамъ Пушкина, „и насъ они наукѣ первой учатъ: чтить самого себя“ (набросокъ 1829 г.).

А. Ѳ. Кони.

Вслѣдъ за рѣчью Спасовича сказалъ слово сенаторъ Кони. Онъ началъ приведенiемъ цитаты изъ покойнаго А. Н. Майкова, въ которой выражена та мысль, что и разумно провозглашенный на чествованiи тостъ—это знамя, поднятое словомъ, это мысль, вычитанная въ сердцахъ. Ораторъ, ссылаясь на телеграммы, полученныя на торжествѣ, исполненныя добрыхъ чувствъ по отношенiю къ Пушкину и къ воплощенному въ немъ русскому народному генiю, указалъ на то, что знаменемъ и мыслью собравшихся русскихъ и поляковъ служитъ воздание справедливости тому, кто является въ эти дни предметомъ благоговѣнiя всей Россiи.

„Это высокое чувство справедливости, не знающее ни племенныхъ различiй, ни разнообразiя историческихъ судебъ, создало въ насъ и оцѣнку польскаго поэта Мицкевича и отношенiя русскаго общества къ Мицкевичу. Мицкевичъ, оплакивавшiй роковой выстрѣлъ, сваливший нашего незаб-

веннаго поэта, признавалъ въ немъ не только великаго лирика и писателя истинно національнаго, но еще и глубокаго по своей умственной природѣ, государственнаго мыслителя.

Недальновидные современники Пушкина усматривали въ сократившемся за послѣдніе его годы творчествѣ ослабленіе его дѣятельности. Мицкевичъ же говорилъ, что въ молчаніи Пушкина таились величайшія ожиданія для будущности русской литературы. И тотъ же Мицкевичъ съ тонкой проницательностью и глубокимъ остроуміемъ выяснилъ, что Пушкинъ не „байронистъ", а лишь „byroniaque", различая этими терминами подражаніе отъ проникновенія духомъ англійскаго поэта.

Тою же монетой справедливости платилъ Мицкевичу и Пушкинъ, когда читалъ ему „Полтаву" и „Бориса Годунова", прологъ котораго, какъ извѣстно, привелъ Мицкевича въ величайшій восторгъ. Пушкинъ съ сердечностью трактовалъ „иноплеменнаго поэта", по его словамъ, „небомъ вдохновленнаго" и „взиравшаго на жизнь съ высоты." Пушкинъ, въ своемъ великодушномъ увлеченіи, ставилъ его выше себя и на замѣчаніе однажды сдѣланное ему Жуковскимъ: „а знаешь, этотъ молодецъ можетъ даже и тебя за поясъ заткнуть" отвѣтилъ съ лучезарной улыбкой, не имѣвшей никакого подобія съ завистью: „уже заткнулъ, заткнулъ!"

Извѣстно стихотвореніе Мицкевича, въ которомъ изображены двое юношей подъ однимъ плащомъ, соединенныхъ сердцемъ. Поэтъ уподобляетъ ихъ двумъ скаламъ, склоненнымъ вершинами другъ къ другу, межъ тѣмъ какъ снизу ихъ навѣки раздѣлилъ потокъ. Когда-то казалось, что это такъ и есть, но послѣднія торжества въ честь Мицкевича и сегодняшнее чествованіе Пушкина доказываютъ, что снѣгъ вершинъ, подобно альпійскимъ ледникамъ, спускается внизъ, и не только единичные люди, но и цѣлые слои населенія охватываются имъ на почвѣ просвѣщенія и справедливости при взаимной оцѣнкѣ.

Пусть же идетъ впередъ это мирное сближенiе и пусть къ двухсотлѣтней годовщинѣ рожденiя Пушкина сдѣлается яснымъ, что въ великолѣпномъ пророчествѣ польскаго поэта одно лишь мѣсто было ошибочно: потокъ высохъ, и обѣ скалы соединились, сохранивъ за собой всѣ свойства своей природы, но будучи связаны прочнымъ цементомъ взаимнаго уваженiя и золотой рудой любви къ ближнему“.

Л. Полонскаго.

„Съ необыкновенной быстротой росло политическое могущество русскаго народа. Бываютъ въ жизни народовъ моменты перелома, когда народный духъ воплощается въ одной генiальной личности, въ человѣкѣ, коего рука дѣлается рычагомъ судебъ даннаго народа. Такимъ человѣкомъ былъ Петръ Великiй. Безпримѣрнымъ въ исторiи усилiемъ онъ перебросилъ свой народъ изъ одной части свѣта въ другую, изъ обособленiя и застоя—въ соединенiе съ культурой, въ общенiе съ Европой. Позволительно предположить, что изъ числа людей родившихся въ Россiи передъ концомъ января 1725 года, т. е. до смерти Петра Великаго, были налицо нѣсколько старцевъ, еще жившихъ въ мартѣ 1814 года, когда Россiя, „вздернутая на дыбы„—по выраженiю поэта—великимъ преобразователемъ, уже предписывала въ Парижѣ, стоя во главѣ союзныхъ государствъ, условiя новаго политическаго распорядка Европы.

Столь исполинскiй шагъ былъ совершенъ русскимъ народомъ въ теченiе жизни одного поколѣнiя людей—въ сферѣ силы политической. Легко понять, какъ горячо долженъ былъ желать этотъ народъ, чтобы среди него появился вѣщiй владыка слова, который бы къ великимъ государственнымъ подвигамъ присоединилъ подобный имъ успѣхъ въ области духовной, побѣдоносное оружiе дополнилъ бы покоряющей сердца пѣснью, къ побѣдному вѣнцу прибавилъ

лавръ поэзіи истинно великой и увѣнчалъ народъ свой ея красою.

Таковъ былъ Пушкинъ. Онъ былъ для своего народа болѣе чѣмъ великимъ поэтомъ; онъ былъ откровеніемъ. Въ немъ первомъ позналъ русскій народъ мощь своего духа. Пушкинъ, первый, далъ русской литературѣ право гражданства въ литературѣ всемірной. Онъ былъ не только вдохновеннымъ пѣвцомъ, но и пророкомъ будущаго развитія умственной силы своего народа. Отсюда легко понять то удивленіе и восторгъ, какіе онъ вызвалъ. Тютчевъ вѣрно опредѣлилъ это исключительное значеніе Пушкина въ стихѣ: „Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ“.

На памятникѣ Пушкину въ Москвѣ есть надпись: „и назоветъ меня всякъ сущій въ ней (Россіи) языкъ“. И вотъ, мы, поляки, также приходимъ и возглашаемъ: безсмертному Пушкину слава!

Когда мы однако обратимъ вниманіе, среди какихъ тяжкихъ условій жилъ и творилъ Пушкинъ, какъ судьба бросала его съ мѣста на мѣсто, съ какими препятствіями ему приходилось бороться, до какой степени творчество его было стѣсняемо не только неблагопріятнымъ положеніемъ въ большую часть жизни, но даже и благосклоннымъ покровительствомъ, которое окружало его впослѣдствіи—то во всемъ этомъ мы примѣтимъ нѣкоторыя невыгодныя условія, свойственныя не только его эпохѣ, но и значительно позднѣйшему времени. И вотъ, при бесѣдѣ въ честь великаго русскаго, т. е. славянскаго поэта, умѣстно будетъ, если къ первому своему тосту я прибавлю еще слѣдующій: за успѣшное развитіе литературъ русской и польской, за благопріятныя условія быта для обоихъ великихъ славянскихъ народовъ!“

С. А. Андреевскаго.

„Господа, обѣденная рѣчь—это самый неблагодарный родъ краснорѣчія. Вспомните забавный разсказъ Пушкина о томъ,

какъ между жаркимъ и пирожнымъ подымается стихотворецъ, давно мучимый неудающейся строфой. Строфа меня не мучитъ, такъ какъ я не буду говорить стихами, но я теряю смѣлость предъ обширностью, почти необъятною, задачи, которую я долженъ исполнить въ нѣсколько минутъ, чтобы не задержать васъ надолго.

Выяснить Пушкина!?.. Мы сами еще не выяснили этого вопроса.

Раньше другихъ объяснилъ намъ Пушкина Бѣлинскій, который очертилъ его прежде всего какъ великаго художника. Послѣ него надъ Пушкинымъ кощунствовалъ Писаревъ... но Тургеневъ откровенно въ теченіе всей своей жизни считалъ Пушкина своимъ божествомъ. Достоевскій, незадолго передъ смертью, вознесъ Пушкина на высоту „пророка и всечеловѣка“. И вотъ еще недавно Мережковскій, въ своемъ замѣчательномъ этюдѣ, дополнилъ разъясненія Бѣлинскаго и открылъ въ Пушкинѣ достойное удивленія совмѣщеніе „красоты съ правдой“, т. е. представилъ нашего поэта не только какъ художника, но и какъ мудреца.

И долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина!...

Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патріоты называютъ его своимъ, ссылаясь на „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородино“, западники же приводятъ его слова: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!“... Либералы благоговѣютъ предъ „Одою свободѣ“, „Кинжаломъ“ и „Сѣятелемъ“; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утилитаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: „Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“, между тѣмъ, какъ исповѣдающіе искусство для искусства декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

„Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!“

Впрочемъ и въ польской критикѣ тоже мнѣнія раскололись: Спасовичъ и Третякъ, не соглашаясь во взглядахъ на отношенія Мицкевича и Пушкина къ Петру Великому, одинаково характеризуютъ Пушкина какъ политическаго дѣятеля. Слишкомъ долго пришлось бы оспаривать эти мнѣнія. Но я рѣшительно не согласенъ съ послѣдними изслѣдованіями, посвященными Пушкину моимъ дорогимъ коллегой. Всего, совершеннаго поэтомъ, я не рѣшился бы объяснить ни его умѣніемъ примѣняться, ни рѣзвой гибкостью, ни легкомысленными уступками. Нѣтъ! Вся жизнь его была одною напряженною трагедіей. Ибо я спрашиваю: кто изъ поэтовъ, начиная съ Горація, упоминая Вольтера и кончая Гете, когда-либо бесѣдовалъ, не говоря уже о самодержцахъ, а хотя бы съ второстепенными коронованными лицами такъ, какъ говорилъ Пушкинъ съ Николаемъ I? Кто изъ нихъ, перенеся тяжкую кару, не переставалъ писать такъ, какъ писалъ Пушкинъ? Сопоставьте еще такія поразительныя явленія: поэзіей Пушкина восторгался Николай I, сочиненія Пушкина были любимой книгой Герцена. Каждый ясно пойметъ, что Пушкинъ умеръ человѣкомъ такимъ же свободнымъ, какимъ онъ родился. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ говорилъ: „На свѣтѣ счастья нѣтъ, но есть покой, свобода“.

Геній Пушкина былъ слишкомъ глубокъ для того, чтобы подвижность его страстной природы можно было принять за поверхностное трактованіе великихъ задачъ жизни. Впрочемъ, одинъ изъ польскихъ критиковъ, Здѣховскій даже высказалъ Спасовичу, что его характеристикой отъ Пушкина отымается вся прелесть и все очарованіе, какими обладаютъ его произведенія. „Не хочется вѣрить,—пишетъ Здѣховскій, чтобы столь пламенный и благородный поэтъ былъ въ то же время такимъ легкомысленнымъ человѣкомъ“. Слова эти дышатъ правдой.

Годовщины столѣтія двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ приходятся такъ близко одна къ другой, что кажется, будто

мы не расходились послѣ Мицкевичевскаго обѣда. И опять неустранимо здѣсь нарождается вопросъ русско-польскій. Но теперь ни въ комъ онъ горечи не возбудитъ. Насъ не смутитъ ни одинъ стихъ Пушкина. Мы можемъ разложить передъ вами всѣ безъ исключенія сочиненія Пушкина.

На столъ „вещественныхъ доказательствъ" пожалуй можно помѣстить „Клеветникамъ Россіи" и „Бородино". Другъ поэта князь Вяземскій назвалъ эти стихотворенія „шинельными". Пушкинъ, заклявшійся отъ всякой политики словами: „la politique est faite pour la canaille", во время возстанія однако читалъ газеты, ходилъ задумчивый и восклицалъ: „вѣдь такъ можетъ повториться 1812 годъ!" Въ немъ скорбѣло живое сердце русскаго живого человѣка. Его взорвало, и... написалъ.

Но возьмемъ изъ обоихъ этихъ твореній самое, можно сказать, непріятное двустишіе:

„Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ".

Что же изъ этого слѣдуетъ? Ляхъ кичливъ, т. е. вспыльчивъ, необузданъ, грозящій, враждебный. А россъ—вѣрный, т. е. конечно, вѣрноподданный, вѣрный своей присягѣ.

Быстро сгорѣло въ Пушкинѣ стихійное пламя. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ послалъ къ Польшѣ примирительную мелодію, вспоминая, какъ онъ съ Мицкевичемъ мечтали о будущихъ временахъ, когда народы (т. е. народы всего міра), забывъ вражду, въ одну великую семью соединятся. И войну Пушкинъ считалъ варварствомъ: „Судьба велитъ варварамъ кровь проливать".

Таковъ нашъ поэтъ, Мицкевичъ считалъ его братомъ, ибо онъ понималъ, что Пушкинъ и онъ возносятся надъ земными преградами, „подобно двумъ родственнымъ альпійскимъ скаламъ", т. е. будучи скалами, происшедшими изъ одного и того же горнаго хребта,—хотя одна изъ нихъ острая и суровая, другая чрезвычайна разнообразная и при-

чудливая въ очертаніяхъ своихъ,—но обѣ стремятся за облака. Тучи цѣлаго столѣтія заслонили отъ насъ эти скалы, но солнце славы съ вершинъ ихъ никогда не исчезнетъ.

И если когда-нибудь, подъ вліяніемъ переходныхъ обстоятельствъ, среди васъ зародятся непріязненныя къ намъ чувства, вспомните тогда лишь послѣдній стихъ, съ которымъ Пушкинъ, въ лицѣ Мицкевича, обратился къ вашему народу:

„....О Боже! возврати
„Твой миръ въ его озлобленную душу!“

Проф. Н. И. Карѣева.

„Я позволю себѣ выразить личное свое настроеніе по поводу сегодняшняго чествованія Пушкина, настроеніе давнишнее и, думаю, раздѣляемое всѣми присутствующими. 19 лѣтъ тому назадъ, когда въ Москвѣ открывался памятникъ нашему великому поэту, я былъ профессоромъ въ Варшавѣ и произнесеніемъ рѣчи участвовалъ въ празднествѣ, устроенномъ тамъ русской колоніей. Польскихъ гостей не было на этомъ торжествѣ, но и для собравшихся соотечественниковъ я не счелъ лишнимъ напомнить слова Пушкина о Мицкевичѣ:

„Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся“.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ русскіе писатели чествовали память Мицкевича въ присутствіи польскихъ гостей. Я былъ въ это время боленъ, но посылая привѣтственную телеграмму, привелъ въ ней эти же вдохновенныя строки. Сегодня на польскомъ обѣдѣ съ русскими гостями я повторяю слова Пушкина съ особенно радостнымъ настроеніемъ.

О временахъ грядущихъ, „когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, Мицкевичъ говорилъ Пушкину „нерѣдко“, и Пушкинъ „жадно его слушалъ“. „И Мицкевичъ, и Пушкинъ воспитывались въ тѣ времена, когда еще не было новѣйшаго націонализма, отождествляющаго любовь къ родинѣ съ ненавистью къ чужимъ національностямъ. Пушкинъ обладалъ удивительною способностью въ своемъ творчествѣ перевоплощаться въ людей разныхъ странъ и народовъ, а о настроеніи Мицкевича мы знаемъ изъ его же словъ“. Ораторъ прочелъ въ оригиналѣ стихи Мицкевича слѣдующаго содержанія: „А солнце правды не знаетъ ни востока, ни запада, равно благоволитъ каждому народу и съ любовью озаряетъ всѣ земли, одинаково ему близкія. И тотъ, кто вглядывается въ пречистыя черты истины долженъ хранить въ себѣ чистую сущность человѣка“.

Чистая сущность человѣка въ его чистомъ стремленіи, и только тотъ, кто хранитъ въ сердцѣ такое стремленіе можетъ лицезрѣть солнце правды, не знающее ни востока, ни запада и съ одинаковою любовью озаряющее всѣ земли и всѣ народы. Къ этому солнцу правды, разгоняющему всякую тьму, и Пушкинъ обращается въ своемъ воззваніи:

„Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!“

Господа! Наша двукратная встрѣча въ память поэтовъ, бывшихъ друзьями, да будетъ яснымъ восходомъ зари временъ грядущихъ,

„Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся!
Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!“

Д-ръ А. Донимірскій

рѣчь свою произнесъ на польскомъ языкѣ. Онъ говорилъ о высокомъ значеніи чувства, оживляющаго присутствующій кругъ русскихъ писателей, которые во имя преклоненія предъ общечеловѣческими идеалами, недавно воздали честь представителю и осуществителю тѣхъ же идеаловъ, безсмертному творцу „Pana Tadeusza". Ораторъ, въ заключеніе, возгласилъ тостъ въ честь этихъ идеаловъ никогда не угасающихъ въ благородныхъ душахъ.

А. Ф. Пантелѣева.

„Господа, какъ это ни странно, а надо признать, что съ внѣшней стороны русско-польскія отношенія за послѣднія 30—40 лѣтъ не только не сдѣлали шага впередъ, а совсѣмъ наоборотъ—для всякаго наблюдателя, въ какой бы онъ партіи ни принадлежалъ, открывается въ этомъ направленіи замѣтный регрессъ. Но, м. г., жизнь никогда не укладывается въ обязательно отмѣренныя для нея рамки; это особенно вѣрно для нашего времени, когда общественныя отношенія страшно усложнились даже по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. Замѣчаемое не у насъ однихъ развитіе государственнаго единообразія могло бы наводить на самыя мрачныя мысли относительно будущаго, еслибъ колоссальный ростъ общественнаго развитія не опережалъ далеко офиціальный униформизмъ. Завѣтная мечта лучшихъ людей обѣихъ національностей — сближеніе двухъ родственныхъ народовъ на почвѣ общихъ интересовъ—въ свое время потерпѣла крушеніе; но идея сближенія, основанная на взаимномъ пониманіи, не только не умерла, но даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сказывается все сильнѣе и захватываетъ съ обѣихъ сторонъ самыя разнообразныя общественныя группы. На моей памяти, м. г., никто такъ много не потрудился въ этомъ направ-

леніи какъ всѣми уважаемый В. Д. Спасовичъ. Онъ, конечно, не можетъ еще сказать „нынѣ отпущаеши"; не положенъ даже фундаментъ, но мѣсто для него уже расчищено. Позвольте же сердечно пожелать, чтобъ В. Д. довелось заложить и первый камень фундамента. Здоровье Владиміра Даниловича!"

Проф. **С. К. Булича.**

„Мнѣ приходится говорить уже послѣ нѣсколькихъ ораторовъ и это отчасти затрудняетъ мою задачу, такъ какъ коечто, о чемъ я хотѣлъ говорить, уже предвосхищено говорившими раньше меня. Я хотѣлъ также, какъ мой уважаемый товарищъ Н. И. Карѣевъ, указать на знаменательный характеръ нашего сегодняшняго собранія. Это второй изъ знаменательныхъ дней въ новѣйшей исторіи славянскихъ отношеній и человѣческой исторіи вообще. Представители двухъ близко родственныхъ, славянскихъ народовъ—поляки и русскіе, часто враждовавшіе другъ съ другомъ, соединившись „въ дружную семью" и „распри позабывъ", чествуютъ память великаго русскаго поэта Пушкина, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чествовали память не менѣе великаго польскаго поэта Мицкевича. Тогда и теперь мы собрались, чтобы праздновать память великихъ мастеровъ человѣческаго слова, того слова, которое другой русскій поэтъ назвалъ рожденнымъ изъ пламени и свѣта—пламени сердца и свѣта разума. Столѣтняя годовщина рожденія такихъ людей, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, является поэтому праздникомъ пламеннаго, вѣчно юнаго чувства, бодрой и свѣтлой мысли. Само слово ихъ, выражавшее эту мысль и это чувство, такъ же пламенно бодро и свѣтло звучитъ въ нашихъ сердцахъ, какъ нѣкогда звучало оно изъ еще живыхъ устъ самихъ поэтовъ. На ихъ челѣ вѣчная юность безсмертія, насколько оно вообще возможно въ этомъ мірѣ для всего человѣческаго, и мы празднуемъ первое столѣтіе этого безсмертія, этой вѣчной моло-

дости духа, оживлявшаго друзей-поэтовъ. Позвольте же мнѣ выразить здѣсь надежду, даже твердую увѣренность въ томъ, что наши младшія поколѣнія, оживляемыя этимъ духомъ юности, довершатъ въ будущемъ дѣло примиренія двухъ народовъ, которое начали старшія поколѣнія, не могущія, можетъ быть, еще позабыть многое пережитое.

Мицкевичъ, можетъ быть, былъ пророкомъ, когда заканчивалъ свою вдохновенную оду къ юности слѣдующими словами. Ораторъ прочелъ по-польски стихи:

„Надъ обителью человѣчества еще стоитъ ночь глухая,
Стихіи желаній пока еще въ борьбѣ.
Но вотъ вспыхнетъ огнемъ любовь
И выйдетъ изъ хаоса міръ духа:
Зачнется онъ въ лонѣ *юности*
А закрѣпится онъ связью *дружбы*.

Исчезнутъ мертвые льды
И предубѣжденія заслоняющія свѣтъ;
Привѣтъ тебѣ, заря свободы,
За тобой встаетъ солнце спасенія!“

Я поднимаю свой бокалъ за русскую и польскую молодежь, которая должна упрочить дѣло нашего примиренія. Да загорится же надъ ней это утро свободы и радости, о которомъ говоритъ Мицкевичъ, и да сольются съ этимъ свѣтомъ лучи свѣта отъ пламени чувства и мысли великихъ друзей-поэтовъ, послужившихъ и послѣ своей смерти символомъ примиренія и жизни!“

Чеславъ Янковскій

возвращаясь къ рѣчи профессора Карѣева и къ цитированнымъ имъ стихамъ Мицкевича, провозгласилъ по поводу ихъ тостъ на польскомъ языкѣ въ честь Союза русскихъ писателей и Общества литературнаго фонда, которые подъ

лучами „солнца правды“ не поколебались публично чествовать Мицкевича.

К. К. Арсеньевъ

высказалъ что Пушкинъ какъ и Лермонтовъ не былъ исключительно „государственникомъ“. Не идеалъ государственника рисуется въ стихотвореніи, озаглавленномъ: „Изъ Пиндемонте“, или въ стихотвореніи Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью“. Нельзя утверждать также, что въ поэзіи Пушкина все жизнерадостно; въ послѣдніе годы она часто омрачается и мыслью о смерти, и воспоминаніями о прошломъ. Затѣмъ ораторъ остановился на томъ Тургеневскомъ „стихотвореніи въ прозѣ“, которое содержитъ въ себѣ обращеніе къ русскому языку, опорѣ и поддержкѣ Тургенева въ дни сомнѣній, въ дни тягостнаго раздумья о судьбахъ родины. „Нельзя вѣрить“, восклицаетъ Тургеневъ „чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“. Это не только чудный диѳирамбъ русскому языку, это одно изъ самыхъ сильныхъ выраженій той глубокой связи, которая существуетъ между языкомъ и народностью. Чѣмъ русскій языкъ былъ для Тургенева и продолжаетъ быть для десятковъ и сотенъ тысячъ, тѣмъ для другихъ народностей является ихъ языкъ, особенно если онъ создалъ великую литературу — а польская литература несомнѣнно должна быть названа великой. Если мы, русскіе, любимъ нашъ языкъ и помнимъ завѣтъ Тургенева беречь его, это обязываетъ насъ уважать чувство поляковъ къ ихъ языку, къ ихъ литературѣ, къ ихъ народности. „Соединеніе народовъ“, о которомъ говорилъ Пушкинъ, еще далеко, почти такъ же далеко, какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ; но найденъ, быть можетъ, одинъ изъ путей къ нему ведущихъ. Свобода слова и вѣроисповѣданія, права языка и народности— вотъ почва общая для обоихъ народовъ.

Людоміра Дымша.

„Со свойственной генію силой предвидѣнія будущихъ событій, Пушкинъ, предчувствуя преждевременную свою кончину, писалъ:

„Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ"...

Пророчество поэта исполнилось. Болѣе чѣмъ шестидесятилѣтняя печальная дѣйствительность, не разъ подкапывавшая условія мирнаго быта и общая славянскимъ народностямъ во всей Руси великой, была, однако, не въ силахъ ослабить почитанія великаго славянскаго поэта, память котораго сегодня мы чествуемъ. Согласіе въ этомъ почитаніи верховнаго жреца поэзіи русскаго народа, это единомысліе въ чествованіи удивительнаго славянскаго генія, составляетъ утѣшительный доводъ того, что въ концѣ XIX вѣка въ средѣ благомыслящихъ людей окрѣпли этическія силы, которыя сумѣютъ заставить ихъ, во имя высшихъ началъ, свергнуть съ себя пошлую ненависть, пятнавшую ихъ жизненныя задачи и вознестись на высоты добра и истины. Ибо тамъ, гдѣ живы стремленья къ наслажденію видомъ божества и красоты, нѣтъ мѣста для мірскихъ расчетовъ и обидъ. Въ области науки и искусствъ должны исчезнуть различія національныя и религіозныя, должна смолкнуть племенная вражда. Волшебный край поэзіи не признаетъ никакихъ народныхъ или политическихъ границъ. Предъ вдохновенной лирой Пушкина, передъ лицомъ могущественнаго русскаго генія склонились головы всѣхъ „сущихъ въ Россіи" народовъ.

Угасъ чудный геній, но пророчество его исполнилось. Далекіе отъ людской суеты, не взирая на голосъ улицы,

призывающей къ ненависти и взаимному истребленію, сегодня мы вмѣстѣ вспоминаемъ имя великаго Пушкина, соединенные общимъ чувствомъ восторга передъ божественнымъ сыномъ русской музы и обнаживъ головы передъ обличіемъ великаго славянскаго поэта, мы восклицаемъ: Честь и слава его безсмертнымъ твореніямъ!“

А. В. Амфитеатрова.

Ораторъ указалъ прежде всего на то, что появленіе Пушкина составляетъ чрезвычайно важный моментъ въ исторіи развитія всей русской цивилизаціи. Изъ устъ Пушкина послышался первый внятный голосъ частнаго гражданина, противупоставленный „офиціальности“, въ которой выражалась вся общественная жизнь Россіи того времени. Этотъ первый свободный голосъ, голосъ гражданскихъ чувствъ и убѣжденій, проломилъ толстую стѣну, раздѣлявшую два міра, и стѣна эта, несмотря на всѣ усилія ея побороть и недопустить пробиться этотъ голосъ туда, куда онъ стремился, пропустила его и онъ достигъ своего назначенія. Переходя отъ теоретическаго анализа къ практическимъ выводамъ, ораторъ выразилъ горячее желаніе, чтобы искренность и прямота, обнаруженныя въ послѣднихъ застольныхъ рѣчахъ, и откровенно высказываемые здѣсь взгляды сдѣлались вообще возможны, и даже стали обязательными при обсужденіи всякаго рода вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній между русскими и поляками. Надо, чтобы ранѣе, чѣмъ вопросы эти будутъ разрѣшены, предметъ ихъ былъ исчерпанъ до дна. И тогда только, руководствуясь лозунгами, встрѣтившими столько восторженныхъ словъ со стороны участниковъ чествованія Пушкина, можно будетъ составить себѣ ясный отчетъ о томъ, что и какимъ образомъ можетъ быть примѣнимо изъ общечеловѣческихъ идеаловъ къ условіямъ нашей реальной жизни.

Д-ра **И. Янушкевича.**

„Господа, возвышая мой голосъ, я нѣсколько смущенъ. Послѣ столькихъ компетентныхъ и блестящихъ ораторовъ, я намѣренъ высказать лишь нѣсколько чисто субъективныхъ мыслей съ точки зрѣнія поляка, врача-психіатра. Наша профессія накладываетъ на насъ неизгладимую особенность. Она регулируетъ образы, создаваемые нашимъ воображеніемъ и формы сочетаній нашего мышленія.

Дѣло въ томъ, что общія условія быта современнаго человѣчества, съ каждымъ днемъ становясь болѣе и болѣе тяжелыми, увеличиваютъ до колоссальныхъ размѣровъ болѣзненность людей. Намъ, психіатрамъ, трудящимся въ переполненныхъ больницахъ, быть можетъ, лучше, чѣмъ комулибо о томъ извѣстно. Я полагаю, что мое сравненіе не будетъ слишкомъ смѣлымъ, если я назову великихъ писателей и особенно великихъ поэтовъ врачевателями человѣчества. Мнѣ кажется, что такое опредѣленіе можетъ быть принято почти буквально. Развѣ не врачи человѣчества тѣ, которые призываютъ его на свѣтлый и свободный путь, въ область свѣтлаго идеала, гдѣ подъ никогда не заходящимъ солнцемъ духовной красоты, молкнутъ всѣ стоны страстей и заботъ земныхъ и духъ человѣческій расправляетъ свои крылья, не будучи стѣсненъ въ полетѣ къ высокимъ цѣлямъ, достойнымъ его божескаго происхожденія!

Быть можетъ, къ Пушкину, болѣе чѣмъ къ какому-либо иному великому поэту, можно примѣнить названіе врача. Въ гигантскомъ организмѣ славянскаго міра, двѣ главнѣйшія его части доселѣ остаются въ раздорѣ. Мы, врачи, называемъ такое положеніе болѣзнью организма. Теченіе и симптомы такой болѣзни всѣмъ намъ извѣстны. Мы помнимъ, что она проявлялась то бурными лихорадками, то кровотеченіемъ...

Въ твореніяхъ Пушкина мы можемъ найти элементы, пригодные на лекарства отъ подобной болѣзни. Пушкинъ

добылъ съ самой верхней полки своей аптеки средство съ надписью: „Красота“. Солнце его поэзіи заставляетъ забывать дѣйствительность. При блескѣ этого солнца, прислушиваясь къ музыкѣ его созданій, сердца, оскорбленныя инымъ, могутъ биться усиленнымъ и согласнымъ темпомъ испытывая одинаковую дрожь очарованія. Итакъ, развѣ Пушкинъ не врачъ?

Господа, въ самый моментъ нашей бесѣды, у ложа болѣющаго человѣчества въ Гаагѣ собранъ консиліумъ... Я увѣренъ, что здѣсь присутствующіе отъ всего сердца желаютъ этому консиліуму успѣха. Я увѣренъ сверхъ того и въ томъ, что совѣтъ врачей человѣчества тѣмъ успѣшнѣе принесетъ помощь, чѣмъ чаще будетъ прибѣгать къ возвышеннымъ средствамъ, какія въ изобиліи предлагалъ человѣчеству Пушкинъ. Средства эти заключаются въ истинѣ, благѣ и красотѣ!“

Проф. **К. И. Арабажина.**

М. Г.

„Великій украинскій поэтъ Т. Шевченко мечталъ о томъ, чтобы „усі славяне стали синами сонцьа правди“. На сегодняшнемъ праздникѣ невольно вспоминаются эти слова, хотя отъ нихъ и вѣетъ нѣсколько славянофильскимъ романтизмомъ 40-хъ годовъ.

„Солнце правды“, о которомъ говоритъ Шевченко, еще не сіяетъ надъ міромъ, но оно горитъ и блещетъ въ каждомъ брызгѣ поэтическаго творчества, по выраженію Фета „золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи“, и всякій истинный поклонникъ поэзіи служитъ и правдѣ, готовя ей торжество міровое неотразимой силою и обаяніемъ живого слова.

„Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, Свой мечъ святой“.

справедливо говоритъ одинъ изъ современныхъ поэтовъ.

Сегодня польская колонія чествуетъ такого воителя съ „неправдой, злобою и тьмой“ въ лицѣ А. С. Пушкина.

Нація, давшая человѣчеству Мицкевича, не могла не откликнуться живымъ привѣтомъ на торжество русской мысли и творчества.

По странной игрѣ случая два родственныхъ и близкихъ другъ другу поэта начала XIX столѣтія соединяютъ насъ въ дружеской бесѣдѣ на порогѣ загадочнаго, таинственнаго будущаго, которое сулитъ намъ XX вѣкъ. Не будемъ слишкомъ мечтать, не станемъ преувеличивать значенія событій, но согласимся, что сегодняшній праздникъ—свѣтлый лучъ въ потемки будущаго вѣка. Ораторъ читаетъ по-польски стихи:

„Надъ обителью человѣчества еще ночь глухая,
Стихіи желаній пока еще въ борьбѣ
Но вотъ вспыхнетъ огнемъ *любовь*
И выйдетъ изъ хаоса міръ духа!“

На высотахъ поэтическаго творчества возсѣдаютъ цари поэзіи и словами „любви и правды“ привѣтствуютъ другъ друга, созидая, безъ помощи дипломатіи, великую лигу міра...

Вчерашній литературный вечеръ, посвященный Пушкину, показалъ намъ, какъ серьезно изучаютъ въ польскомъ обществѣ русскаго поэта, какъ умѣютъ его цѣнить и глубоко понимаютъ; въ этомъ пониманіи, основанномъ на серьезномъ и безпристрастномъ изученіи, залогъ устраненія многихъ и многихъ недоразумѣній. Человѣкъ не предубѣжденный не можетъ не оцѣнить и не полюбить въ Пушкинѣ его лучшихъ чертъ—глубокой человѣчности и рѣдкой независимости духа, постигшаго въ вѣкъ рабства истинную свободу:

„Никому отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи—
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...
Вотъ счастье, вотъ права...“

вотъ идеалъ свободы для Пушкина, совѣтующаго въ другомъ стихотвореніи идти „дорогою свободной, куда влечетъ свободный умъ...“

Эту рѣдкую независимость духа, непредубѣжденность ума Герценъ считаетъ кореннымъ свойствомъ мыслящаго человѣка въ Россіи и, быть можетъ, онъ не совсѣмъ неправъ, когда говоритъ, что въ русской жизни много дикаго, безобразнаго, но зато нѣтъ окаменѣвшей въ своихъ формахъ пошлости. А гдѣ нѣтъ пошлости, тамъ нѣтъ и безсмысленной злобы, возможно соглашеніе. О Мицкевичѣ Пушкинъ писалъ: „злобы въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ, *мы его любили*. Мирный, благосклонный—онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями". Съ нимъ легко было говорить „о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся..."

На любовь—любовь была отвѣтомъ. Два „взиравшихъ съ высоты на жизнь поэта" стояли подъ однимъ плащомъ, укрываясь отъ ненастья у памятника Петра Великаго, и грезили о будущемъ... И до сихъ поръ для насъ оно темно и неизвѣстно; считаю долгомъ заявить, однако: я не сторонникъ одного на двухъ плаща. По моему глубокому убѣжденію, милостивые государи, у каждаго долженъ быть свой, хотя бы и скромный, но свой, по мѣркѣ сшитый плащъ; путь къ общечеловѣческому идетъ черезъ освобожденіе личности и народа. Какъ личности, такъ и народу должна быть дана обстановка для полнаго самовыраженія, и въ этомъ отношеніи невѣдомо, кому подчасъ тяжелѣе приходится: такъ называемымъ негосударственнымъ націямъ или тѣмъ, которыя испытываютъ на себѣ сомнительныя блага офиціальнаго протекціонизма.

Пушкинъ и Мицкевичъ—наши утѣшители въ скорбяхъ уже пережитыхъ, нашъ залогъ духовной свободы, чаяніе лучшаго будущаго, и съ упованіемъ нашъ умирающій вѣкъ привѣтствуетъ новый, XX-й, юношескимъ пророчествомъ Мицкевича:

„Исчезнутъ мертвые льды
И предубѣжденія заслоняющія свѣтъ...
Привѣтъ тебѣ, заря свободы,
За тобой встаетъ солнце спасенія".

Завтра, уѣзжая въ св. Горы къ могилѣ великаго поэта, я повезу туда тепло вашего братскаго сочувствія и понимания, и съ новымъ упованіемъ припомню пророческія слова Мицкевича, съ которыми можетъ спокойно умереть вѣкъ...“

Богдана Кутыловскаго.

„Если мы, поляки, собрались здѣсь, чтобы почтить память Пушкина, то нами руководило не одно чувство благоговѣнія къ геніальному писателю и даже не одно только желаніе присоединиться нашею скромною бесѣдой къ хору торжествъ, происходящихъ вокругъ насъ въ честь великаго поэта.

Я думаю, что поводы къ этому были у насъ болѣе глубокіе и, кажется мнѣ, что Пушкинъ ближе намъ, чѣмъ прочіе иноземные поэты, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ входитъ, такъ сказать, въ исторію нашей собственной литературы, потому что мы впервые узнали его и сталъ онъ намъ ясенъ изъ вѣщихъ словъ столь дорогого намъ нашего пѣвца. Во-вторыхъ, онъ не чуждъ нашей общественной культурѣ, ибо имя Пушкина, вслѣдствіе дружбы его съ Мицкевичемъ, стало для насъ какъ бы символомъ того братскаго единства, той общности великихъ идеаловъ правды и справедливости, которые могутъ и должны соединять насъ съ вами.

Мы узнали о Пушкинѣ со словъ Мицкевича, о Пушкинѣ въ юности его, той чудной юности, которая высоко возвышается надъ всѣмъ обыденнымъ и „взоромъ солнца охватываетъ и проникаетъ изъ конца въ конецъ все человѣческое“, юности, которая горячо стремится создать новый духовный свѣтъ, по мановенію которой „таютъ мертвые льды и предубѣжденія заслоняющія свѣтъ“, и занимается новая заря—предтеча „солнца спасенія“.

Мы знали вашего пѣвца, „прославленнаго на всемъ Сѣверѣ“, стоявшаго съ нашимъ пѣвцомъ у подножія памятника

Петра Великаго и размышлявшаго о ледяной стихіи надъ бездной, знали друга декабристовъ, посылавшаго имъ привѣтъ и утѣшавшаго ихъ, что не пропадутъ ихъ подвиги страданія и высокія стремленія, знали мы великаго поэта, не склонявшаго гордой головы передъ кумирами толпы и если въ дальнѣйшей жизни поэта случались заблужденія, то изъ лекцій Мицкевича мы знали, что великій поэтъ „съ ужасомъ прочитывалъ событія своей жизни“ и проливалъ надъ ними горькія слезы. Намъ извѣстно, наконецъ, и то, что, оглядываясь на свое прошлое, великій поэтъ вашъ цѣнилъ въ ней то, что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ, что, „вслѣдъ Радищеву, возславилъ онъ свободу и милосердіе воспѣлъ“.

И вотъ онъ передъ нами, этотъ свѣтлый юношескій образъ Пушкина, могучаго пѣвца свободы, исполненнаго вѣры въ побѣду правды и справедливости, жившаго возвышеннѣйшими стремленіями, увѣнчаннаго ореоломъ славы, и мы сердечно любимъ этотъ образъ, потому что намъ милы юность, искренность и сердечность чувства. Да здравствуютъ же молодость, любовь и истина!“

П. Н. Исаковъ.

Устраняясь въ своей рѣчи отъ обзора той стороны писательской дѣятельности, въ которой выразились убѣжденія Пушкина и Мицкевича, какъ гражданъ своего отечества, ораторъ останавливается на восторженномъ признаніи въ авторѣ „Онѣгина“ величайшаго художника своего времени, оставившаго намъ созданія величайшей красоты; этой красотой будутъ наслаждаться еще многія поколѣнія, духъ которыхъ не перестанетъ возвышаться и облагораживаться ими. Неужели этого мало? Ужели это не великая заслуга? Въ заключеніе ораторъ высказываетъ желаніе, чтобы изъ года въ годъ повторялись чествованія памяти Пушкина и Мицкевича.

Стихотвореніе **П. И. Вейнберга,**

прочитанное имъ на обѣдѣ.

„Отъ житейской суеты, отъ гнетущихъ треволненій,
Въ царство вѣчной красоты насъ уноситъ мощный геній,
Въ царство чистыхъ грезъ и думъ, гдѣ въ пареніи орлиномъ
Смотритъ къ намъ великій умъ лучезарнымъ исполиномъ.
Помня Господа завѣтъ: „ты возстань, и виждь, и внемли!“
Вѣщій нашъ пророкъ-поэтъ „обходилъ моря и земли“,
Съ скромной лирою пѣвца, въ тихой области искусства,
Онъ „глаголомъ жегъ сердца“, онъ „будилъ благія чувства“;
Къ „падшимъ милости“ училъ, сильныхъ звалъ служить народу,
„Рабство“ съ ужасомъ клеймилъ, вдохновенно „пѣлъ свободу“,
И надѣясь, и любя, съ вѣрой чистой и святою
Повергалъ во прахъ себя предъ нетлѣнной красотою.
„Тьмѣ сокрыться“ говорилъ, призывалъ побѣду „свѣта,“
Самъ тѣмъ эхомъ чуднымъ былъ, съ коимъ сравнивалъ поэта...
Побѣдивъ родную рѣчь силой творческаго духа,
Изъ нея успѣлъ извлечь звуки чудные для слуха,
Наслажденье для души,—и она во блескѣ новомъ
Изъ могучихъ рукъ творца вышла дивнымъ русскимъ словомъ.
Русскій мыслью всей своей, всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ,
Обнималъ и всѣхъ людей онъ любовнымъ братскимъ взглядомъ.
Въ сонмъ поэтовъ міровыхъ онъ вошелъ съ сіяньемъ славнымъ,
И стоитъ теперь межъ нихъ Пушкинъ братомъ равноправнымъ.
Тамъ онъ будетъ вѣчно жить, и какъ нашъ народный геній,
Яркимъ свѣточемъ служить для грядущихъ поколѣній.
Слава вѣчная тебѣ! Слава вамъ, его собратья,
Человѣчеству всему раскрывавшіе объятья;
Вамъ, носившимъ на челѣ Божій перстъ, печать поэта!
Слава царству на землѣ правды, разума и свѣта!“

Л. Є. Оболенскаго.

„Когда я слушалъ рѣчи, произнесенныя здѣсь, слушалъ поэтическія сравненія, которыми ораторы старались выразить величіе и родственность двухъ художественныхъ геніевъ — русскаго и польскаго, — Пушкина и Мицкевича, — въ моемъ умѣ мелькнуло еще одно сравненіе.

И мнѣ захотѣлось подѣлиться имъ съ вами.

Мнѣ кажется, что оно кратко резюмируетъ многое изъ сказаннаго здѣсь.

Два орленка родились и росли въ одномъ гнѣздѣ. У нихъ было не только общее гнѣздо, но и общая любовь, любовь къ солнцу, на которое,—какъ говорятъ,—всѣ орлы любятъ смотрѣть и къ которому вѣчно стремятся.

Но вотъ, однажды, случилась буря. Она разметала гнѣздо, разбросала орлятъ, и братья были брошены ею въ темную пещеру. Здѣсь, въ глубокой тьмѣ, не узнавъ другъ друга, они вступили въ борьбу. Они поражали другъ друга могучими когтями и клювами, и братская кровь обагряла холодные камни.

Вдругъ, въ пещеру, сквозь узкую трещину, образовавшуюся въ стѣнѣ, проникъ первый лучъ восходящей зари. И, при видѣ его, братья издали крикъ, которымъ всѣ орлы привѣтствуютъ солнце. И по этому крику они сразу узнали другъ друга...

Эти орлята—Пушкинъ и Мицкевичъ, Россія и Польша,— или, вѣрнѣе, ихъ интеллигенція. Ихъ общее гнѣздо, это— славянство, а тотъ крикъ, по которому они снова узнали другъ въ другѣ братьевъ, это тотъ знаменитый стихъ, который много разъ былъ цитированъ на нынѣшнемъ обѣдѣ:

„Да здравствуетъ солнце!
Да скроется тьма!“

С. Н. Сыромятникова.

„Я слишкомъ молодъ, чтобы чувствовать на себѣ вліяніе великаго польскаго поэта, который закрывшись однимъ плащемъ съ нашимъ Пушкинымъ стоялъ подъ аркою Сената. Мое поколѣніе многимъ обязано Пушкину и мы не уступимъ изъ него ни одной строки кому бы то ни было. Но въ то же время мы многимъ обязаны и эпигонамъ Мицкевича—Кондратовичу, Сенкевичу, Прусу, Оржешко и многимъ другимъ писателямъ польскаго народа, какъ можетъ быть и поляки обязаны многимъ преемникамъ Пушкина. Если бы я спросилъ тѣнь Пушкина: Quo vadis, Domine, онъ указалъ бы мнѣ, что онъ идетъ туда же куда идетъ и Мицкевичъ. Ихъ дороги должны сойтись въ будущемъ. Ихъ дороги тѣмъ скорѣе сойдутся, чѣмъ ближе будутъ русскому сердцу эпигоны Мицкевича, чѣмъ ближе польскому сердцу эпигоны Пушкина. Ибо дѣло не въ критикѣ, а въ освоеніи, въ сближеніи. Я отъ души желаю этого сближенія“.

Д-ра **Феликса Копера.**

„Когда я уѣзжалъ изъ Галиціи по порученію Краковской академіи наукъ для производства работъ и изслѣдованій въ Россіи, я и мои друзья опасались, сознаюсь въ этомъ, чтобы меня не встрѣтили здѣсь дурно и чтобы я не испытывалъ разныхъ затрудненій, будучи полякомъ. Между тѣмъ случилось нѣчто противоположное. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я работалъ въ различныхъ русскихъ научныхъ учрежденіяхъ и вездѣ находилъ привѣтливую встрѣчу, доброжелательную помощь, со мной поступали такъ привѣтливо, какъ нигдѣ. Уѣзжаю я отсюда исполненный благодарности. Я не могъ однако не замѣтить, что многіе русскіе ученые, изъ коихъ нѣкоторые находятся въ числѣ здѣсь присутствующихъ, съ которыми я бесѣдовалъ, избѣгаютъ ученыхъ сношеній съ нами, изъ

боязни оказаться у насъ дурно встрѣченными. Такимъ образомъ обнаруживается, что ничѣмъ не мотивированная неувѣренность обоюдна. Эта неувѣренность какъ съ польской, такъ и съ русской стороны должна разсѣяться. Горячо желаю, чтобы она среди насъ навсегда исчезла, и чтобы мѣсто ея заняли научныя сношенія и связи, прочныя и обильныя плодами. Я позволю себѣ провозгласить тостъ въ честь одного изъ достойнѣйшихъ представителей русской науки, находящагося въ нашей средѣ, вице-президента Императорской академіи наукъ Майкова!“

Яна Ціонглинскаго (художника).

„Вотъ уже цѣлый рядъ ораторовъ старались освѣтить Пушкина, то русскимъ, то польскимъ свѣтомъ. Мнѣ кажется, что Пушкинъ такая личность, ради которой можно бы хоть на минуту сойти съ почвы народничества и говорить о немъ просто какъ человѣкъ о человѣкѣ. Съ этой точки зрѣнія человѣчество имѣетъ величайшее основаніе склонить голову передъ Пушкинымъ. Онъ представлялъ собой одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ примѣровъ непоколебимой вѣры въ силу и необходимость искусства для искусства.

Было не мало геніальныхъ людей, во всю жизнь колебавшихся, метавшихся среди сомнѣній относительно вопроса, стоитъ ли чистое искусство для искусства того, чтобы ему посвятить дѣятельность всей жизни? Сколько на нашихъ глазахъ сожженныхъ алтарей! Пушкинъ, несмотря на то, что единственной ему наградой слишкомъ часто служили „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“, ни на минуту не усомнился въ своемъ призваніи. Предчувствовалъ онъ своимъ вѣщимъ духомъ, что раньше или позже, человѣчество все равно придетъ къ возможнымъ культурнымъ завоеваніямъ, но что извлекать изъ души огонь святыхъ чувствъ, вызвать

слезу изъ глазъ, вернуть застывшей и измученной душѣ восторги молодости и вѣры—всего этого безъ чистаго искусства человѣчество никогда не достигнетъ!

Потому-то онъ съ такимъ спокойствіемъ и съ полной увѣренностью, незадолго до своей кончины говорилъ, что къ его памяти „не зарастетъ народная тропа“. Не умѣю глубже почтить Пушкина, какъ поднявъ бокалъ во славу того чистаго искусства, жрецомъ котораго онъ былъ во всю свою жизнь!“

ПИСЬМА и СТАТЬИ.

Приводимъ нѣсколько полученныхъ въ редакціи „Kraj“ писемъ отъ лицъ, которымъ обстоятельства не дозволили присутствовать на польскомъ чествованіи Пушкина въ Петербургѣ.

Глубоко сожалѣю, что отъѣздъ мой изъ Петербурга лишаетъ меня возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Меня сердечно радуетъ всякое проявленіе сближенія волею судебъ разъединенныхъ братьевъ. Да благословятъ тѣни великихъ поэтовъ, которыми гордится весь славянскій міръ и которыхъ мы вспоминаемъ въ настоящемъ году, новый путь не вражды и розни, а единенія и взаимной помощи въ области знанія и искусства, въ области общественной и государственной жизни.

Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать вамъ, М. Г., мое полное уваженіе и прошу передать редакціи Kraj'я мою признательность за оказанное мнѣ вниманіе.

Н. Таганцевъ.

Глубоко благодарный за честь приглашенія меня на обѣдъ въ честь Пушкина, я, къ сожалѣнію моему, не могу быть 23-го мая.

И. Рѣпинъ.

Отъ всей души благодарю редакцію газеты „Kraj“ за приглашеніе на обѣдъ въ память Пушкина. Къ сожалѣнію моему, уѣзжая сегодня въ Тульскую губернію, я не могу воспользоваться случаемъ провести время съ редакціей польской газеты и вспомнить дружескія отношенія двухъ великихъ поэтовъ, русскаго и польскаго, и пожелать искренно дружбы между литературами и литераторами обоихъ народовъ.

Уважающій васъ

А. Суворинъ.

19-го мая 1899 г.

Крайне сожалѣя, что нездоровье помѣшало мнѣ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ на Пушкинскій обѣдъ 23-го мая, прошу васъ принять, вмѣстѣ съ моими извиненіями, искреннюю мою благодарность. Вы почтили меня этимъ приглашеніемъ зная, что я глубоко сочувствую русско-польскому примиренію, въ исторіи котораго юбилеи Мицкевича и Пушкина займутъ видное мѣсто. Полученной мною сегодня №· газеты Kraj краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что ваши усилія, ваше просвѣщенное сочувствіе высшимъ политическимъ интересамъ двухъ родственныхъ народовъ увѣнчались успѣхомъ: обѣдъ 23-го мая останется въ памяти поколѣній какъ свѣтлое воспоминаніе.

Примите же, многоуважаемый господинъ редакторъ, мои искреннѣйшія завѣренія въ совершенномъ почтеніи и сочувствіи.

Князь А. Урусовъ.

Я искренно сожалѣю, что не могу воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ редакціи „Края“ и быть на устраиваемомъ въ память Пушкина обѣдѣ. Неотложныя дѣла заставляютъ меня на три дня уѣхать сегодня изъ Петербурга, а отложить отъѣздъ я къ прискорбію не могу.

Мнѣ было бы очень отрадно провести съ вами тѣ часы, которые вы хотите посвятить чествованію памяти великаго русскаго поэта и въ дружеской бесѣдѣ съ представителями родного намъ народа воздать хвалу тому, кто, какъ и другъ его, вашъ Мицкевичъ для своего народа, сдѣлалъ такъ много для русскаго народнаго самосознанія.

М. Өедоровъ.

Передовая статья С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, (25 мая №. 140).

Знаменательное общеніе.

На обѣдѣ, данномъ 23 мая въ память Пушкина представителями польскаго общества русскимъ общественнымъ дѣятелямъ и публицистамъ, ярко сказалось столько единодушія и взаимопониманія, что этотъ день, несомнѣнно послужитъ исходнымъ моментомъ къ сближенію на новыхъ началахъ. Въ рѣчахъ выдающихся ораторовъ, въ цитатахъ изъ своихъ любимѣйшихъ поэтовъ, въ почтительно-искреннемъ выраженіи другъ другу самыхъ братскихъ чувствъ сквозило одно стремленіе—найти почву, внѣ политики и злободневныхъ огорченій, чтобы честно протянуть и пожать протянутую навстрѣчу руку, безъ человѣконенавистничества произнести правдивое слово, стать выше предубѣжденій въ области тѣхъ солнечныхъ думъ, тѣхъ живительныхъ идей безсмертнаго творчества, чистыми жрецами котораго въ одинаковой мѣрѣ являлись нашъ величайшій избранникъ музъ и Мицкевичъ. Кромѣ поляковъ, съ г. Спасовичемъ во главѣ, говорили гг. Кони, Андреевскій, Карѣевъ, Гоби, Арсеньевъ, Амфитеатровъ, Арабажинъ, Л. Оболенскій, Исаковъ, Сыромятниковъ (Сигма). Несмотря на все различіе міровоззрѣнія говорившихъ и разнородность лагерей, къ которымъ ихъ можно

причислить, никакой диссонансъ не нарушилъ ни на минуту приподнятаго, глубоко восторженнаго настроенія аудиторіи. Свѣтлая тѣнь Пушкина словно присутствовала въ залѣ, гдѣ съ благоговѣніемъ въ сердцѣ собралась чествовать его имя культурная группа соотечественниковъ и согражданъ—славянъ, объединяясь въ дружную семью людей, съ уваженіемъ взирающихъ на реликвіи генія двухъ великихъ народовъ.

И тепло, и радостно становилось на душѣ, при мысли, что разобщенность, искусственно сложившаяся и поддерживаемая между общественными элементами того и другого въ Западномъ краѣ, здѣсь, въ столицѣ, таетъ, какъ воскъ отъ лица огня, при соприкосновеніи независимыхъ отъ узкой партійности дѣятелей изъ міра науки, искусства, литературы. При этомъ непосредственномъ и живомъ общеніи, самъ собой напрашивался вопросъ: почему еще такъ несокрушима сила средостѣнія между множествомъ поляковъ и нами, почему тотъ мракъ иконоборческаго невѣжества и отрицанія высшихъ формъ человѣческаго бытія, тотъ мракъ, который десятки лѣтъ назадъ стерегъ на каждомъ шагу и, въ концѣ концовъ, поглотилъ у насъ нашего Пушкина (хотя сердцемъ и разумомъ за него было все лучшее въ Россіи, начиная отъ Самого Государя...)—почему этотъ, какъ бы непроницаемый мракъ до сихъ поръ не боится солнечныхъ лучей?..

Приводимъ слѣдующее мѣсто изъ фельетона г. Сигмы въ „Новомъ Времени“ 30 мая.

Намъ нечего стыдиться Пушкина, намъ недостойно просить у кого бы то ни было извиненія за его стихи, намъ не вмѣстно искать для него оправданій, что онъ не принадлежалъ къ той или другой партіи. Онъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ сильныхъ, которые ведутъ за собою народы, которые создаютъ новыя царства, которые вѣнчаются лаврами, которые не боятся смерти, которые отдаютъ жизнь великой идеѣ или великой мечтѣ. И онъ создалъ новое царство, цар-

ство русской поэзіи и умеръ молодымъ, какъ всѣ великіе полководцы. Вокругъ такого человѣка могутъ соединиться не только люди, но и народы. И можетъ быть память о немъ послужитъ къ ихъ соединенію. Не даромъ праздновали его годовщину Краковская академія наукъ, Львовскій и Краковскій университеты, которыхъ нельзя заподозрить въ желаніи подслужиться Россіи; не даромъ его помянули добрымъ словомъ польскіе эмигранты, разсѣянные по Европѣ. Онъ—олицетвореніе русской земской свободной государственности и не одни русскіе пойдутъ за его принципомъ. Можетъ быть, одинъ изъ предковъ Пушкина заключалъ договоръ Новгорода съ Казиміромъ IV и говорилъ: „а держать тебѣ, честны король, Великій Новгородъ въ воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ, а у насъ тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отъимати, а римскихъ церквей тебѣ, честный король, въ Великомъ Новогородѣ не ставити, ни по пригородамъ новогородцкимъ, ни по всей землѣ новогородцкой, а держати тебѣ своего намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ греческой, отъ православнаго хрестьянства, а намѣстнику твоему безъ посадника Новогородцкаго суда не судити, а судити твоему намѣстнику по Новогородцкой старинѣ“. И можетъ быть другіе народы славянства дѣлаютъ теперь въ своей совѣсти молчаливые договоры съ русскимъ поэтомъ, не для измѣны своей вѣрѣ, своему языку, своей земской и исторической чести, а для сохраненія своей свободы отъ иноплеменныхъ враговъ Запада.

Редакціонная замѣтка въ №. 1 іюня „Новаго Времени“ по поводу №. 22 „Края“.

Послѣдній нумеръ здѣшняго польскаго „Края“ посвященъ Пушкинскому юбилею—пріятный даръ уваженія къ памяти нашего національнаго поэта со стороны польскаго журнала. Можно задаться вопросомъ: мыслимо ли было что-

нибудь подобное всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ? Идея, если не примиренія, до котораго не такъ еще близко, то умиротворенія несомнѣнно начинаетъ проникать въ польскую среду. Нашему великому поэту и тутъ суждено играть первую роль. Мимолетное въ сущности знакомство его съ Мицкевичемъ какъ бы освящаетъ чувства самыхъ „правовѣрныхъ“ поляковъ, и они чествуютъ „друга Мицкевича“. Въ № 22 „Края“, кромѣ ряда статей о Пушкинѣ и подробнѣйшаго отчета объ устроенномъ редакціею журнала обѣдѣ въ честь нашего поэта, находимъ портреты Пушкина, его жены, снимки съ извѣстныхъ картинъ П. Соколова и Ге, и пр.

Мы не можемъ не цѣнить этой свободной дани уваженія.

Извлеченіе изъ фельетона „Россіи“ въ №. 33, 30 мая.

Изъ всѣхъ пушкинскихъ торжествъ, доселѣ бывшихъ, я присутствовалъ лишь на одномъ — обѣдѣ поляковъ, данномъ въ честь Пушкина, отвѣтомъ на русское чествованіе памяти Мицкевича. Мнѣ казалось, что этотъ обѣдъ — интересное знаменіе времени, и на немъ можетъ быть многое выяснено живымъ словомъ, а полякамъ и русскимъ есть о чемъ поговорить между собою съ глазу на глазъ, чего никакими писаніями не уяснишь, въ десяткахъ томовъ не изложишь. И дѣйствительно, было интересно. Я не такой оптимистъ, чтобы воображать, чтобы стѣна между Русью и Польшею была сломана,—нѣтъ, но она какъ будто бы стала тоньше. Чувствуется страшное утомленіе обѣихъ сторонъ тою враждою, что не разъ склоняла ихъ подъ обоюдною грозою. Есть потребность отдохнуть и согласиться... но въ чемъ? на чемъ сойтись и покончить? Въ этомъ-то и горе, что не знаемъ. Ни мы не знаемъ, ни поляки. Другъ друга не знаемъ—и узнать не можемъ. Общество обществу аукается, а отклика нѣтъ: онъ теряется гдѣ-то въ промежуточномъ пространствѣ! Добрыя русскія намѣренія не доходятъ до поляковъ, поль-

скія до русскихъ. Двѣ народности лежатъ другъ противъ друга, словно два сфинкса, и недоумѣваютъ: да что же ты такое, наконецъ? и что мнѣ съ тобою—неразрывное ты мое—дѣлать? И нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть, потому что не знаемъ мы другъ друга. Узнать значить простить, а простить значитъ помириться. Итакъ, безъ знанія, нѣтъ ни прощенія обидъ, ни даже худого мира. Я знаю, что были попытки сближенія народностей польской и русской многими членами и той и другой; мнѣ самому приходилось принимать въ нихъ участіе. Дескать—повѣримъ другъ другу на слово! Но, увы, говорятъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва: еще мертвѣе примиренія, основанныя только на вѣрѣ. Полякамъ не за что вѣрить въ насъ, намъ не за что вѣрить въ поляковъ. Слишкомъ долго лилась кровь между Русью и Польшею и слишкомъ недавно перестала она литься, чтобы общества надъ Невою и Вислою могли сойтись въ дружную семью, не заключивъ между собою правильнаго нравственнаго договора, не выяснивъ подробно свою физіономію. Отецъ Пшипендовскаго стрѣлялъ въ отца Иванова изъ штуцера и самъ былъ поднятъ на штыкъ отцомъ Петрова,—а вы хотите, чтобы Пшипендовскій, Петровъ и Ивановъ обнялись, восклицали kochajmy się! Не можетъ этого быть съ бухты-барахты: мириться, такъ мириться основательно, выяснивъ и симпатіи свои, и антипатіи, и начала, на которыхъ можно, ихъ уравновѣсивъ и прикончивъ, добиться обоюднаго согласія. Общество должно договориться съ обществомъ и затѣмъ, помирясь, хранить и щадить одно другое. Въ договорѣ этомъ не властны помочь ни польскій ксендзъ, ни русскій чиновникъ, ни польскій эмигрантъ, ни русскій солдатъ. Это—внѣ средствъ государственныхъ, это—дѣло общественное. И лишь громкій голосъ общества — печатное слово — способенъ мало-по-малу разобраться въ томъ лабиринтѣ, что зовется польско-русскими отношеніями, и мало-по-малу привести ихъ къ тому, что принято звать польско-русскимъ примиреніемъ. Между двумя народами непроходимая топь недо-

молвокъ и лжи. Поляки лгутъ на насъ Европѣ, мы лжемъ на поляковъ самимъ себѣ. Какія-то потемки, гдѣ теряются всѣ свѣтлые лучи,—кромѣшная тьма, откуда слышны лишь плачъ да скрежетъ зубовный. И—пока будетъ царить эта тьма—до тѣхъ поръ зданіе всякаго примиренія строится на пескѣ.

Разгонимъ ее, объяснимся, и тогда — коли и мы, и вы найдемъ возможнымъ—превосходно! kochajmy się! „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“ А солнце, къ которому здѣсь возносятся призывы, извѣстно: имя ему—свободное и откровенное слово ничѣмъ не стѣсняемой правды... За такое слово поднималъ я бокалъ предъ польско-русскимъ собраніемъ пушкинскаго обѣда, такое слово славлю и пою сейчасъ и славить и пѣть буду, дондеже есмь!

Old Gentleman.

Общественное собраніе въ Краковѣ, по поводу столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина.

Юбилей Пушкина праздновался въ Краковѣ 31 мая въ залѣ Саксонской гостиницы. Кромѣ устроителей собранія гг. профессоровъ М. Соколовскаго, Каз. Моравскаго и М. Здѣховскаго—говотъ газ. „Czas"—на собраніи присутствовали профессора Аксентовичъ, пр. д-ръ Бровичъ, проф. Бодуэнъ де Куртенэ, пр. д-ръ Беньковскій, д-ръ Бопре, д-ръ Бэнисъ, проф. д-ръ Цыбульскій, проф. д-ръ Черкавскій, гр. Л. Дембицкій, директоръ Эстрейхеръ, доцентъ д-ръ Ст. Эстрейхеръ, директоръ Фалатъ, д-ръ Флахъ, д-ръ П. Гурскій, проф. д-ръ. Іорданъ, проф. д-ръ Янчевскій, проф. д-ръ Л. Яворскій, г. Ст. Коперницкій, директоръ театра Іосифъ Котарбинскій, проф. д-ръ Костанецкій, д-ръ Августъ Квасницкій, проф. д-ръ Кавчинскій, проф. д-ръ гр. Юрій Мыцѣльскій, проф. Мальчевскій, г. Л. Михаловскій, доцентъ д-ръ Макаревичъ, д-ръ Карлъ Потканскій, кс. проф. Павлицкій, г. Павелъ Попель, бывшій профессоръ Варшавской главной школы д-ръ Ростафинскій, Л. Ридель, проф. д-ръ Рудзкій, доцентъ д-ръ Розвадовскій, проф. Станиславскій, Рудольфъ Старжевскій, М. Собанскій, д-ръ Станиславъ Томковичъ, проф. Вычулковскій, проф. д-ръ Р. Вихеркевичъ, г. Ст. Выспянскій, директоръ Вл. Желенскій, проф. д-ръ Цолль (младшій).

Собраніе открылось чтеніемъ профессора Здѣховскаго, посвященнымъ характеристикѣ Пушкина, въ которой онъ

обрисовалъ, главнымъ образомъ, фактическій очеркъ жизни и творчества Пушкина, особенно превознося его художественное настроеніе. Пушкинъ, по мнѣнію референта, обладалъ въ неподражаемо высокой степени тремя условіями, какъ бы соединившимися въ одно цѣлое для образованія его художественнаго темперамента: широко и глубоко захватывающей впечатлительностью, ясностью и подвижностью ума, оберегавшими его отъ исключительнаго проникновенія какою-либо одной категоріей впечатлѣній и, наконецъ, не сдерживаемой размышленіемъ непосредственностью этихъ впечатлѣній. Переходя къ взаимнымъ отношеніямъ Пушкина съ Мицкевичемъ, проф. Здѣховскій остановился на поэмѣ „Мѣдный всадникъ", въ которомъ блестящимъ образомъ обоснованная гипотеза профессора Третьяка усматриваетъ отвѣтъ на извѣстное мѣсто 3-й части „Дѣдовъ" Мицкевича.

„Основное различіе между обоими поэтами, высказалъ свое мнѣніе проф. Здѣховскій, заключается въ томъ, что Пушкинъ былъ лишь художникомъ, тогда какъ Мицкевичъ былъ и художникомъ, и вмѣстѣ пророкомъ, и общественнымъ реформаторомъ, стремившимся къ осуществленію Божьяго Царства на этомъ свѣтѣ". Въ заключеніе лекторъ указалъ на то, что художественная сторона твореній Пушкина, которая особенно ярко выразилась въ его лирикѣ, составляетъ источникъ не только достоинствъ, но и недостатковъ его поэзіи. Ибо обратной стороной этой всесторонней его впечатлительности, внимающей жизни во всей безконечности ея проявленій, пригодныхъ для воспроизведенія ихъ въ художественные образы, является способность легко примиряться съ жизнью, даже съ отрицательными ея сторонами. Это уже квіетизмъ, поверхностность, сторонящаяся отъ заглядыванія вглубь неразлучныхъ съ жизнью страданій. И дѣйствительно, въ творчествѣ Пушкина мы не найдемъ особенной глубины помысловъ; художественная законченность его произведеній составляетъ ихъ славу.

Недавно я имѣлъ случай бесѣдовать съ французскимъ

художникомъ-поэтомъ Сюлли-Прюдомомъ. Вотъ что высказалъ онъ мнѣ, со свойственной ему тонкостью анализа, о своихъ взглядахъ на музыку. По его мнѣнію, если вдумываться въ чувство грусти, навѣваемое музыкой, то надо согласиться, что ни одно искусство не въ состояніи вызвать въ насъ такого глубокаго сознанія *несозвучія* entre l'offre et l'envie, т. е. между безконечностью нашихъ желаній и нечтожностью того, что намъ можетъ дать жизнь. Поэтому музыка представляется ему какъ „la proclamation la plus puissante de l'insuffisance de la matière" (могущественнѣйшимъ заявленіемъ о недостаточности матеріальнаго міра) и превосходнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію французскаго поэта, поэзія, сравнительно съ музыкой, безсильна и бѣдна; вся цѣнность зависитъ отъ того, насколько она приблизилась къ музыкѣ; а переходя въ музыку, она тотчасъ возбуждаетъ въ насъ трепетное ощущеніе безконечности. Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить Ламартинъ. Мысли у него зачастую банальны, слова изъ обыденной рѣчи, и однако его стихи, именно благодаря ихъ чарующей музыкѣ, проникаютъ въ насъ до глубины души и окрыляютъ ее тѣмъ возвышеннымъ настроеніемъ, которое собственно и составляетъ сущность всякой красоты.

Слушая эти, нѣсколько парадаксольныя заключенія почтеннаго художника, мнѣ пришло въ голову, что его мнѣнія о Ламартиновской поэзіи приложимы къ Пушкину. Если художественная законченность формы составляетъ главное достоинство его творчества, то съ другой стороны главнѣйшая прелесть такой формы музыкальность стиха. Но именно поэтому для пониманія поэзіи Пушкина первое условіе полное знакомство съ русскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, творческія произведенія Мицкевича, могутъ восхищать даже и въ блѣдныхъ переводахъ. Брандесъ, не зная польскаго языка, сумѣлъ однаго оцѣнить красоту и значеніе произведеній нашего поэта, пользуясь французскими перево-

дами, и его замѣчанія относительно „Пана Тадеуша“ принадлежатъ къ лучшимъ изъ всѣхъ, появившихся доселѣ въ печати. Точно также и Фогаццаро не поколебался поставить Мицкевича на ряду съ Мильтономъ, Байрономъ и Шиллеромъ, а въ своемъ этюдѣ о поэзіи будущаго назвалъ поэму нашего поэта образцомъ этой поэзіи, въ которой, по мнѣнію критика, соединятся воедино первичныя основы современнаго романа съ древней эпопеей. Еще удачнѣе онъ оцѣнилъ впечатлѣніе поэзіи Мицкевича въ одномъ частномъ письмѣ, утверждая, что если Байронъ увлекаетъ за собой молодое поколѣніе, то помыслы Мицкевича проникаютъ въ глубину зрѣлаго созерцанія и что поэтому онъ почиталъ и любилъ Мицкевича на тридцатомъ году точно такъ же какъ Байрона на двадцатомъ; et je vous assure que c'est beaucoup dire, прибавляетъ авторъ, такъ какъ Байронъ въ мои молодые годы былъ первымъ моимъ любимцемъ. Такого рода поклонниковъ Мицкевича, не знавшихъ языка поэта, я встрѣчалъ не мало. Хотя подобныхъ поклонниковъ у Пушкина не можетъ быть, но это ничуть не умаляетъ его значенія. Онъ несравненный художникъ слова, пѣвецъ природы, искусства и любви, создатель поэзіи, проторившей дорогу тому благороднѣйшему и прекраснѣйшему олицетворенію русскаго духа, каковымъ мы почитаемъ Льва Толстого“.

За столомъ начался рядъ рѣчей. Первый тостъ былъ провозглашенъ проф. Соколовскимъ.

„Намъ кажется весьма знаменательнымъ, сказалъ ораторъ, этотъ моментъ, который соединилъ насъ, представителей польской науки, литературы и искусства, вокругъ этого стола.

По тремъ причинамъ это произошло и имѣетъ значеніе. Первая изъ нихъ та, что всѣ славянскія племена и народности, съ окончаніемъ нашего столѣтія начинаютъ стремиться къ сближенію на полѣ культурнаго развитія, къ взаимному ознакомленію и пониманію тѣхъ общихъ всѣмъ имъ особенностей, которыя покоятся въ основѣ всѣхъ огромныхъ и

ничѣмъ еще не зачеркнутыхъ различій. Одновременно повсюду, а особенно у насъ, выступаютъ снизу народныя массы и пробуждаются къ жизни. Съ этимъ вмѣстѣ выступаютъ и, по самой природѣ вещей, должны выступать впередъ народныя начала, племенное, расовое, этническое, а слѣдовательно и славянское. Въ нашемъ внутреннемъ быту мы начинаемъ возвращаться къ эпохѣ Пястовъ, т. е. ко времени, когда мы были болѣе близки къ прочимъ славянамъ, чѣмъ впослѣдствіи, и когда наше внутреннее развитіе болѣе заимствовало изъ племеннаго источника, отъ котораго мы произошли. Словомъ, приближается моментъ, съ такою жаждой и тоской ожидаемый наиболѣе возвышенными душами и глубочайшими умами нашего общества. Наше сегодняшнее собраніе является однимъ изъ доказательствъ того, что приближеніе этого историческаго момента всѣ мы предчувствуемъ. Оставаясь вѣрными нашей народности и всему тому, что исторія ея создала достойнаго и высокаго, всему тому, что для насъ навсегда останется неприкосновенной святыней, благословляя условія, которыя намъ въ предѣлахъ Австріи, подъ покровительствомъ нашего великодушнаго и возлюбленнаго монарха, обезпечили свободу жизни и развитіе силъ, надорванныхъ невзгодами, мы сознаемъ, что принадлежимъ къ числу народовъ славянскихъ и что никакой культурный успѣхъ въ области высшихъ, идеальныхъ стремленій прочихъ славянскихъ народовъ не можетъ намъ быть чуждымъ.

Вторымъ поводомъ для нашего собранія является личная дружба Мицкевича къ Пушкину. „Они недолго, но много знали другъ друга. И въ нѣсколько дней уже стали друзьями.“

Недавно мы праздновали память нашего безсмертнаго пѣвца; теперь вся Россія чествуетъ геніальнѣйшаго своего поэта. Мы думаемъ, что мы исполняемъ мысль нашего Мицкевича, присоединяя нашъ голосъ къ голосу Россіи и всего славянства въ этомъ чествованіи.

Идеалы Пушкина не всегда были тожественны съ нашими идеалами; въ жизни и произведеніяхъ русскаго поэта были

струны, которыя не могли не вызвать скорбнаго чувства въ нашей груди, но мы не должны забывать, что Пушкинъ въ началѣ 19-го столѣтія былъ для Россіи тѣмъ же, чѣмъ Данте былъ для Италіи на зарѣ XIV-го вѣка и чѣмъ былъ Кохановскій для насъ во второй половинѣ XVI-го вѣка. Онъ выковалъ русскій языкъ, онъ не только создалъ изъ языка могущественнѣйшей отрасли славянскаго племени музыкальный инструментъ, но и положилъ начало великой русской литературы! Безъ Пушкина не было бы и Льва Толстого, съ цѣлымъ его всемірнымъ и общечеловѣческимъ значеніемъ. Пушкинъ былъ великимъ поэтомъ и не напрасно послѣ его смерти Мицкевичъ писалъ: еслибъ не было Байрона, Пушкинъ былъ бы признанъ величайшимъ поэтомъ нашей эпохи. Поэтому превыше всѣхъ различій между идеалами Мицкевича и Пушкина остается то, что въ нихъ общечеловѣческое и что безсмертно, и то, что способствовало и способствуетъ стремленію русскаго духа къ свободѣ. Въ дружбѣ Мицкевича къ Пушкину заключалось нѣчто для насъ символическое. Въ ней отразились и до нѣкоторой степени выразились отношенія, связывающія насъ съ благороднѣйшей частью русскаго общества. И вотъ, по мысли этой дружбы мы здѣсь собрались.

Но наше собраніе состоялось еще и вслѣдствіе третьей, важнѣйшей причины. Мѣсяца два тому назадъ благороднѣйшіе умы Россіи возымѣли мысль соединиться съ нами для чествованія памяти Мицкевича. Воздавая честь нашему безсмертному поэту, тѣмъ самымъ воздавалось и признаніе нашего національнаго духа и всего того, что имъ создано. Тѣ же люди чествуютъ въ настоящее время память Пушкина. Присоединяясь къ нимъ въ этомъ чествованіи, мы свидѣтельствуемъ, что ихъ честное отношеніе къ намъ отозвалось въ нашихъ сердцахъ: мы жаждемъ показать имъ свои чувства и внѣшнимъ проявленіемъ этихъ одушевляющихъ насъ чувствъ да послужатъ выраженія нашихъ искреннихъ пожеланій: да осуществятся идеалы нашихъ братьевъ на пути ихъ культурныхъ стремленій. О, еслибъ то, что заро-

дилось дружбой Мицкевича съ Пушкинымъ, могло въ будущемъ принести плодъ въ видѣ желанныхъ и счастливыхъ для обоихъ народовъ послѣдствій!

Поэтому во имя солидарности славянскихъ народовъ въ области наукъ, литературы, поэзіи и искусствъ, во имя пріязни, соединявшей двухъ великихъ поэтовъ, польскаго и русскаго, во имя взаимности возвышеннѣйшихъ чувствъ, одинаковой справедливости для всѣхъ и всегда, во имя высочайшихъ идеаловъ человѣчества и того „солнца правды", которое по выраженію поэта, „не знаетъ ни востока, ни запада" поднимаю бокалъ въ честь русскихъ друзей Адама Мицкевича".

Послѣ этого тоста, шумно принятаго общими возгласами „да здравствуютъ!" (niech żyją!), произнесъ слово д-ръ Гурскій.

„Мицкевичъ уподоблялъ себя и Пушкина двумъ альпійскимъ скаламъ:

„Ихъ души выше всѣхъ земныхъ преградъ,
И родственны онѣ, какъ въ Альпахъ двѣ скалы".

Этими двумя строками онъ не только превосходно опредѣлилъ свое отношеніе къ Пушкину, но провелъ мысль, что люди, стоящіе у вершины духовнаго развитія, въ стремленіи къ идеаламъ могутъ взаимно сближаться не взирая на преграды:

„Хоть ихъ навѣки разорвалъ потокъ,
Вершинами склоняются другъ къ другу,
Чуть слыша шумъ стихіи имъ враждебной".

Подобно тому какъ альпійскія скалы выступаютъ надъ долинами, геніи господствуютъ надъ современниками. И подобно тому, какъ съ вершинъ горъ возможно обозрѣвать далекіе горизонты, мысль людей, стоящихъ на высотѣ умственнаго развитія, обнимаетъ широкую перспективу народной жизни. Но не всѣ способны слѣдовать за ихъ мыслью и возвыситься до пониманія ихъ.

Геніи поднимаются на умственныя высоты одною силой своего вдохновенія. Обыкновенные же люди, такъ называемое большинство, достигаютъ того же путемъ усиленнаго труда и общаго подъема цивилизаціи. Чѣмъ большее число людей въ народѣ выходитъ на этотъ путь, тѣмъ уровень культуры становится выше.

Взирающіе съ умственныхъ вершинъ на людской муравейникъ, на непрерывную его суету, на непрекращающуюся борьбу и схватки, во время которыхъ человѣческими душами овладѣваетъ изступленіе, невольно вопрошаютъ: въ этомъ ли цѣль жизни и предназначеніе человѣчества? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ цивилизованныя націи отличаются отъ дикарей? Развѣ то, что мы видимъ происходящимъ на свѣтѣ, согласуется съ понятіемъ о гуманности, благѣ и справедливости?

Задача цивилизаціи распространять, подобно солнцу, живительные лучи свѣта, разсѣивать господство мрака, сѣять взаимное доброжелательство, возвышать мысль и этическій уровень въ каждомъ народѣ, но прежде всего стремиться къ признанію правъ отдѣльныхъ лицъ, признанію въ каждомъ изъ нихъ человѣческаго достоинства и равнымъ образомъ къ достиженію равенства правъ и справедливости въ отношеніяхъ международныхъ.

Празднуя сегодняшнее торжество въ Краковѣ, въ этомъ старинномъ городѣ, который въ теченіе многихъ столѣтій былъ средоточіемъ образованности славянскаго міра и далеко распространялъ ея лучи, въ городѣ, въ которомъ, благодаря дарованной намъ свободѣ, вновь расцвѣли наука, искусства, литература, въ городѣ, въ которомъ мы, благодаря именно этой свободѣ, дошли до извѣстной политической зрѣлости, высвободившись даже изъ-подъ вліянія нѣкоторыхъ собственныхъ ошибокъ прошлаго, празднуя это торжество въ средѣ поляковъ, мы являемъ доказательство, что желаемъ идти по слѣдамъ мысли Мицкевича. Поэтому я поднимаю бокалъ въ честь всѣхъ тѣхъ, кто какъ въ польской, такъ

и въ русской литературѣ распространяетъ начала добра и справедливости и тѣмъ самымъ трудится въ области достиженія прекраснѣйшей и высочайшей изъ задачъ цивилизаціи".

Затѣмъ профессоръ Здѣховскій провозгласилъ тостъ въ честь Льва Толстого.

„Изъ творчества Пушкина, сказалъ онъ, возникла цѣлая новѣйшая русская литература, лучшіе представители которой выражали и выражаютъ идею протеста. Въ наше время этотъ протестъ съ особенной яркостью высказывается въ мысляхъ Толстого. Творчество его представляетъ собой великолѣпное увѣнчаніе той духовной эволюціи, въ началѣ которой яркимъ свѣтомъ блеснуло имя Пушкина. Въ творчествѣ Толстого совмѣстились всѣ благороднѣйшіе элементы истинно русской мысли. Провозглашаю тостъ въ честь Льва Толстого, величайшаго изъ русскихъ писателей, могущественнѣйшаго заступника за всеобщую правду и справедливость".

Д-ръ Розвадовскій въ обширной рѣчи разсмотрѣлъ причины, по которымъ племенное чувство полякамъ почти чуждо и несимпатично. По словамъ его, въ Польшѣ были и продолжаются явленія, которыя привели къ такому положенію. Ораторъ старался доказать при этомъ, что вообще основаніе объединенія славянъ нельзя искать лишь въ мысли отдѣльныхъ единицъ, а что, главнымъ образомъ, оно выступаетъ изъ внутренняго состоянія.

Несомнѣнно, что среди германскихъ или романскихъ племенъ не существуетъ идеи расоваго единства. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти народы нисколько не чувствовали взаимной связи, симпатіи, извѣстнаго духовнаго сродства, культурнаго обоюднаго заимствованія и желанія взаимнаго ознакомленія. Напротивъ! Но тамъ во всякомъ случаѣ еще прямо-таки не существуетъ потребности въ сильной идеѣ ни германской, ни романской и въ этомъ заключается *punctum saliens* всего вопроса. Если идея славянской взаимности составляетъ доктрину отдѣльныхъ лицъ, то подъ ея прикрытіемъ нельзя будетъ построить ничего прочнаго;

но если она опирается на мысли и чувства, проникающія въ глубь и въ ширь, то слѣдуетъ ее выхолить и довести до полнаго самопознанія.

„Я осмѣливаюсь утверждать, что весьма давнія и разнообразныя мечтанія—увы, доселѣ лишь одни мечтанія, имѣютъ основаніе болѣе прочное, чѣмъ помыслы нѣсколькихъ воспламененныхъ головъ. Что насъ связываетъ между собой? Я обхожу вопросъ о близости языковъ, несравненно большей, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ среди такихъ громадныхъ массъ; я не буду говорить о сходствѣ настроеній и психической организаціи—все это имѣетъ очень большое значеніе, но болѣе въ качествѣ помощи къ тому, что уже есть, чѣмъ какъ источникъ. Я думаю, что идея солидарности или взаимности славянской произошла прежде всего какъ слѣдствіе того желѣзнаго гнета, которому славяне подвергались подъ властью нѣмцевъ.

Славянское племя воистину могло увѣровать, что міромъ управляютъ сила и насиліе. Уже съ самаго своего младенчества, чуть оно вступило въ среду европейскихъ народовъ, эта родственная ей европейская среда одарила ее религіей милосердія и прощенія, но при этомъ держа мечъ надъ ея горломъ. Въ молодую душу этого племени сразу брошенъ былъ столь ужасный разладъ между проповѣдуемыми основами и исполненіемъ ихъ, что оно навсегда покрылось мракомъ и печалью. Оно было слабѣйшимъ, и потому его угнетали до того, что съ теченіемъ времени самое названіе славянина стало означать невольника.

Если правда то, что идеи справедливости и свободы народились въ огнѣ страданій единицъ и цѣлыхъ народовъ, то нигдѣ онѣ не должны бы были проявить такого могущества, какъ у славянъ. Никто прежде насъ не долженъ бы былъ повести борьбу въ защиту ихъ. Въ Европѣ нынѣ не слышно на нихъ отзвука; напротивъ, чаще слышатся угрозы насилія, направленнаго на насъ. Я надѣюсь, однако, что угрозы эти разобьются объ удивительную устойчивость и выносливость

славянскаго племени. Наша обязанность, пока, дѣлать, что можно. Мы должны оберегать чувство племенной общности во имя старыхъ христіанскихъ истинъ и стараться взаимно, на опытѣ, ознакомиться между собой. Постараемся изучить громадное поле психической жизни славянъ, преимущественно родственныя намъ культурныя начала. При этомъ, разумѣется, нельзя не упомянуть нашихъ отношеній къ Россіи, не только по случаю Пушкинскаго празднества. Положеніе очень простое: можно различать направленія, но прежде всего слѣдуетъ изучать ея науку, литературу, искусство, которыхъ въ настоящее время уже никто въ цѣлой Европѣ не игнорируетъ".

Соотвѣтственно этому ораторъ предлагаетъ основать въ Краковѣ общество, котораго цѣлью было бы изслѣдованіе быта, письменности и культуры всего славянскаго міра, съ исключеніемъ изъ программы всего, касающагося политики. Общество будетъ, по предположенію Розвадовскаго, содѣйствовать ознакомленію съ славянскими языками; устраивать соотвѣтственные чтенія и рефераты, облегчать взаимныя сношенія между представителями науки, литературы и искусства различныхъ славянскихъ странъ.

Послѣднимъ ораторомъ выступилъ профессоръ К. Моравскій. Онъ произнесъ рѣчь, встрѣченную громкими выраженіями одобренія.

„Взглянувъ на собравшееся сюда общество, каждому станетъ ясно, что общество это мирное, что здѣсь сошлись писатели и представители искусства, слуги музъ и науки, чтобы хоть на минуту заглянуть, для отдыха отъ труда, въ ту сторону, гдѣ живутъ красота и добро. У насъ нѣтъ иного замысла. И никакихъ иныхъ мыслей мы не имѣемъ въ „резервѣ", а тѣмъ болѣе не беремъ на себя исполненіе какихъ-либо великихъ миссій или веденіе какой-нибудь политики, хотя бы и примирительной. Послѣдняя не находится въ ру-

кахъ поляковъ, и менѣе всего въ рукахъ поляковъ Австріи. Въ другихъ же польскихъ областяхъ поляки никакой политики *вести* не могутъ, въ томъ числѣ, слѣдовательно и примирительной (*ugodowej*). Человѣкъ, въ искренномъ стремленіи къ примиренію и согласію, провозглашающій прекрасныя мысли, которымъ хотѣлось бы высказать сочувствіе, нерѣдко напоминаетъ собой миѳъ о греческомъ героѣ Телефѣ, сынѣ Геркулеса. Подступивъ къ Троѣ, онъ былъ раненъ копьемъ Ахилла. Онъ долго мучился и стоналъ, но его излѣчило лѣкарство, приготовленное изъ ржавчины того самого оружія, которое его поранило. Въ этомъ миѳѣ заключается вся философія примирительной политики, желающая чтобы острее, нанесшее рану, покрылось ржавчиной, которая и послужитъ лѣкарствомъ.

Мы все-таки однако не можемъ не играть дѣятельной роли. На насъ тоже лежатъ обязанности, т. е. на людяхъ честнаго образа мыслей и горячо чувствующихъ. По нашему мнѣнію, мы должны усиленно трудиться надъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что этого заслуживаетъ. Мы должны умѣть оцѣнить, напримѣръ, въ Россіи все, что въ ней достойно удивленія. Рядомъ съ печатью, оплевывающею и забрасывающей грязью все польское, къ удовольствію Бисмарка, о чемъ онъ съ улыбкой вспоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, существуетъ и русская же печать, по которой, надо это признать, проходитъ золотой нитью мысль о прекращеніи раздора между двумя единоплеменными народами, о необходимости замирить всякія обиды и предупредить причины ихъ возникновенія, протянуть руку надъ всею мутью и смущенностью несчастья, которое ранѣе должно исчезнуть. Этимъ мыслямъ мы не можемъ не сочувствовать и, для этого посѣва мы должны подготовлять почву.

Примирительная политика съ нашей стороны должна заключаться лишь въ томъ, чтобы предостерегать свое общество отъ ошибокъ и заблужденій, чтобы охранять истину въ нашей печати и въ нашихъ рѣчахъ, чтобы мы старались

настоящимъ образомъ знакомиться съ Россіей, чтобы мы, порицая въ ней стоющее порицанія, оцѣнили то, что въ ней достойно уваженія. Надо отказаться отъ заносчивости и тупости, склонныхъ преувеличивать свои достоинства, а въ сущности ихъ уменьшающихъ и ведущихъ къ тому, чтобы закрывать глаза на все то, что въ Россіи стремится и порывается къ добру.

Въ этомъ наша обязанность, человѣческая, славянская и польская; это—такая примирительная политика, въ которой мы не поставимъ на карту ни возможности лучшихъ отношеній, ни достоинства своего. На этомъ пути у насъ есть путеводители и прежде всего Мицкевичъ. Если въ его мечтаніяхъ русскіе его пріятели „пользовались правомъ гражданства“, то значитъ, во всѣ времена были и есть русскіе, которымъ должно быть мѣсто въ нашихъ сердцахъ. Пушкинъ восхищаетъ насъ и блестящей формой своихъ твореній, и множествомъ благородныхъ мыслей, разбросанныхъ въ его произведеніяхъ. Иногда онъ задѣваетъ насъ и притомъ несправедливо... Но, господа, Пушкинъ выработалъ языкъ, который нынѣ звучитъ такими прекрасными мыслями и уже не разъ прозвучали на немъ пѣсни примиренія и любви. И къ Пушкину уже то одно должно привлекать нашу мысль и наши чувства, что онъ былъ близокъ величайшему изъ сердецъ, рожденныхъ Польшей въ XIX вѣкѣ. Тѣмъ смѣлѣе мы обращаемъ наши взоры ко всѣмъ тѣмъ, кто подъ воздѣйствіемъ вдохновенія великаго поэта не переставалъ стремиться къ осуществленію началъ всеобщаго доброжелательства между людьми.

Мицкевичъ никогда не терялъ надежды на лучшія отношенія въ будущемъ къ Россіи. Мы и теперь, въ тяжелый историческій моментъ, когда по почину Бисмарка пруссачество приговариваетъ нашъ народъ къ искорененію и исчезновенію, мы находимъ въ словахъ нашего поэта утѣшеніе и поддержку. Самое рѣшительное выраженіе надежды Мицкевича мы находимъ въ его собственныхъ словахъ.

Видѣніе ли это, надежда или заблужденіе? Съ горячимъ желаніемъ, чтобъ это былъ не обманъ, чтобы это могло превратиться въ надежду, чтобы это видѣніе мы могли когданибудь увидѣть на самомъ дѣлѣ, я поднимаю свой бокалъ“.

Банкетъ окончился тостомъ автора оперы Goplana, Желенскаго, посвященнымъ памяти покойнаго русскаго композитора Чайковскаго.

За подписью участниковъ торжества посланы телеграммы петербургскому Пушкинскому комитету, чрезъ редакцію „Kraj“, и Льву Толстому въ Ясную Поляну.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПУШКИНА,

публичное чтеніе **Владиміра Спасовича.**

(переводъ съ польскаго).

I.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
(exegi monumentum).

Великій поэтъ, память котораго мы теперь чествуемъ, совершилъ для своего народа болѣе, чѣмъ Мицкевичъ для польскаго народа, ибо польская поэзія уже въ XVI вѣкѣ имѣла своего родоначальника въ лицѣ Яна Кохановскаго и Мицкевичъ лишь освѣтилъ ее новымъ блескомъ, освѣживъ прежнія, двухвѣковыя ея преданія, и поднявъ ее на высоту пирамиды, строившейся уже предшествовавшими вѣками. Русская же народная поэзія, обрѣвшая въ Пушкинѣ своего родоначальника, возникла всего около 80 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ только съ 1819 года стали въ ней появляться опыты не какихъ-либо ребяческихъ версификацій и подражаній, а полетовъ творчества, порождаемаго собственною силой. Первый изъ русскихъ литературныхъ критиковъ, достойный этого названія, Виссаріонъ Бѣлинскій (род. 1810, скончался въ 1847 г.), который главнымъ образомъ способствовалъ вознесенію Пушкина на самую вершину русскаго парнаса,—

мѣсто, нераздѣльно занимаемое имъ и доселѣ, говорилъ, что русская поэзія до Пушкина была лишь тепличнымъ, чужеземнымъ растеніемъ, пересаженнымъ въ Россію изъ Европы. За поэзію долго принимали искусственныя риѳмы, слагавшіяся по случаю разныхъ торжествъ и празднествъ. Затѣмъ начали хлопотать о томъ, чтобы имѣть своихъ Корнелей, Расиновъ, Байроновъ, Шиллеровъ, Вальтеръ-Скоттовъ. Въ это-то время неожиданно появился человѣкъ, одаренный рѣдкимъ даромъ поэтическаго воззрѣнія на окружавшую его дѣйствительность. Человѣкъ этотъ провидѣлъ въ самой обыденной жизни сокровищницу невычитанныхъ изъ книгъ, непочатыхъ красотъ. Звуками своей лиры онъ сумѣлъ такъ очаровать родное ему общество, что заставилъ послѣднее смотрѣть на весь міръ его глазами, что овладѣлъ имъ, что оно прониклось его чувствами, живущими въ немъ доселѣ, что въ этомъ обществѣ выработалъ самостоятельность, оригинальную отзывчивость впечатлѣній и воздѣйствія на нихъ въ области чувства.

Содержаніе поэзіи, вообще, идеально, но дѣйствуетъ она посредствомъ чувственныхъ возбудителей, посредствомъ того, что мы называемъ формой, т. е. музыкальностью стиха, рельефностью и живописностью словъ, символизирующихъ мысль. Эта сторона поэтической дѣятельности Пушкина поразительна и никогда не можетъ быть достаточна оцѣнена людьми, незнающими русскаго языка. Мы можемъ сослаться на нѣсколько лишь голосовъ изъ неумолкающаго доселѣ хора восхваленій. Вотъ, напр., что говоритъ виконтъ де-Вогюэ („Roman russe“, 1866, p. 15) „Я не вхожу въ подробности... Слѣдовало бы цитировать, значитъ приводить примѣры этого алмазнаго языка; это была бы задача, отъ которой можно сойти съ ума“. Merimée замѣчаетъ, что только развѣ на латинскомъ языкѣ можно было бы включить столько мыслей въ столь немногихъ словахъ, съ такою точностью и блескомъ. Князь С. Волконскій, въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ 1896 г. въ Америкѣ, говоритъ, что чарующихъ красотъ

Пушкинскаго стиха не въ силахъ передать никакой переводъ, что лирическія созданія Пушкина звучатъ, какъ чистѣйшая музыка и между тѣмъ это не что иное, какъ простой разговорный языкъ, если брать слова независимо отъ ихъ внутренняго поэтическаго значенія. Бѣлинскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ поэзію Пушкина (В. Бѣлинскій: „Избранныя сочиненія“ изд. Поповой, т. I): „Пушкинъ первый опоэтизировалъ русскій языкъ; поэзіей онъ сдѣлалъ его еще болѣе русскимъ, т. е. народнымъ“. Бѣлинскій считаетъ наиболѣе выдающимся свойствомъ Пушкинской поэзіи ея несравненную художественность, рядомъ съ удивительной выпуклостью и мягкой гибкостью языка. Выработка стихосложенія у каждаго народа является въ видѣ собирательнаго труда: послѣдующія поколѣнія пользуются всѣмъ тѣмъ, что совершили предшественники. Въ Пушкинѣ уже было все, подготовленное его предшественниками: Державинымъ, Карамзинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Послѣ смерти Пушкина мѣсто его занялъ великій поэтъ Лермонтовъ, который извлекъ новые звуки изъ той же лиры и, по словамъ Бѣлинскаго, ввелъ въ русскую поэзію жгучее пламя и донимающую остроту силы (прибавимъ къ этому еще и гораздо большую глубину страданія). Позднѣйшія проявленія вкуса не всегда берутъ верхъ надъ предшествовавшими. Послѣ Бетховена, послѣ Вагнера, возможно предпочитать имъ Моцарта. А Пушкинская поэзія заключаетъ въ себѣ всѣ свойства произведеній Моцарта: столько въ ней свѣжести, молодости, такая влюбленность въ жизнь, такая свѣтлая жизнерадостность! Если прибѣгнуть къ сравненіямъ въ области пластическихъ искусствъ, мы должны будемъ признать, что Пушкинъ былъ болѣе великимъ скульпторомъ и рисовальщикомъ, чѣмъ живописцемъ, колористомъ; что произведенія его скорѣе напоминаютъ собою барельефную, чѣмъ красочную живопись; въ нихъ нѣтъ ничего туманнаго, недосказаннаго, двусмысленнаго и ни одной капли мистическаго. Пушкинъ, хотя и не зналъ греческаго языка, былъ по

природѣ своей истиннымъ грекомъ изъ лучшей эпохи греческаго искусства, предпочтеніе котораго отразилось въ немъ между прочимъ и въ величайшемъ почитаніи, какое онъ хранилъ къ Андре Шенье, этому греку не только по духу, но и по происхожденію отъ матери-гречанки.

II.

Переходя отъ сказаннаго нами относительно формы къ содержанію поэзіи Пушкина, мы очутимся въ немаломъ затрудненіи. Не легко очертить это содержаніе и подвергнуть его справедливой оцѣнкѣ. Ни къ чему не послужатъ всевозможныя мѣрила, употреблявшіяся критиками, всякаго рода сопоставленія и сравненія Пушкина съ великими прежними и новѣйшими европейскими поэтами. Основательно или нѣтъ, но мы наладились въ привычкѣ всякій разъ, когда дѣло идетъ объ изученіи первокласснаго поэта, представлять себѣ его въ видѣ моральнаго и умственнаго владыки, въ которомъ воплотилась и олицетворилась извѣстная великая эпоха въ ея высшихъ, благороднѣйшихъ стремленіяхъ и который сильно повліялъ на свое время своими совершеннѣйшими произведеніями. Самыя же эти произведенія, появляясь, представляли собой важныя народныя событія, ибо они настраивали на тонъ поэта сердца и умы какъ современниковъ его, такъ и позднѣйшихъ поколѣній.

Ни одно изъ этихъ трехъ положеній нельзя ни провѣрить на Пушкинѣ, ни примѣнить къ нему. Беру изъ учебника г. Котляревскаго („Исторія русской литературы отъ Гоголя“ 1897 г.) слѣдующія слова: „Вѣкъ Пушкина въ дѣлѣ цивилизаціи не былъ ни блестящимъ, ни прогрессивнымъ, въ немъ не было ничего оригинальнаго ни въ его міровоззрѣніяхъ, ни въ общемъ настроеніи“. По мѣрѣ упадка Польши, гигантскій всероссійскій колоссъ, созданный Петромъ Великимъ, входилъ въ непосредственныя сношенія съ европей-

скими государствами и вынужденъ былъ по необходимости объевропеиваться, во-первыхъ, чтобы не отстать отъ нихъ, а затѣмъ, чтобы, по возможности, приблизиться къ ихъ культурѣ. Большое превосходство русскаго оружія, увѣнчанное завоеваніями, и особенно побѣдой, въ соединеніи съ прочими народами, одержанной надъ Наполеономъ, не мѣшало въ то же время подчиненію иноземщинѣ какъ въ обыденной, домашней жизни, такъ и въ общественной, того очень тонкаго слоя русской интеллигенціи, который служилъ спайкой пестрому, не ассимилированному, ни національно, ни политически, составу громаднаго населенія. Этотъ тонкій слой, въ видѣ бюрократіи, офицерства и дворянства, окружалъ престолъ. Наполеоновскія войны повсемѣстно вызвали одинаковое явленіе въ разныхъ странахъ. Онѣ какъ бы вспахали верхній слой почвы и затѣмъ засѣяли ее политическими идеями французовъ, значительно уже смягченными въ сравненіи съ тѣми, какія передъ тѣмъ пропагандировала французская революція. Эта вспашка и посѣвы въ Россіи были менѣе значительны, чѣмъ гдѣ-либо, и почти въ корнѣ уничтожены катастрофой 14 декабря 1825 года, послѣ которой наступила эпоха тридцатилѣтней реакціи, когда общество очутилось почти подъ военнымъ режимомъ и когда всѣ проявленія самостоятельной мысли были подчинены самой суровой опекѣ. Катастрофа 1825 года едва не сломила и Пушкина, уже получившаго къ тому времени извѣстность и талантъ котораго достигъ тогда полной зрѣлости. Пушкинъ лишь чудомъ былъ спасенъ, потому только, что Императоръ Николай I, явивъ при этомъ доказательство политическаго разумѣнія, простилъ ему всѣ его дружественныя отношенія къ такъ называемымъ декабристамъ, принялъ на себя обязанность его цензора, повелѣвъ представлять къ непосредственному своему разсмотрѣнію всѣ творенія Пушкина до напечатанія ихъ. Изъ этой безспорно великой милости возникали для Пушкина тысячи недоразумѣній и столкновеній съ цензурой и съ начальникомъ третьяго отдѣленія

Собственной Е. И. В. канцеляріи графомъ Бенкендорфомъ изъ-за каждой бездѣлицы, кому-либо прочитанной поэтомъ. Цѣнныя созданія оставались въ портфелѣ автора, которому между тѣмъ литературный трудъ доставлялъ средства къ жизни. Такимъ образомъ многія изъ этихъ произведеній появились въ печати лишь послѣ смерти поэта (множество лирическихъ стихотвореній, „Каменный гость", „Русалка", „Галубъ", „Мѣдный всадникъ" были цензурой воспрещены). Трудно представить себѣ обстоятельства менѣе благопріятныя для поэтическаго творчества.

III.

Если мы перейдемъ отъ среды столь мало благопріятствовавшей свободнымъ полетамъ духа поэта, къ его собственной личности, то насъ непремѣнно должно будетъ поразить отсутствіе въ ней тѣхъ качествъ, какими обыкновенно импонируютъ своему обществу великіе авторитеты мысли. Онъ всю свою жизнь почитался за перваго геніальнаго пѣвца, котораго притомъ чрезвычайно любили; но къ нему ни въ какомъ иномъ отношеніи, кромѣ художественномъ, не подходило прилагательное *великій.* Въ его сухощавой, крайне подвижной внѣшности выдавались, бьющія въ глаза, негритянскія черты, унаслѣдованныя имъ отъ матери, которая происходила изъ рода Ганнибаловъ, потомковъ негра, привезеннаго въ Россію Петромъ Великимъ. Кудрявые, хотя не черные, а скорѣе свѣтлые волоса, мясистыя губы, желтоватые бѣлки глазъ, смуглый цвѣтъ лица, черты котораго были бы безобразными, еслибъ не прелесть его выраженія и живой взглядъ, еслибъ не пламенный темпераментъ въ соединеніи съ необычной подвижностью ума. Пушкинъ часто самъ себя обрисовывалъ и, напримѣръ, еще въ 1814 году, когда ему было 15 лѣтъ, опредѣлилъ себя словами: „vrai démon par l'espièglerie; vrai singe par sa mine". На девят-

надцатомъ году онъ писалъ про себя: „некрасивый потомокъ негровъ, я нравлюсь красоткамъ безумнымъ пыломъ своихъ желаній“. Безумныя желанія вспыхивали въ немъ, но были непродолжительны, остывали, не превращаясь въ исключительно овладѣвшую человѣкомъ страсть. Въ немъ удивительно совмѣщались, на первый взглядъ прямо противоположныя качества: ничѣмъ непреоборимые чувственные порывы сочетались въ душѣ Пушкина съ одерживающимъ верхъ надъ ними послѣ каждаго взрыва разсудкомъ быстрымъ, проницательнымъ, точно распознающимъ положеніе и, по удачному выраженію пр. Третяка (въ статьѣ его 1889 г.), „опредѣляющемъ его чуть не *по-купечески*“. Прибавимъ къ этимъ двумъ главнымъ чертамъ еще третью, равно выдающуюся—золотое сердце, возвышенно-честное, чрезвычайно постоянное къ тѣмъ, кого оно полюбило, съ кѣмъ подружилось. Я не знаю ничего болѣе прекраснаго, какъ эти товарищескія изліянія въ „лицейскихъ годовщинахъ“. Напримѣръ, годовщина 1825 года, которую Пушкинъ отпраздновалъ въ одиночествѣ, во время своей ссылки, въ селѣ Михайловскомъ.

„Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда-бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ—чужбина,
Отечество намъ—Царское Село“.

Тотчасъ послѣ Царскаго помилованія 8 октября 1826 года Пушкинъ, еще не увѣренный въ своей судьбѣ, изображалъ себя въ видѣ Аріона, потерпѣвшаго крушеніе, поющаго былые гимны и осушающаго на солнцѣ промокшія одежды, но одновременно онъ послалъ и въ Сибирь, въ рудники, прежнимъ друзьямъ своимъ благовѣстъ утѣшенія:

„Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье“.

Конецъ этого „Посланія въ Сибирь“ очень характеристиченъ, и даетъ намъ возможность дополнить весь образъ Пушкинской природы еще однимъ весьма знаменательнымъ штрихомъ. Эта четвертая психическая черта Пушкина оказала неисчислимыя послѣдствія какъ на его собственную судьбу, такъ и на вліяніе музы его на современное намъ поколѣніе и дальнѣйшее потомство. Въ надеждѣ, что его свободный голосъ дойдетъ до заточенныхъ въ рудничныхъ тюрьмахъ, поэтъ пророчествуетъ:

„Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ“.

Принявъ во вниманіе обстоятельства, при которыхъ это стихотвореніе было написано (начало 1827 года) слѣдуетъ признаться, что писать такъ могъ только неизлѣчимый оптимистъ, съ которымъ его оптимизмъ творилъ не мало горькихъ шутокъ и не разъ заполнялъ грубыми ошибками выводы его трезваго ума. Справедливо утверждаетъ Брюнетьеръ, что люди рождаются пессимистами или оптимистами. Пушкинъ былъ исключительно только художникомъ и ничего другого изъ него не могло бы выйти. Еще въ бытность свою въ лицеѣ, онъ писалъ Жуковскому то, что впослѣдствіи много разъ повторялъ: „Мой жребій вынулъ Фебъ и лира мой удѣлъ“ (1817). Чрезмѣрно жаждавшій жизни съ ея радостями, но въ жизни искавшій лишь прекраснаго, т. е. гармоніи, солнечнаго свѣта, веселія, Пушкинъ съ самаго ранняго возраста не скрывалъ, что красоту онъ считалъ выше истины, что даже самое заблужденіе предпочиталъ непріятной и унизительной дѣйствительности. Будучи еще почти

ребенкомъ (въ 1815 году), онъ писалъ о задачахъ поэзіи въ этомъ смыслѣ и къ тому же выводу, но въ болѣе опредѣленной формѣ, пришелъ онъ въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ стихотвореній, обозначенномъ датой 1830 г. („Герой"):

„Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ".

IV.

Пушкинъ однако самъ сознавалъ, что исключительное влеченіе къ тому, что радуетъ и веселитъ, суживаетъ предѣлы поэзіи и дѣлаетъ ее односторонней. Онъ высказалъ это очень вразумительно въ прелестномъ отрывкѣ „Пира во время чумы" (1830).

„Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

„Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ".

Таково мнѣніе поэта, размышляющаго теоретически, но оно не выражаетъ обычныхъ чувствъ и влеченій души его. Пушкинъ не принадлежалъ къ числу счастливцевъ, находя-

щихъ прелесть въ трудной и безнадежной борьбѣ и продолжительномъ страданіи. Смѣлый до дерзости, скорый до поединковъ за что попало, на то, чтобы поставить жизнь на карту, Пушкинъ вовсе не обладалъ настроеніемъ нужнымъ для устойчиваго героизма, для того, чтобы силу измѣрять намѣреніями, для веденія упорной борьбы неравными силами, такой, напримѣръ, какую велъ цѣлые годы Мицкевичъ, или какая была въ натурѣ Байрона.

Пушкинъ часто воспламенялся, но скоро остывалъ. Перевариваніе въ самомъ себѣ сомнѣній и разочарованій, раскапываніе и растравливаніе нравственныхъ ранъ, все это не входило, такъ сказать, въ предѣлы его атрибуцій, не принадлежало къ его спеціальности. Эти внутреннія разбереживанія были ему противны, какъ диссонансы. Врожденное ему по преимуществу чувство гармоніи, влеченіе къ прекрасному, не только чувственному, но и идеальному и нравственному, охранило Пушкина, не обладавшаго никакими вынесенными изъ семьи и школы, твердыми моральными основами, отъ измельчанія, отъ опасности погрязнуть въ развратѣ. Оно было причиной того, что послѣ каждой его катастрофы (а въ его жизни ихъ было не мало) онъ, подобно коту, сброшенному съ высоты, всегда становился на ноги, умѣя сохранить равновѣсіе. То же чувство сдѣлало, что будучи чрезвычайно гибкимъ и ловкимъ, онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ и что, по темпераменту будучи оппортунистомъ, онъ умѣлъ тотчасъ окружать себя цѣлой паутиной надеждъ и предположеній и поступалъ среди нихъ такъ, какъ будто нити ея были изъ стальной проволоки. Когда ему запрещено было, по цензурнымъ поводамъ, касаться жгучихъ текущихъ нуждъ общества, онъ парилъ на недостижимыхъ высотахъ чистаго, отвлеченнаго искусства, болѣе и болѣе уединяясь въ сферы, равнодушныя къ мелкимъ интересамъ людского стада.

Изъ статей Бѣлинскаго мы узнаемъ, что равнодушіе публики и суровость критики увеличивались наравнѣ и парал-

лельно съ ростомъ художественной силы Пушкина. Живѣйшимъ энтузіазмомъ встрѣчены были произведенія, нынѣ цѣнимыя меньше всего („Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій плѣнникъ“). Похвалы расточались „Цыганамъ“ уже не столь безусловно; „Полтаву“ порицали, прелестнѣйшія строфы „Онѣгина“ находили не мало хулителей, а выходъ въ свѣтъ „Бориса Годунова“ и отношеніе къ этой драмѣ критики Бѣлинскій сравниваетъ съ значеніемъ Ватерлооской битвы для Наполеона. Лучшій въ данномъ вопросѣ свидѣтель и безпристрастнѣйшій судья, Мицкевичъ, въ своихъ лекціяхъ славянской литературы выражается слѣдующимъ образомъ: „Le public abandonnait Pouschkine non par haine pour sa personne, mais parce qu'il ne trouvait plus en lui son point d'appui. Il aurait voulu trouver dans son poète favori un directeur de conscience ou plutôt un directeur d'opinion: qu'est-ce que vous nous prédirez pour l'avenir? qu'est-ce que nous devons faire? à quoi devons-nous nous attendre?“ Случаются моменты, когда организмъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества, чувствуетъ отвращеніе къ сладкому, не выноситъ оппортунизма, а жаждетъ горечи.

Вслѣдствіе такого различія во взаимныхъ ожиданіяхъ, произошелъ чрезвычайно любопытный, единственный въ своемъ родѣ споръ между сознавшимъ могущество своей поэзіи пѣвцомъ и обществомъ, по поводу колебавшейся популярности перваго. Поэтъ усиливался если не упрочить, то узаконить свое господство. На этомъ любопытномъ эпизодѣ нѣсколько остановимся.

V.

Сосланный на жительство въ имѣніе отца, ставшее нынѣ знаменитымъ, Михайловское, въ эпоху, когда въ душѣ и творчествѣ его происходилъ по временамъ разрывъ съ атеизмомъ и байронизмомъ и обращеніе къ болѣе серьезному настроенію, Пушкинъ, быть можетъ еще до катастрофы 14 дека-

бря, написалъ стихотвореніе „Пророкъ“ пользующееся и въ настоящее время большимъ успѣхомъ, какъ указаніе предназначенія поэта.

Въ дѣйствительности стихотвореніе это есть стихотворный пересказъ изъ 6-й главы книги пророчествъ Исаіи о посланномъ Богомъ серафимѣ съ горящимъ углемъ, которымъ онъ долженъ былъ прикоснуться къ устамъ пророка. Пушкинъ замѣнилъ пророка поэтомъ, исполняющимъ волю Божію „обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей“. То-есть, говоря прозой, исправляй ихъ, направляя на дѣла. Такъ представлялось Пушкину въ 1825 или 1826 году идеальное посланничество поэта. Нѣсколько смягченный слѣдъ этого идеала находимъ въ передѣлкѣ Пушкина извѣстной оды Горація „Exegi monumentum“, сдѣланной за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (21 авуста 1836 г.).

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу.
И милость къ падшимъ призывалъ“.

По естественному ходу вещей Пушкинъ не имѣлъ данныхъ для осуществленія такого идеала поэта-пророка; въ немъ не было матеріала для роли подобнаго моралиста. Въ 1828 году, въ эпоху его самыхъ лучшихъ и самыхъ короткихъ отношеній къ Мицкевичу, Пушкинъ, уже имѣвшій славу первокласснаго поэта въ Россіи, раздраженный непріязненными голосами весьма плоской литературной критики того времени, и недостаточнымъ распространеніемъ своихъ произведеній среди публики, выпустилъ въ свѣтъ извѣстный свой „Ямбъ“ („Чернь“) стихотвореніе, въ которомъ онъ отдѣлалъ публику за ея неподчиненіе власти красоты, за утилитарныя ея стремленія и требованія тенденцій даже и въ созданіяхъ искусства. Съ одной стороны чернь ворчитъ:

„Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней!“

Далѣе:

„Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй
Сердца собратьевъ исправляй,
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя".
Съ другой стороны поэтъ возглашаетъ:
„Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все; на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь."
„.... для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!"

Все стихотвореніе построено на слѣдующей дилеммѣ: или безусловное поклоненіе и подчиненіе толпы поэту, или безусловная зависимость поэта отъ прихотей и повседневныхъ потребностей толпы. Дилемма эта отдаетъ софизмомъ и шаткостью. Толпа не требуетъ отъ жрецовъ, чтобы они брали метлы и отправлялись подметать улицы, отрываясь отъ алтарей и жертвоприношеній. Но и поэтъ не можетъ требовать отъ цѣлаго общества, чтобы оно цѣликомъ восхищалось или хотя бы интересовалось тѣмъ, что несмотря на свою привлекательность не заключаетъ въ себѣ этическихъ началъ. Съ теченіемъ времени Пушкинъ сталъ смотрѣть трезвѣе, онъ

отдѣлался отъ чувства негодованія и въ сонетѣ 1830 года высказывается его примиреніе съ потерей популярности. Съ той поры онъ и толпа существуютъ каждый самъ по себѣ и для себя:

„Поэтъ не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный,
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ“.

Позже Пушкинъ уже никогда не выступаетъ какъ жрецъ поэзіи, какъ помазанникъ Божій и утѣшеніемъ для него можетъ лишь служить достиженіе высшаго блага человѣка: нравственной свободы, полной умственной независимости. Пушкинъ никогда и никому не служилъ, и никогда оплаченнымъ успѣхомъ ни чьихъ побѣдъ не прославлялъ, т. е. не совершалъ того, въ чемъ Мицкевичъ упрекалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ „братьевъ русскихъ“. Никогда не было увѣренности, не возропщетъ ли этотъ никому неподчиняющійся духъ, не уколетъ ли или не свистнетъ своимъ острымъ какъ бритва, рѣзкимъ и необузданнымъ языкомъ, не выкинетъ ли наружу какую-либо голую истину и не станетъ ли ею играть, какъ мячикомъ. Этотъ воздушный сильфъ прослылъ легкомысленнымъ, но боялись его какъ огня.

Кто хочетъ понять надлежащимъ образомъ Пушкина, пусть прочтетъ письма его. Нельзя не полюбить его за есте-

ственность, простоту, искренность и за неисчерпаемыя сокровища ежеминутно брызжущаго остроумія. Въ этомъ отношеніи ни кто не можетъ сравняться съ нимъ, за исключеніемъ развѣ одного Герцена.

VI.

Отъ автора и его времени перейдемъ теперь къ его сочиненіямъ и окинемъ ихъ взглядомъ для того, чтобы дать себѣ отчетъ о развитіи его поэтическаго творчества въ различныя эпохи. Прежде всего въ каждомъ его произведеніи узнается левъ по когтямъ: ex ungue leonem; каждое изъ нихъ высоко-художественно, геніально, но мы напрасно искали бы въ числѣ его шедевровъ такого творенія, въ которомъ бы авторъ вложилъ всего себя, подобно тому какъ Данте весь въ „Божественной Комедіи", какъ Гете въ „Фаустѣ", какъ Мицкевичъ въ „Валленродѣ" и въ „Тадеушѣ". Отсутствіе это частью объясняется тяжкими для творчества внѣшними условіями жизни, ссылкой на югъ, потомъ въ деревню, наконецъ тѣмъ, что и послѣ возвращенія въ 1826 у него были, такъ сказать, обрѣзаны крылья. Частью же это возникало отъ того, что пользуясь свободой творчества лишь въ предѣлахъ чистаго искусства, отвлеченнаго отъ общественной жизни, Пушкинъ не могъ не чувствовать колебаній въ своемъ господствѣ надъ сердцами, не могъ не замѣчать недостатка со стороны общества утѣшенія, которое нужно было ему какъ поощреніе. Впрочемъ отчасти невозможность указать на такого рода главнѣйшее произведеніе заключается и въ самой природѣ Пушкина, который вообще не былъ склоненъ къ долговременному сосредоточиванію; фантазія его, подобно фантазіи Гейне, всегда обильная и быстрая, отличалась дыханіемъ короткаго темпа и разсыпалась на тысячу самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Напомнимъ главнѣйшіе моменты воспитанія Пушкина. Родительскій домъ его представлялъ собой настоящее под-

московное, стародворянское семейство, средняго достатка, офранцуженное и весьма безпорядочное. Въ домѣ господствуетъ мать фантазерка; отецъ культивируетъ пустые свѣтскіе талантики. Въ цѣломъ домѣ никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о трудѣ. Его посѣщаютъ многіе изъ литераторовъ-стихотворцевъ. Пушкинъ-сынъ съ самаго дѣтства пользуется отцовской библіотекой и пропитывается насквозь духомъ французской литературы 18-го столѣтія, развлекаясь при этомъ философскими атеистическими и порнографическими произведеніями. Случилось, что въ это самое время Императоръ Александръ I основывалъ въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій Царскаго Села лицей для дѣтей лицъ высшаго сословія, школу для молодежи, приготовляющейся занимать высшія государственныя должности. Главнымъ образомъ принимали богатыхъ, но попадали и менѣе состоятельные, въ числѣ послѣднихъ оказался и Пушкинъ.

Шестилѣтнее пребываніе въ лѣтней Царской резиденціи, среди великолѣпныхъ дворцовъ Екатерины II, среди монументовъ и памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь ея „орловъ“, богатырей и любимцевъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ первыхъ поэтическихъ опытовъ Пушкина. Изъ родительскаго дома онъ не вынесъ никакихъ воспоминаній, кромѣ пѣсенъ и народныхъ сказокъ своей няньки Арины. Въ Царскомъ онъ вовсе не вспоминалъ Москву съ ея Кремлемъ. Родиной его стало Царское Село, съ придаткомъ къ нему Петербурга съ его памятникомъ Петра Великаго, олицетворявшимъ собой гигантское государственное могущество Россіи. Глубоко національное, выработавшееся цѣлымъ рядомъ событій, патріотическое чувство, особенно въ смыслѣ государственности, сильно развилось въ Пушкинѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія событій 1812—1815 годовъ, которыхъ онъ въ юные годы былъ свидѣтелемъ и которыя онъ воспѣвалъ еще на школьной скамьѣ. Извѣстно, что онъ декламировалъ на одномъ изъ лицейскихъ испытаній свои стихи въ присутствіи считавшагося однимъ изъ преданнѣйшихъ поборниковъ на-

чалъ государственности, маститаго Державина. Традиціонный, народно-историческій культъ силы, какъ силы, сдѣлалъ то, что Пушкинъ, который въ началѣ своего поприща въ лицеѣ выступалъ противъ Наполеона самыми обыденными злорѣчивыми нападеніями, какъ только услышалъ вѣсть о кончинѣ его, восклицаетъ:

„Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!"

Уже въ 1823 году Пушкинъ дѣлается пламеннымъ его почитателемъ, по инымъ побужденіямъ, чѣмъ Мицкевичъ. Въ „Героѣ", написанномъ гораздо ранѣе, но найденнымъ послѣ смерти поэта между рукописями, есть строфа, изъ которой очевидно, что образъ Наполеона преслѣдовалъ воображеніе Пушкина:

„Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари".

Совершенно случайно оба поэта почитали Наполеона почти одинаково, но какъ мы сказали, поводы для такого чувства были у нихъ столь различны, что едва ли могли бы они въ этомъ отношеніи понять другъ друга.

Въ Пушкинѣ щепетильное заступничество за Россію передъ иностранцами, какъ обязательная національная гордость, уживалась какъ нельзя лучше съ почти презрительнымъ и легкомысленнымъ о ней представленіемъ. Въ 1826 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: „Въ присутствіи иноземцевъ у насъ нѣтъ ни стыда, ни гордости. Я воистину презираю отечество мое съ головы до ногъ, но не могу перенести, чтобы иноземецъ раздѣлялъ это чувство". Эта исключительность и односторонность патріотизма была причиной и того, что Пушкинъ не симпатизировалъ польской національности, что

всегда безусловно одобрялъ Екатерину II за раздѣлъ Польши, что въ 1824 году въ неоконченномъ стихотвореніи посвященномъ поляку (гр. О.) уже набрасывалъ на бумагу тѣ мысли, которыя впослѣдствіи изложилъ послѣ польскаго возстанія 1830 года въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, стихотвореніяхъ, которыя своимъ шовинизмомъ казались неприличными даже князю Вяземскому, хотя вообще имѣли большой успѣхъ въ публикѣ, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда произведенія отвѣчаютъ ея инстинктамъ и стремленіямъ. Вообще, въ патріотическихъ проявленіяхъ своего лиризма Пушкинъ былъ лишь послѣдователемъ Державина и наслѣдникомъ его лиры. Этотъ родъ поэзіи его наименѣе оригиналенъ, менѣе всего блестящъ, и въ наше время его можно считать устарѣвшимъ и отцвѣтшимъ.

Самостоятельное поэтическое поприще Пушкина началось уже тотчасъ послѣ выхода изъ лицея. Въ лицеѣ онъ писалъ стихи, подражая французамъ, преимущественно Вольтеру и Парни. Изрѣдка лишь слышится въ нихъ минорная, элегическая нота, какая-то скорбь или жажда чего-то болѣе возвышеннаго, чѣмъ простая чувственность.

VII.

Послѣ выхода изъ лицея Пушкинъ сразу бросился въ омутъ свѣтской распущенности, приключеній, азартной картежной игры, поединковъ; входитъ въ долги, превышавшіе его небольшія средства, мельчаетъ, но сразу получаетъ большую извѣстность своей поэмой „Русланъ и Людмила“ и ходившими въ то время по рукамъ рукописными стихами, въ духѣ вольномыслія, либерализма и даже революціонномъ. Будучи взятъ подъ стражу, онъ признается въ написаніи такихъ стиховъ, и его ссылаютъ на югъ (въ Екатеринославъ, затѣмъ въ Одессу и Кишиневъ). Сюжетъ „Руслана и Люд-

милы“ свидѣтельствуетъ, что входившій въ то время въ моду романтизмъ пробудилъ въ читающей публикѣ потребность поворота къ народной поэзіи. Впрочемъ, хотя содержаніе этой поэмы и заимствовано изъ цикла „былинъ“ Владимірова эпоса, но исполнена она во вкусѣ шутливыхъ произведеній Аріоста, и не заключаетъ въ себѣ ничего древне-русскаго, кромѣ пролога, которымъ, впрочемъ, поэма была дополнена лишь впослѣдствіи.

Стихотворнымъ вольнодумствомъ Пушкинъ вдохновился подъ вліяніемъ духа времени. Существуетъ тѣсная связь между этими стихами и отношеніями поэта къ декабристамъ, особенно къ Чаадаеву, человѣку большихъ способностей и сильнаго характера, о которомъ Пушкинъ писалъ въ 1817 г., что „въ Римѣ онъ сталъ бы Брутомъ, въ Аѳинахъ Перикломъ, а у насъ онъ гусарскій офицеръ“.

Прекрасное стихотвореніе изъ того же періода „Деревня“, въ которомъ поэтъ говоритъ объ освобожденіи крестьянъ, заслужило даже похвалу отъ Императора Александра I, но иныя его стихотворенія не мало ему повредили, какъ, напр., „Ода свободѣ“, эпиграммы на всесильнаго въ то время Аракчеева и проч. Ссылка Пушкина на югъ спасла его отъ участія въ тайныхъ обществахъ, дала ему случай узнать новые края: Крымъ, Бессарабію, Черноморскія прибрежья, Кавказъ, на который онъ послѣдовалъ за семействомъ Раевскихъ. Въ обществѣ послѣднихъ онъ пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и ознакомился съ произведеніями Байрона. Раздраженный и опечаленный лишеніемъ свободы, Пушкинъ переживалъ моменты, которые называлъ „jours d'angoisse et de rage“ (письмо 1822 г.); ему приходила мысль о самоубійствѣ, онъ прибѣгалъ къ выходкамъ, домогаясь болѣе суровой кары, ссылки въ Сибирь. Поэзія Байрона согласовалась съ тогдашнимъ настроеніемъ поэта, который нашелъ въ ней какъ бы точку опоры. Сдѣлавшись истиннымъ байронистомъ, Пушкинъ привлекъ къ себѣ, отчасти искусственно, нелюдимость и разсудочное, холодное презрѣніе ко всему роду человѣческому

(письмо къ брату 1822 г.: commencez par penser des hommes tout le mal imaginable. Méprisez-les le plus poliment possible). На ряду съ этимъ настроеніемъ показнаго пессимизма и цинизма, въ Пушкинѣ сохранялся съ юныхъ лѣтъ привитый къ нему атеизмъ. Позируя атеизмомъ, ему нельзя было не протестовать противъ религіознаго фанатизма и лицемѣрія въ правительственныхъ сферахъ, въ то время въ сильнѣйшей степени распространенныхъ (архимандритъ Фотій, министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ). За одно изъ своихъ частныхъ атеистическихъ писемъ, попавшее въ руки властей, Пушкинъ былъ препровожденъ на жительство въ имѣніе его отца Михайловское подъ надзоръ полиціи.

По причинѣ рѣшительной противоположности темпераментовъ, періодъ байронизма не могъ быть продолжительнымъ въ Пушкинѣ. По справедливому замѣчанію Мицкевича, Пушкинъ не былъ въ настоящемъ смыслѣ байронистомъ, а только лишь нѣкоторое время оставался подъ сильнымъ вліяніемъ этого необыкновеннаго, хотя и односторонняго генія, и этого великаго и стойкаго характера. Изъ сѣмянъ этого вліянія выросли произведенія, которыя вознесли Пушкина на вершину его славы. Этими произведеніями были: „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, два не вполнѣ зрѣлыя творенія и чистѣйшій алмазъ „Цыгане“, плодъ личныхъ впечатлѣній изъ того времени, когда поэтъ кочевалъ съ цыганскимъ таборомъ по Бессарабіи. Доказательствомъ того, какъ общество того времени жаждало протестующей, запрещенной поэзіи, можетъ служить величайшее вниманіе, съ какимъ былъ встрѣченъ отрывокъ подъ заглавіемъ „Демонъ“, стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ разсказываетъ о томъ, какъ его посѣщалъ духъ сомнѣнія и глумленія (1823 г.). Посѣщенія эти не повторились,—нерасцвѣтшій цвѣтокъ, повидимому, засохнулъ. Но изъ подобной же почки расцвѣла цѣлая поэзія великаго наслѣдника Пушкина — Лермонтова. По личнымъ наблюденіямъ на мѣстѣ, въ Бессарабіи, за приготовленіями къ греческому движенію и по тому, что онъ

узналъ объ отношеніи къ послѣднему во всѣхъ общественныхъ слояхъ, как русскихъ, такъ и европейскихъ, Пушкинъ убѣдился, что изъ конституціонныхъ мечтаній о свободѣ ничего не можетъ выйти. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ уже въ 1823 году (1-го декабря) писалъ: „Это мой послѣдній бредъ о свободѣ, я отрекся отъ него, смотря на Западъ". Тѣмъ же числомъ помѣчено стихотвореніе „Сѣятель" („Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя").

„Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ".

Въ „Цыганахъ" уже не замѣтно вліяніе Байрона, скорѣе можно въ нихъ усмотрѣть идеи Ж. Ж. Руссо. Поэтъ идеализируетъ свободу дикаго племени. Къ цыганамъ присталъ цивилизованный человѣкъ Алеко (самъ Александръ Пушкинъ). Алеко, женясь на цыганкѣ Земфирѣ, не въ силахъ перенести того, чтобы жена его не сохраняла супружескую вѣрность и, заставъ ее на мѣстѣ преступленія, закалываетъ кинжаломъ какъ ее, такъ и ея любовника, молодого цыгана. Собрался судъ цыганъ и объявляетъ слѣдующій приговоръ:

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,

Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою".

Нѣкоторые русскіе критики усматривали въ этомъ отступничествѣ отъ байронизма осужденіе эгоизма, апоѳеозъ цыганской морали. Не заключается ли въ немъ, напротивъ, признаніе, что помимо всѣхъ пороковъ цивилизаціи, цивилизованный человѣкъ не можетъ оцыганиться до степени примиренія съ коммунистическимъ правомъ на женщинъ.

VIII.

Подневольное одиночество Пушкина въ Михайловскомъ (1824—1826 гг.) совпадаетъ съ временемъ, когда поэтическій его талантъ дошелъ до полной зрѣлости. Здѣсь онъ дописалъ „Цыганъ" и явилъ въ этомъ превосходномъ очеркѣ образчикъ гигантской силы своего поэтическаго творчества. Послѣ этого онъ углубился въ чтеніе Шекспира и Вальтеръ-Скотта и вскорѣ принялся за историческую драму „Борисъ Годуновъ", произведеніе, которое онъ самъ считалъ высшимъ между всѣми своими твореніями, несмотря на то, что критика принуждена была нѣсколько умалить эту оцѣнку. Здѣсь же онъ продолжалъ писать поэму, начатую имъ въ 1822 г. на югѣ, и оконченную лишь въ 1831 году. Это произведеніе Пушкина наиболѣе крупное по размѣрамъ и наиболѣе богатое послѣдствіями, такъ какъ изъ сѣмянъ его выросли всѣ позднѣйшіе, такъ называемые „герои нашего времени"; иначе говоря: возникъ русскій бытовой романъ, составляющій величайшую заслугу современной русской литературы. Подобно раскидистому дубу, знаменитая поэма „Евгеній Онѣгинъ"

собрала подъ свою сѣнь всѣ проявленія русской жизни, хотя въ ней нѣтъ общей идеи, проведенной органически. Приступивъ къ сочиненію ея, Пушкинъ, точно также, какъ позднѣе Словацкій, когда писалъ своего „Бенёвскаго“, взялъ для нея готовую форму байроновскаго „Донъ-Жуана“, не зная еще, чѣмъ онъ ее закончитъ. По мѣткому замѣчанію Мицкевича, Пушкинъ самъ не предвидѣлъ, что, разсыпавъ въ ней цѣлыя сокровища чувства и блеска, оборветъ содержаніе разсказа на прозаическомъ, довольно обыденномъ происшествіи, на разсказѣ о томъ, какъ досужный, свѣтскій молодой человѣкъ, оттолкнувъ отъ себя льнувшее къ нему сердце дѣвушки и преподавъ ей маленькій урокъ, затѣмъ, когда она вышла замужъ и стала важной дамой, влюбился въ нее до сумасшествія, но былъ отвергнутъ. Громадное достоинство „Онѣгина“ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что авторъ не рисуется, какъ Байронъ. Подобно Мицкевичу въ позднѣйшемъ „Панѣ Тадеушѣ“, онъ не гоняется за идеалами, а рисуетъ образы обыкновенныхъ, среднихъ, образованныхъ людей извѣстной эпохи, даже опредѣленнаго десятилѣтія, съ ихъ выдающимися чертами, какъ положительными, такъ и отрицательными. Онъ изображаетъ передъ нами самыхъ реальныхъ москвичей, слегка лишь прикрытыхъ чайльдъ-гарольдовскими плащами, сильно бездѣльничающихъ, съ утонченными вкусами, большихъ скептиковъ, пользующихся разсудкомъ, обостреннымъ и охлажденнымъ размышленіями. Надъ этими людьми властвуетъ женщина своимъ сердцемъ и тактомъ. Въ твореніяхъ Мицкевича нѣтъ ни одного такого удачнаго женскаго образа, какой созданъ Пушкинымъ, нарисовавшимъ въ „Онѣгинѣ“ Татьяну.

Въ гораздо позднѣйшее время возникли споры о томъ, былъ ли Пушкинъ дѣйствительно народнымъ поэтомъ не только по формѣ, но и по духу своей поэзіи? Если можно принять за неоспоримое, что образцомъ наиболѣе народнаго произведенія Мицкевича можетъ служить его „Тадеушъ“, несмотря на то, что сюжетъ поэмы взятъ изъ жизни дво-

рянъ, то слѣдуетъ признать, что и „Онѣгинъ“ насквозь народное произведеніе, возсоздающее бытъ и нравы того, правда, очень небольшого слоя народа, той среды дворянской, въ которыхъ сосредоточена была вся культурность даннаго времени. Теперь, по прошествіи послѣднихъ трехъ четвертей столѣтія, умственное развитіе уже несравненно глубже проникло внутрь общества.

Споръ о національнизмѣ или космополитизмѣ Пушкинской поэзіи можно уже считать поконченнымъ. Величайшими своими побѣдами и прогрессомъ современное состояніе русскаго умственнаго развитія обязано тому, что русская литература обогащалась неустанно черпая изъ всѣхъ сокровищъ иностранныхъ литературъ, подобно тому какъ Петръ Великій и его преемники брали примѣры съ иноземныхъ законодательствъ и благоустройства. Справедливо утверждаетъ Вогюэ, что хотя и почетно происходить отъ Рюрика, но еще почетнѣе происходить отъ праотца Адама. Пушкинъ, по словамъ Достоевскаго, произнесеннымъ въ Москвѣ на открытіи памятника великому поэту, былъ „всечеловѣкомъ“. Онъ обладалъ величайшимъ даромъ воплощаться въ каждую народность, въ которую мысль его переносила. Подобный даръ, изъ польскихъ поэтовъ, былъ свойственъ Словацкому. Пушкинъ подражалъ до совершенства корану, Данту; онъ переноситъ насъ всецѣло въ Испанію („Каменный гость“), въ древнюю Францію или Германію („Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“) и художественная правда при этомъ столь велика, что каждое изъ этихъ произведеній могло бы, въ соотвѣтственномъ переводѣ, получить право гражданства въ литературахъ странъ, являющихся мѣстомъ описываемыхъ событій.

IX.

Приближаясь къ заключенію нашего очерка, мы формулируемъ нѣкоторые общіе выводы относительно оцѣнки Пуш-

кина. Во всю свою жизнь онъ былъ прежде всего и почти исключительно великимъ художникомъ слова, который только случайно, почти невольно затрогивалъ соціальныя темы. Во время наступившей долговременной реакціи, когда общественная жизнь обнаруживалась едва слышнымъ пульсомъ и условія для свободнаго полета мысли были кромѣ того страшно стѣснены, поэту поневолѣ приходилось сосредоточиваться въ тѣсныхъ рамкахъ отвлеченнаго, чистаго искусства. Отъ этого даже и въ самомъ настроеніи его произошли перемѣны, отвлекавшія его до нѣкоторой степени отъ общества. Общее направленіе XIX вѣка было демократическое; въ Пушкинѣ же, наоборотъ, къ концу его жизни усилились стремленія аристократическія. Изъ рукописей его, найденныхъ послѣ его смерти, ко всеобщему изумленію, стало извѣстно, что мнѣніе его измѣнилось даже по отношенію къ важнѣйшему изъ соціально-народныхъ вопросовъ, освобожденію крестьянъ. Когда впослѣдствіи, черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти, наступила великая эпоха общественныхъ, либеральныхъ и демократическихъ реформъ, крайніе сторонники прогрессивнаго направленія задумали свергнуть Пушкина съ вершинъ его славы (главнымъ образомъ Писаревъ), они старались провозглашать его исключительнымъ эстетикомъ и судили о немъ съ точки зрѣнія узкаго утилитаризма, по понятіямъ котораго поэзія есть излишняя роскошь, и пара хорошо сшитыхъ сапогъ стоитъ больше, чѣмъ прекраснѣйшая поэма. Оказалось однако, что усилія эти были напрасны. Убитый ими геній воскресъ, могущество его еще болѣе усилилось и за него стоитъ необозримое число восторженныхъ поклонниковъ. Приведемъ хотя бы это выраженіе изъ сочиненія Вогюэ: „voilà qu'il se déclare le prédestiné, lumineux et insolent de bonheur“—лучезарный Аполлонъ съ золотой лирой въ рукахъ.

Всякій, кто ознакомился съ нимъ ближе, проникается величайшей симпатіей къ нему, уже по поводу великаго трагизма, которымъ запечатлѣна была его судьба. Не столько

въ стихотвореніяхъ, сколько въ его интимныхъ бесѣдахъ и письмахъ, зачастую слышались горькіе стоны или рѣзкія жалобы, обнаруживавшіе его страданія. Въ 1828 году онъ пѣлъ:

„....Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ“.

Въ томъ же году онъ набросалъ исполненное горечью, загадочное стихотвореніе „Анчаръ“ (древо яда). Въ 1833 году характерны стихи, начинающіеся со словъ „Не дай мнѣ Богъ съ ума сойти“. Въ 1834 году, когда онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „J'aime mieux recevoir le fouet devant tout le monde“. Въ томъ же году онъ пишетъ женѣ: „Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?“ Въ другомъ письмѣ къ ней же; „Живя въ....поневолѣ привыкнешь къ.... и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что ты gentleman“. Въ 1835 г. въ письмѣ къ Осиповой, поэтъ говоритъ: „Croyez-m'en: la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui la rend dégoutante et c'est un vilain lac de boue que le monde“. Наконецъ приведемъ еще такое мѣсто изъ письма къ женѣ, писаннаго за 8 мѣсяцевъ передъ его кончиной: „Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело, нечего сказать“.

Достойно величайшаго удивленія, что въ качествѣ отдѣльной личности человѣческой, на долю которой такъ мало выпало счастія, Пушкинъ не жалуется, ранъ своихъ не обнажаетъ, а съ поразительной стойкостью не перестаетъ пѣть соловьинымъ голосомъ до послѣдняго дыханія и такимъ образомъ исполняетъ свое поэтическое предназначеніе, согласно съ тѣмъ, какъ оно очерчено имъ самимъ („Чернь“):

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ".

Кому не извѣстно, что поэзія набрасываетъ на ничтожную и плачевную человѣческую дѣйствительность волшебное покрывало обмана, что достигается поэтическимъ воображеніямъ. Люди отъ этого становятся бодрѣе и счастливѣе, жизнь дѣлается выносимѣе, пріятнѣе!

Пушкинъ никогда не осквернилъ божественнаго поэтическаго дара, не отдавалъ его ни на какое служеніе; онъ всегда былъ вѣренъ той заповѣди, которую высказалъ въ одномъ изъ своихъ лирическихъ стиховъ: „первое завѣщаніе музъ": „чтить самого себя". Въ поэтическомъ посланіи князю Юсупову, Пушкинъ говоритъ:

„Ты понялъ жизни цѣль, счастливый человѣкъ:"
Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искавъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины".

И т. д. (см. 1830 г.)

И Пушкинъ дѣйствительно въ высшей степени обладалъ знаніемъ жизни, любилъ жизнь и поощрялъ къ ней потомство. При этомъ матеріалъ, поддерживавшій въ немъ его жажду жизни, совершенствовался въ немъ и облагораживался. Тотъ же самый человѣкъ, который смолоду былъ эпикурейцемъ и атеистомъ, сталъ почти вѣрующимъ и стоикомъ, когда въ элегіи воспѣвалъ (1830 г.):

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмелье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старе, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;

И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной".

Есть филаретская пѣсенка, приписываемая Мицкевичу:

„Ты въ книги грековъ, римлянъ врылся
Не для того вѣдь, чтобы сгнить,
А чтобъ, какъ грекъ, ты веселился,
Чтобъ, какъ римлянину, пожить".

Изъ всѣхъ славянскихъ поэтовъ Пушкинъ, по духу своей поэзіи, болѣе всего приближался къ грекамъ и лучше всѣхъ умѣлъ ощущать, любить и воспѣвать красоту. И за это да будетъ ему вѣчная честь и слава.

Чтеніе доцента **И. Лося**.

Пушкинъ въ польской литературѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Слава поэта распространяется въ чуждыхъ обществахъ неодинаково. Она отзывается то какъ бы эхомъ отъ далекаго, неяснаго голоса, то оглушая какъ громомъ, звуки котораго доходятъ до самыхъ глухихъ закоулковъ. Сочиненія поэта переводятся и комментируются; идеи вызываютъ споры; знакомство съ его твореніями становится обязательнымъ для каждаго образованнаго человѣка. Чѣмъ крупнѣе писатель, чѣмъ болѣе широкія сферы охватываетъ онъ своею мыслью, тѣмъ вліяніе его больше, тѣмъ болѣе появляется изъ него переводовъ и комментаріевъ.

Посмотримъ насколько широко трактуется Пушкинъ въ польской литературѣ.

Переводовъ Пушкина на польскій языкъ у насъ довольно много. Первые изъ нихъ стали появляться еще при жизни поэта, когда Мицкевичъ перевелъ четыре строфы изъ его „Воспоминанія“ : Вотъ этотъ переводъ.

Kiedy dla śmiertelników ucichną dnia gwary
I noc—wpół przejrzystą szatę
Rozciągając nad głuchej stolicy obszary,
Spuszcza sen, trudów zapłatę;
Wtenczas mnie, samotnemu, rozmyślań godziny
W ciszy leniwo się wleką,
Wtenczas mnie ukąszenia serdecznej gadziny
Bezczynnego srożej pieką.
Mary wrą w myśli, którą tęsknota przytłacza,
I trosk oblegają roje;
Wtenczas i Przypomnienie w milczeniu roztacza
Przedemną swe długie zwoje.
Ze wstrętem i z przestrachem czytam własne dzieje,
Sam na siebie pomsty wzywam,
I serdecznie żałuję i gorzkie łzy leję,
Lecz smutnych rysów nie zmywam.

Какъ кажется, это былъ первый переводъ изъ Пушкина на польскомъ языкѣ. Вскорѣ однако стали переводить поэмы бо́льшихъ размѣровъ. „Бакчисарайскій фонтанъ“ появился еще при жизни поэта въ трехъ польскихъ переводахъ, въ промежуткѣ между 1826 и 1834 годами. Не трудно догадаться почему польскіе переводчики обратили особенное вниманіе на эту поэму. Героиня ея—полька; по преданію это та Марія Потоцкая, которая, по словамъ Мицкевича, раньше чѣмъ уснуть въ могилѣ, вѣчно устремленнымъ къ отчизнѣ взоромъ прожгла яркіе слѣды на небѣ.

Три раза былъ переведенъ и „Кавказскій плѣнникъ“, также какъ и „Цыгане“. Послѣдній разъ въ 1881 году Міроставомъ Добржанскимъ. Существуютъ два перевода „Мѣднаго всадника“, какъ и „Братьевъ разбойниковъ“.

Послѣдній изъ нихъ исполненъ Вацлавомъ Лидеромъ въ 1898 году.

„Евгенія Онѣгина“ въ полномъ видѣ перевелъ только Адамъ Сикорскій въ 1847, но переводъ этотъ плохъ. Частями же переводили его давно Юліанъ Бартошевичъ и Подберезскій, въ послѣднее же время Будзинскій и Адамъ Плугъ. Начало поэмы послѣдній передалъ въ стихахъ, которые, какъ читатель увидитъ, совершенно того же размѣра, какъ и оригиналъ и чрезвычайно близки къ подлиннику. Вотъ это начало:

Stryjaszek mój, poczciwa dusza!
Jeżeli zaslabł nie na żart,
To do szacunku tem mnie zmusza
I za swój pomysł wiele wart.
Za wzór on innym służyć może.
Lecz za to nuda, o mój Boże!
Przy chorym dni i noce trawić,
Nie odstępując ni na chwilę!
Obłudy niecnej trzeba ile,
By wpółżywego starca bawić,
Przewracać, dźwigać po pościeli,
Lekarstwem poić, tonąć w smutku,
A w duszy szeptać po cichutku:
„Bodaj cię prędzej djabli wzięli!“
Tak myślał szaławiła młody,
Wcwał pędząc pocztą wśród kurzawy...
Jedyny—na co miał dowody—
Swych wszystkich krewnych dziedzic prawy.
Pozwólcie, mili przyjaciele,
Co mnie słuchacie sercem szczerem,
Bym, wstępnych słów nie tracąc wiele,
Zapoznał was z mym bohaterem:
Oniegin, druh mój z dawnych lat,
Urodził się nad Newą, kędy
I z was ktoś może ujrzał świat,
Lub skarbił sobie świata względy!

I ja tam wiek spędziłem młody:
Lecz szkodzą mi północne chłody.

Изъ другихъ, болѣе крупныхъ созданій Пушкина въ польской литературѣ имѣются давнишніе переводы „Скупого рыцаря“, „Бориса Годунова“ (отрывокъ), а изъ повѣстей— „Пиковая дама“ и нѣкоторыя другія.

Меньшаго размѣра стихотворенія переводили: Одынецъ— „Черную шаль“, „Пророка“ и сказку о „Золотомъ пѣтушкѣ“; Сырокомля—„Орла“ и „Грачей“. Переводили, кромѣ того, Александръ Гроза, А. Ходзько, Гомулицкій, Знатовичъ, Зеновичъ, Заторскій, Шлягеръ, Прусиновскій, Сабовскій и другіе. Въ послѣднее время Коровай-Метелицкій, кромѣ „Демона“ и „Ангела“, перевелъ, между прочимъ, одно изъ прелестнѣйшихъ стихотвореній Пушкина—„Пророкъ“. Приводимъ этотъ переводъ:

Spragniony chleba duchowego,
W pustyni wiodłem żywot zbrzydły;
Wtem na rozdrożu życia mego
Serafin stanął sześcioskrzydły,
I lekkiem palców swych ujęciem
Mych źrenic dotknął...
Za dotknięciem
Ocknęły się źrenice wieszcze.
Jak ptak, porwany w strachu dreszcze.
Mych uszu dotknął czarem ręki,
I szum napełnił je, i dźwięki...
Jam pojął sfer niebieskich drganie
I jak wzlatują w górę duchy,
I czem są płazów morskich ruchy,
I ziół powolne wyrastanie.
I usta moje wnet otwiera,
I język grzeszny mi wydziera,
Pełen obłudy i próżności.

Więc zbladły wargi me, jak chusta,
A on prawicą krwawą w usta
Wężowej żądło dał mądrości.
I mieczem rozciał pierś na dwoje,
Z niej wyjął serce, życiem drżące,
I precz odrzucił serce moje,
A włożył—ogniem pałające.
Jam był—jak trup, co leży w trumnie
I Boga głos zawołał ku mnie:
Proroku! powstań z życiem nowem.
Niech duch mój, co w twej piersi płonie,
Ognistem w świat wybuchnie słowem,
Palącem serca w ludzkiem łonie!

Извѣстны еще передѣлки, довольно близкія къ оригиналу Владислава Белзы: „Зимняго вечера“ и нѣкоторыхъ эпиграммъ, изъ которыхъ слѣдующая передаетъ особенно близко форму оригинала:

Najlżejszy czujnem uchem chwyta
Świst;
Tchem jednym wali, jak z kopyta,
List;
Wszystkim wokoło drze, niestety,
Słuch,
Potem drukuje i do Lety—
Buch!

Слѣдуетъ здѣсь упомянуть о львовскомъ изданіи 1887 г. „Вѣнкѣ“, въ которомъ были помѣщены лирическіе стихи Пушкина съ польскимъ переводомъ, сдѣланнымъ Солтыкомъ-Романскимъ.

Какъ видно изъ этого указанія, ни одного такого переводчика, который передалъ бы всего Пушкина, въ польской литературѣ не было. Но пробовавшихъ себя на этомъ поприщѣ было достаточно. Разумѣется, опыты эти не одина-

ково всѣмъ удавались. Между переводчиками, не говоря уже о Мицкевичѣ, встрѣчаются настоящіе поэты, но не было недостатка и въ плохихъ версификаторахъ.

Изъ хронологическаго обзора переводовъ видно, что они появлялись безъ перерывовъ съ 1826 г. по 1857 г. и затѣмъ съ 1881 г. до послѣдняго времени. Въ эти два періода времени появилось также и большинство сочиненій и статей, посвященныхъ Пушкину.

Рядъ послѣднихъ начинается съ Мицкевича. Раньше всѣхъ другихъ появившееся въ польской литературѣ мнѣніе о Пушкинѣ было высказано Мицкевичемъ въ мартѣ 1827 года въ письмѣ къ Одынцу.

„Я его знаю и мы часто видимся. Пушкинъ почти въ моемъ возрастѣ (двумя мѣсяцами моложе). Въ разговорѣ онъ замѣчательно остроуменъ и оживленъ. Очень начитанъ, хорошо знакомъ съ новой литературой. Взглядъ его на поэзію чистый и возвышенный".

Десять лѣтъ спустя Мицкевичъ написалъ некрологъ Пушкина въ журналѣ „Le Globe", переводъ котораго на русскій языкъ нынѣ помѣщенъ въ „Мірѣ Божьемъ". Мицкевичъ въ немъ характеризуетъ Пушкина, какъ поэта, указываетъ на вліянія, коимъ онъ подчинялся, признаетъ „Цыганъ" и „Мазепу" (т. е. Полтаву) знаменитыми произведеніями, хвалитъ „Онѣгина" за оригинальность послѣдней его части, находитъ, что предметъ и лица поэмы хотя и взяты изъ дѣйствительной, частной жизни, представляютъ мотивы истиннаго трагизма и вмѣстѣ даютъ сцены удачной комедіи. О „Борисѣ Годуновѣ" онъ говоритъ, что хотя и не ставитъ ее наравнѣ съ Шекспиромъ, но что эта драма полна превосходныхъ сценъ и считаетъ особенно замѣчательнымъ прологъ—въ высшей степени оригинальный и величественный. Онъ называетъ его единственнымъ въ своемъ родѣ.

Кромѣ того, Мицкевичъ, подписавшійся подъ некрологомъ „Одинъ изъ пріятелей Пушкина", говоритъ о страшной

потерѣ, испытанной русскимъ обществомъ въ смерти Пушкина и заканчиваетъ словами:

„Я зналъ русскаго поэта довольно продолжительное время. Я считалъ его человѣкомъ впечатлительнымъ, подчасъ легкаго характера, но всегда искреннимъ, благороднымъ, открытымъ. Его недостатки зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ жилъ, но все хорошее въ немъ исходило изъ собственнаго его сердца“.

Въ „Курсѣ славянскихъ литературъ“, Мицкевичъ, въ то время уже находившійся подъ вліяніемъ товіанизма, упрекалъ Пушкина въ томъ, что, поднявшись на возвышеннѣйшую точку зрѣнія относительно значенія поэта въ „Пророкѣ“, затѣмъ онъ понизилъ ее. Говоря объ „Онѣгинѣ“, онъ указывалъ на то, что въ тоскѣ, разлитой въ этомъ произведеніи, еще болѣе глубины, чѣмъ въ байроновской поэзіи, но высказалъ по поводу его слѣдующій упрекъ противъ общаго содержанія поэмы: „Намъ представляется, что Пушкинъ, когда онъ писалъ первыя главы Онѣгина, еще самъ не рѣшилъ, какую развязку онъ дастъ всему своему творенію. Невѣроятно, чтобы онъ рисовалъ такими трогательными чертами столь чистое и сильное чувство молодыхъ людей, предполагая дать ему такой грустный и прозаическій исходъ“. Указавъ еще разъ на значеніе „Бориса Годунова“, Мицкевичъ затѣмъ выразился такимъ образомъ о талантѣ Пушкина: „Все, что было усвоено сердцемъ славянскаго общества: политическія убѣжденія честной молодежи, страстныя мечты, посѣянныя Байрономъ, воспоминанія славянской старины,— все это онъ вывелъ на свѣтъ, облекъ въ прекраснѣйшія поэтическія формы и поставилъ передъ взоромъ публики“.

Нѣсколько позже появилось всего два, не имѣющихъ особаго значенія, сочиненія о Пушкинѣ, а именно въ „Жизнеописаніяхъ знаменитыхъ людей“ Вуйцицкаго (Варшава 1850 г.) и въ XXI томѣ „Всеобщей энциклопедіи“ Оргельбранда (1866 г.)

За послѣднія десять слишкомъ лѣтъ въ польскихъ журналахъ появился рядъ мелкихъ и крупныхъ литературныхъ ра-

ботъ посвященныхъ преимущественно выясненію нѣкоторыхъ, недостаточно еще разъясненныхъ сторонъ творчества Пушкина. Начало этимъ изысканіямъ главнымъ образомъ положено В. Спасовичемъ. Раньше его появилось лишь предисловіе Реттеля къ некрологу Пушкина, составленному Мицкевичемъ. Оно появилось въ 1880 году, но въ немъ не оказалось никакихъ новыхъ данныхъ о знаменитомъ русскомъ поэтѣ.

Въ указанномъ же періодѣ времени занимались по преимуществу отношеніями Пушкина къ Мицкевичу и къ поэзіи Байрона. Исключеніемъ изъ этого являются два труда Спасовича: рѣчь его, въ 1875 году на русскомъ языкѣ и статья его, помѣщенная въ „Краѣ“ въ 1887 году. Здѣсь проводится общій взглядъ на характеръ таланта Пушкина и на его значеніе для русской литературы. „Онъ былъ, говоритъ Спасовичъ, для русскихъ тѣмъ, чѣмъ Данте былъ для Италіи и Кохановскій для Польши, творцомъ поэтическаго языка“.

Изслѣдованіями надъ вопросомъ объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Мицкевичемъ и зависимостью Пушкина отъ поэзіи Байрона, послѣ Спасовича, занимались Третьякъ и Здѣховскій. Въ 1886 году Спасовичъ произнесъ въ Краковѣ публичную лекцію подъ заглавіемъ „Мицкевичъ и Пушкинъ передъ памятникомъ Петра Великаго“, въ которой старался выяснить связь между отрывками, добавленными къ 3-й части „Дядовъ“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“. Затѣмъ въ 1889 году Третьякъ опубликовалъ свой новый трудъ: „Слѣды вліянія Мицкевича въ поэзіи Пушкина“ въ которомъ онъ, полемизируя съ Спасовичемъ, указываетъ на значительно болѣе широкія границы этого вліянія. Точку зрѣнія того и другого Здѣховскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Спасовичъ стоитъ на твердой почвѣ, опираясь на извѣстныхъ, достовѣрныхъ фактахъ, между тѣмъ какъ Третьякъ сошелъ на широкій путь догадокъ, однако съ большимъ искусствомъ сумѣвъ доказать ихъ основательность“.

Главными пунктами, по которымъ расходятся оба автора, суть слѣдующіе.

Спасовичъ утверждалъ, что по причинамъ національнаго различія, поэты не могли прійти къ согласному пониманію значенія реформы Петра Великаго. Поэтому, воспроизводя веденный передъ памятникомъ между двумя поэтами разговоръ, Мицкевичъ прибѣгнулъ къ поэтическому вымыслу и вложилъ въ него собственное сатирическое міровоззрѣніе на могущественнаго автократа. Наоборотъ, по Третьяку, Пушкинъ самъ импровизировалъ либеральную эпиграмму, предсказывая поверженіе колосса въ пропасть, и на этой-то эпиграммѣ Мицкевичъ и построилъ свое стихотвореніе.

Далѣе, вопреки утвержденію Спасовича, Третьякъ доказывалъ, что *посвященіе:* „русскимъ друзьямъ“ относилось прямо къ Пушкину и Жуковскому.

Впрочемъ, по мнѣнію Спасовича, Пушкинъ, послѣ того, какъ онъ потерялъ прежнюю вѣру въ прославленнаго имъ героя, благодаря историческимъ изслѣдованіямъ, приблизился во взглядахъ своихъ на Петра къ Мицкевичу. Но свою мысль, несогласную съ прежнимъ боготвореніемъ, онъ какъ бы умышленно затемнилъ, и оттого только „Мѣдный всадникъ“ сдѣлался загадочнымъ произведеніемъ. По мнѣнію Третьяка поэма эта написана Пушкинымъ только въ видахъ собственной защиты отъ упрековъ Мицкевича.

Противъ взглядовъ Третьяка и принявшаго его сторону Здѣховскаго („Новое изслѣдованіе о Пушкинѣ“), Спасовичъ выступилъ въ статьѣ „Дѣло о Пушкинѣ. Мой споръ съ Третьякомъ“, въ которой снова защищаетъ свой взглядъ. Между тѣмъ Здѣховскій въ сочиненіи „Байронъ и его вѣкъ“ упоминаетъ о томъ, что мнѣніе свое онъ не измѣнилъ. О взглядахъ же Третьяка по этому поводу мы вѣроятно скоро опять узнаемъ изъ вновь появившагося его сочиненія „Этюды о Пушкинѣ и его отношеніяхъ къ Мицкевичу“, первый томъ котораго уже представленъ филологическому отдѣленію Краковской академіи.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ поэзіи Байрона писалъ уже Мицкевичъ, характеризуя эти отношенія такъ: „Пушкинъ попалъ въ сферу тяготѣнія къ Байрону и обращался вокругъ этой звѣзды, какъ планета, освѣщенная ея лучами“, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Мицкевича, Пушкина скорѣе можно считать принадлежащимъ къ стилю Байрона (byroniaque), чѣмъ байронистомъ.

Въ этюдѣ своемъ „Байронизмъ Пушкина“ Спасовичъ говоритъ, что такъ какъ фантазія Пушкина была богаче и талантъ разностороннѣе, то въ его поэзію вошли нѣкоторые свойства поэзіи, чуждыя Байрону. Съ другой же стороны, такъ какъ темпераментъ его былъ болѣе подвижный, мягкій и тонкій, то всякій разъ, когда онъ старался представить образъ въ родѣ „Корсара“, въ немъ замѣчались пятна и пробѣлы, вслѣдствіе неспособности проникнуть насквозь въ мрачную и суровую душу.

Общій взглядъ на вопросъ Спасовичъ сводитъ къ слѣдующему:

„Несмотря на противоположность въ организаціи и темпераментѣ Байрона и Пушкина, вліяніе Байрона на Пушкина было огромное, но временное, какъ слѣды камня брошеннаго въ воду, уменьшающіеся по мѣрѣ увеличенія отдаленія окружности отъ центра. Всей глубины отрицанія Байрона Пушкинъ не постигъ, но наружную его манеру онъ перенялъ. Съ теченіемъ времени вліяніе Байрона встрѣчалось съ вліяніями другихъ поэтовъ и происшествій, начиная съ Шекспира и Данта. Въ концѣ концовъ изъ всѣхъ этихъ перекрещивающихся между собой вліяній осталось на поверхности едва лишь примѣтное волненіе. Были моменты, когда поэтъ цѣликомъ освобождался отъ этого вліянія и становился свободнымъ, бодрымъ, вполнѣ оригинальнымъ, подобно игривымъ созданіямъ народной или шекспировской фантазіи, въ родѣ воздушнаго Сильфа, веселаго Пука или несравненнаго Аріеля“.

Здѣховскій, въ упомянутомъ сочиненіи „Байронъ и его

вѣкъ“ доказываетъ, что Пушкинъ не доросъ до пониманія героевъ Байрона и что герои Пушкина сохранили лишь наружное сходство со своими первообразами, заключающееся въ смѣшномъ позированіи меланхоліей. По Здѣховскому Пушкинъ только въ „Цыганахъ“ дошелъ до дѣйствительнаго вдохновенія Байрона.

Сущностью поэзіи Пушкина авторъ считаетъ жизнерадостность и благородство творческаго вдохновенія поэта. „Послѣ вдохновенныхъ экстазовъ Байроновъ и Мицкевичей—говоритъ онъ—поэзія Пушкина доставляетъ настоящій отдыхъ. Она похожа на тихое озеро, одинаково отражающее и печальное осеннее небо, и оголенныя деревья и радостно зеленѣющую весну съ лазурью небесъ“.

Пушкинъ, по настроенію своей природы, былъ эпикурейцемъ, но въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Настроеніе это ярче всего выступаетъ въ его лирическихъ стихахъ, которые критика давно и высоко цѣнитъ. Пр. Здѣховскій приводитъ въ заключеніе два, еще не бывшія въ печати, элегическія стихотворенія въ переводѣ г-жи Ванды Рехневской, и заканчиваетъ восторженными словами, обращенными къ лирикѣ Пушкина: „Очарованіе ея—говоритъ онъ—насильно проникаетъ въ душу, наполняетъ ее цвѣтами самой чистой красоты и несмотря на то, она неуловима – можно только чувствовать ее и молча ей удивляться“.

Рядъ упомянутыхъ нами этюдовъ и статей о Пушкинѣ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній въ области критики. Кромѣ того появился рядъ обозрѣній, которыхъ мы не поименовываемъ, ограничиваясь указаніемъ лишь того, что авторами ихъ были такіе извѣстные труженики литературной нивы, какъ, напр., Нерингъ и проф. Тарновскій. Когда „Kraj“ въ 1887 году въ годовщину смерти поэта посвятилъ № 5 своего „Литературнаго отдѣла“ Пушкину, въ немъ помѣстили свои статьи Спасовичъ, Третьякъ, Гомулицкій, Сабовскій, Загурскій, Божидаръ, Токаржевичъ и другіе. Здѣсь мы находимъ переводы нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній Пуш-

кина и критическій обзоръ переводовъ Пушкина на польскій языкъ. Съ того времени много прибавилось и переводовъ изъ Пушкина, и статей о Пушкинѣ.

Если бы мы вздумали польскіе разборы и критическія статьи о Пушкинѣ сравнивать съ такими же статьями о Мицкевичѣ, появившимися на русскомъ языкѣ, то по числу и серьезности перевѣсъ ихъ оказался бы на сторонѣ польской. Что же касается переводовъ, то таковыхъ изъ Мицкевича на русскомъ языкѣ гораздо больше, чѣмъ польскихъ переводовъ Пушкина.

ЗАМѢТКА О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ.

Обзоръ чтенія доцента Ст. Пташицкаго на польскомъ языкѣ.

Триста лѣтъ минуло съ той поры, какъ староста Ошмянскій Андрей Сапѣга (15 февраля 1598 года) предупреждалъ письмомъ Христофора Радзивила о вѣроятности появленія въ Москвѣ самозванца подъ именемъ убитаго сына Ивана Грознаго Димитрія. Съ того времени эта загадочная личность не перестаетъ занимать не только политиковъ, лѣтописцевъ и историковъ, но и весь классъ людей, считавшихся образованными какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами. Прошли вѣка, а задача осталась неразрѣшенной, и вотъ теперь, также какъ на закатѣ XVI столѣтія, тщетно мы доискиваемся: кто былъ этотъ человѣкъ, который въ 1605 году возсѣлъ, послѣ Бориса Годунова, на тронъ московскихъ царей подъ именемъ Димитрія Ивановича и увѣнчалъ короной прекрасную и тщеславную Марину Мнишехъ.

Загадочная личность самозванца и самая игра его судьбы, способствовавшая ему достигнуть одного изъ могущественныхъ и старинныхъ престоловъ, по словамъ г. Пташицкаго, естественно, должны были поражать воображеніе драматур-

говъ. Но, на ряду съ самозванцемъ, вырастаетъ еще другой образъ—Бориса Годунова, который, вслѣдствіе преступленія, совершеннаго надъ законнымъ наслѣдникомъ престола, поднялся туда, гдѣ карающее правосудіе людей не могло его достигнуть. Гибель коронованнаго убійцы, явившаяся какъ бы черезъ посредство тѣни убитаго царевича Димитрія, въ лицѣ самозваннаго его замѣстителя, навела Пушкина на мысль написать на эту тему трагедію, одно изъ лучшихъ его твореній.

Насколько удалось Пушкину справиться съ этой задачей? Вмѣсто отвѣта г. Пташицкій воспроизвелъ сцену чтенія отрывковъ изъ „Бориса Годунова“ въ кружкѣ пріятелей, между которыми находился и Мицкевичъ.

Сцена въ Чудовомъ монастырѣ произвела на слушателей огромное впечатлѣніе; на минуту всѣ какъ бы окаменѣли и затѣмъ раздался громъ рукоплесканій и буря восторговъ, а Мицкевичъ, обратясь къ поэту, сказалъ: „Et tu Shakespeare eris, si fata sinant“ (и ты будешь Шекспиромъ, если судьба дозволитъ). Извѣстно, что Мицкевичъ въ сочиненіяхъ своихъ высоко ставилъ красоты отдѣльныхъ сценъ этого драматическаго произведенія, а прологъ считалъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Но красота цѣлаго произведенія заключается не въ однѣхъ только отдѣльныхъ сценахъ, хотя ее не слѣдуетъ искать въ такихъ чертахъ, какія насъ поражаютъ въ прочихъ трагедіяхъ. Тамъ развиваются на нашихъ глазахъ потрясающія положенія, выступаютъ въ борьбу могучіе и богато одаренные характеры. Здѣсь мы видимъ, что ни Борисъ, ни самозванецъ истинно трагическихъ чертъ въ себѣ не заключаютъ. Ни одинъ изъ нихъ не борется, даже почти не дѣйствуетъ. Дѣйствіе происходитъ возлѣ нихъ, безъ ихъ участія и лишь увлекаетъ ихъ силой своей стремительности. Борисъ не въ силахъ бороться съ могуществомъ провидѣнія, карающаго его за преступленіе и ожидаетъ этой кары, чѣмъ отличается отъ героевъ греческихъ трагедій, безсознательно терзающихся подъ давленіемъ таинственнаго фатума. Само-

званецъ равнымъ образомъ лишь невольное орудіе провидѣнія, поэтому и онъ не представляетъ собою личности трагической.

Поэтому прежніе русскіе критики, смотря на произведеніе Пушкина съ точки зрѣнія принятыхъ теорій, считали „Бориса Годунова“ неудачнымъ произведеніемъ. Даже и самъ Пушкинъ не ожидалъ успѣха отъ своей драмы, хотя вполнѣ сознавалъ ея достоинства. Изученіе Шекспира, Карамзина и лѣтописцевъ—писалъ онъ—дали мнѣ возможность воскресить въ драматической формѣ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ русской исторіи. Источники для этого обильны. Не знаю только, сумѣлъ ли я ихъ использовать. Какъ бы ни было, я работалъ добросовѣстно. Я написалъ комедію о царѣ Борисѣ въ 1825 году и долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Вообще я равнодушно смотрю на успѣхъ или неуспѣхъ своихъ сочиненій, однако долженъ сознаться, что неуспѣхъ „Бориса“ отозвался бы на мнѣ чрезвычайно болѣзненно, а между тѣмъ въ неуспѣхѣ я почти увѣренъ“.

Очевидно Пушкину извѣстно было настроеніе критики того времени, которая держалась убѣжденія, что событія русскаго государства не могутъ представить ни одного сюжета, пригоднаго для трагедіи. Но и позднѣйшій, знаменитѣйшій изъ русскихъ критиковъ Бѣлинскій утверждалъ, что въ событіяхъ Руси временъ удѣльныхъ князей, когда послѣдніе то и дѣло свергали другъ друга съ престола, во всѣхъ переворотахъ измѣнялись лишь лица, содержаніе же событій оставалось одно и то же. Новое лицо не вносило съ собой никакой новой идеи, никакихъ новыхъ взглядовъ. А тамъ, гдѣ не встрѣчаются различныя идеи, не можетъ быть и столкновеній борющихся между собой основъ, тамъ не могутъ возникать и драматическія положенія. Даже исторія Бориса собственно не можетъ быть основой для драмы, такъ какъ и Борисъ не являетъ собой никакой новой идеи. Онъ просто человѣкъ, идущій къ цѣли путемъ преступленія. Но-

вым политическія стремленія приносилъ съ собой самозванецъ, личность страстная, энергическая, разумная; но стремленія его не выходили изъ предѣловъ мечтаній и судьба встрѣченная ими была одинаковая съ судьбой всѣхъ мечтаній.

Такимъ образомъ русская литературная критика не допускала возможности драматизированія какого-либо момента изъ событій внутренней жизни московскаго государства и доказывала, что попытка Пушкина должна была потерпѣть неудачу. И, вотъ, оказалось, что доводы эти были ошибочны и, что вопреки приговору теоретиковъ, произведеніе Пушкина заняло подобающее мѣсто въ русской литературѣ. Чѣмъ же это объяснить? Истинно творческій талантъ всегда ищетъ новыхъ путей, находитъ ихъ и только найдя ихъ, начинаетъ творить. При такихъ условіяхъ произведеніе художника непремѣнно окажется оригинальнымъ не только содержаніемъ, но часто и формой, совершенно свѣжей и не подходящей подъ правила старинныхъ формулъ. Именно это и случилось съ „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина.

Борисъ Годуновъ — говорилъ лекторъ — представляетъ совершенно новый родъ драматической поэзіи, въ которой трагизмъ заключается не въ борьбѣ между отдѣльными лицами, а въ развитіи и представленіи въ дѣйствіи главной идеи, въ которой поэтъ желаетъ показать намъ въ выдающихся чертахъ историческое событіе, и въ образной обрисовкѣ драматическихъ моментовъ въ частности.

Этой цѣли Пушкинъ достигъ, ибо идея его выступаетъ прозрачно: это фатализмъ преступленія, каковое, по самой натурѣ своей, всегда приводитъ за собой несчастіе и упадокъ. Картины „Бориса Годунова“ таковы, что Мицкевичъ, познакомившись лишь съ одной изъ нихъ, уже предсказывалъ Пушкину будущность Шекспира.

Далѣе, останавливаясь на подробностяхъ сценъ драмы, лекторъ указалъ на то, что сцена у фонтана, представляющая картину свиданія самозванца съ Мариной, со-

ставляетъ цѣликомъ созданіе фантазіи поэта, а не исторической правды. Въ ней поэтому такъ свободно выразился талантъ Пушкина.

Такія драматическія картины—сказалъ г. Пташицкій—впервые появились въ русской драматической литературѣ. Все, что въ ней до этого времени существовало, было почти лишено поэзіи и въ особенности народнаго начала поэзіи. Мѣткое замѣчаніе высказалъ еще Бѣлинскій, что во всѣхъ русскихъ драматическихъ произведеніяхъ того времени не было ничего своего, всѣ они казались какими-то нѣмецкими сочиненіями, примѣненными къ мѣстнымъ обычаямъ. Пушкинъ всталъ между ними, какъ великанъ между карликами, и доселѣ онъ превосходитъ всѣхъ своимъ поэтическимъ стилемъ и классическою простотой.

Мы привели здѣсь лишь общіе выводы, къ которымъ пришелъ г. Пташицкій въ своей лекціи, и не приводимъ всѣхъ мотивовъ, на которыхъ онъ основываетъ эти выводы. Намъ остается прибавить, что чтеніе свое лекторъ иллюстрировалъ нѣсколькими отрывками въ польскомъ переводѣ изъ знаменитаго драматическаго произведенія Пушкина.

Помѣщенныя выше въ переводѣ съ польскаго чтенія гг. Спасовича, Лося и Пташицкаго были произнесены на польскомъ литературномъ вечерѣ въ честь Пушкина, состоявшемся въ Петербургѣ 22 мая 1899 г. (наканунѣ обѣда). Вечеръ тотъ начался съ польской рѣчи редактора-издателя газеты „Kraj“ Эразма Пильца, служившей какъ бы предисловіемъ къ этимъ первымъ публичнымъ чтеніямъ на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ. Переводомъ этой рѣчи мы и заключаемъ брошюру, посвященную чествованію поляками памяти Пушкина въ столѣтнюю годовщину рожденія великаго русскаго поэта.

Рѣчь **Эр. Пильца.**

Мм. Гг., въ высокую честь и счастіе я вмѣняю себѣ то обстоятельство, что мнѣ выпало на долю открыть настоящее собраніе въ честь Пушкина, пользуясь передъ другими и въ первый разъ въ Петербургѣ, предоставленнымъ намъ правомъ говорить съ публичной каѳедры на родномъ нашемъ языкѣ,

Чувствую себя счастливымъ, что могу обратиться съ польскимъ словомъ, съ польскимъ привѣтомъ къ тѣмъ представителямъ русской литературы и русской науки, которые почтили своимъ присутствіемъ наше собраніе, къ тѣмъ, кто зная нашъ языкъ, цѣня и любя нашу литературу, лучше другихъ могутъ насъ понимать и ближе стоятъ къ намъ.

Прежде, чѣмъ компетентные голоса повѣдаютъ намъ о Пушкинѣ и охарактеризуютъ его творчество, позвольте мнѣ опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе сегодняшняго празднества.

Впечатлительность поэтовъ, служащая источникомъ ихъ вдохновеній, обусловливаетъ то, что они неизбѣжно должны переживать порою моменты сомнѣнія въ собственныхъ силахъ, сомнѣнія въ той будущности, которую они сами вѣщаютъ. Но великіе умы обуреваются сомнѣніемъ лишь временно; вѣра въ окончательное торжество правды и красоты даетъ имъ и вѣру въ себя, даетъ имъ также моменты глубокаго сознанія ихъ могущества и ясновидѣніе грядущей побѣды.

Такія ясновидѣнія бывали у обоихъ поэтовъ—Мицкевича и Пушкина. Еще на зарѣ своей славы, авторъ „Сонетовъ крымскихъ“ сказалъ о себѣ, что изъ безсмертныхъ пѣсенъ излившихся изъ его духа, „вѣка сплетутъ ему вѣнокъ“. Такъ и русскій поэтъ, перифразируя въ 1836 году Гораціево „Exegi monumentum“, предвѣщалъ свою славу. Здѣсь ораторъ прочелъ въ польскомъ переводѣ извѣстные стихи Пушкина, кото-

рые были выше приведены въ подлинникѣ въ рѣчи В. Спасовича:

Nie! nie zamknie się cała ma istność mogiłą!
Duszy, w pieśń obleczonej, nicość nie przeraża;
I sława moja przetrwa, póki będzie biło
Choć jedno serce pieśniarza.
I uczci mnie ojczyzna za to, że zakląłem
W nieznane dotad dźwięki poetyckie pienia,
I żem w twarde swe czasy bywał apostołem
Wolności i przebaczenia!

Двѣ столѣтнія годовщины, близкія одна къ другой, не въ одномъ только времени, являются блестящимъ оправданіемъ предвидѣній обоихъ поэтовъ. Празднество въ честь Мицкевича было согласнымъ и могучимъ аккордомъ чувствъ удивленія и благодарности къ народному пѣвцу. Въ настоящую минуту мы стоимъ еще собственно наканунѣ самаго юбилея Пушкина; но уже и теперь видно, что этотъ юбилей будетъ выраженіемъ поклоненія всего русскаго народа передъ духовнымъ памятникомъ поэта „вознезшимся выше Александрійскаго столпа".

Мы, проживающіе въ Петербургѣ поляки, для того, чтобы принять участіе въ чествованіи Пушкина, кромѣ побужденій общихъ, то-есть, нашего почитанія красоты и поэзіи, въ коей она отражается, удивленія къ творцу „Онѣгина", какъ къ великому поэту, великому художнику слова, и уваженія къ Пушкину, какъ къ человѣку, по опредѣленію Мицкевича, всегда „прямому, искреннему и сообщительному", имѣли еще и нѣкоторые особенные поводы: тотъ, что мы здѣсь въ гостяхъ и что здѣсь, на нашихъ глазахъ, тому нѣсколько мѣсяцевъ, происходило знаменательное чествованіе Мицкевича, устроенное обоими здѣшними русскими литературными обществами.

Но дань почитанія, приносимая поляками великому русскому поэту, не ограничилась сегодняшнимъ нашимъ собраніемъ. Представители польской литературы, науки и искусствъ

въ разныхъ польскихъ земляхъ и за ихъ предѣломъ, имѣя во главѣ Сенкевича, Оржешкову и Пруса, поспѣшили съ выраженіемъ своего участія. Читать здѣсь всѣ телеграммы, въ числѣ коихъ находятся и полученныя отъ одного изъ выдающихся представителей старой нашей эмиграціи въ Парижѣ (Гадона, нѣкогда секретаря Адама Чарторискаго) и отъ сына Адама Мицкевича, здѣсь не мѣсто [1]), но не могу не привести хоть двѣ. Ораторъ прочелъ телеграммы Львовскаго литературнаго общества и Элизы Оржешко и продолжаетъ такъ: Но наиболѣев ыдающимся мы должны однако признать чествованіе Пушкина состоявшееся въ Краковѣ.

„Фактъ, что за предѣлами Россіи, въ древней столицѣ Пястовъ, у подножія Вавеля, гдѣ покоится прахъ королей, тамъ, гдѣ хранятся наиболѣе живыя преданія народныя и историческія, тамъ, у самаго очагапольской умственной жизни, признано было умѣстнымъ, полезнымъ и необходимымъ устроить торжественное чествованіе русскаго поэта имѣетъ несомнѣнное, для всѣхъ понятное краснорѣчіе. Это явленіе, въ связи со всѣми иными, объясняетъ и вмѣстѣ возвышаетъ въ значеніи наше сегодняшнее скромное собесѣдованіе. Фактъ тотъ является свидѣтельствомъ, что мы, собравшіеся сюда, не являемся изолированными и что голосъ нашъ представляетъ собой не произвольный, оторванный тонъ, но тонъ созвучный“.

[1]) Телеграммы эти, помѣщенныя выше, читались на обѣдѣ 23 мая; отчетъ о краковскомъ торжествѣ помѣщенъ въ „Краѣ“ 28 мая. Приводимая же здѣсь рѣчь была произнесена на литературномъ вечерѣ. 22 мая.

